

ИГРА
СТОИТ
СВЕЧ

Felicia Sheldon

Annotation

Как считаете, есть ли между девочкой и мальчиком дружба? Простая, не имеющая никаких правил и обязательств, дружба?

Но что делать дальше, если дети вырастают, покидают свои гнёзда, и судьба раскидывает их по разным сторонам, разделяя навсегда?

Все было готово к обряду. Свечи аккуратно разложены по кругу, свет погашен. Я ждала Робби, пока она принесёт ручки с листочками, чтобы начать новую жизнь. Я хотела забыть сегодняшний день раз и навсегда.

Её бабушка была настоящей ведьмой, и вещи, которыми мы обложили себя, принадлежали ей.

Знаю, что брать чужое запрещено, но, как сказала Робби, это не опасно, если рядом есть она. И я поверила.

Мои родители относятся к потусторонним вещам поверхностно, утверждая, что это лишь детские сказки.

В семье я была, как говорится, третьим колесом в двухколесной телеге.

Если было что-то нужно, то приходили ко мне. А так я просто существовала. Я была младше всех, поэтому многое мне приходилось узнавать самой.

Хотя самым лучшим другом, несмотря на возраст, я считала Картера Чейза. Он был моей гаванью. И кто бы мог подумать, что даже спустя столько времени мы будем продолжать общаться?

— Наконец, ты вернулась, — стонет Ава, вытягивая к Робби руки.

Ава выглядела младше своих лет, но мудрая не по годам. Что бы вы у неё не спросили, она найдёт ответ.

Её непослушные волосы всегда были в беспорядке. Каштановые локоны так сильно кудрявились, что девушка даже боялась появляться на глазах у окружающих. Таким образом, она редко куда-либо выходит, предпочитая жизнь затворника.

Робби раздает всем по листочку с ручкой и одаривает каждого полуулыбкой, напоминающей, что это лишь шутка ради удовольствия.

— Мы просто поиграем, — говорит она тихо, усаживаясь напротив Бритт.

Та улыбнулась ей и кивнула. Я начинала нервничать, хотя не чувствовала страха. Наоборот, мне хотелось продолжения.

Я взяла ручку и усмехнулась, вспоминая правила нашего импровизированного шабаша.

Одевшись во все чёрное, мы и правда походили на настоящих чародеев. Нам бы каждой по метле с заострённым колпаком, цены бы нам не было.

— Бритт, напомни-ка правила, — шепчу подруге около себя. Бритт вздыхает.

— Каждый пишет на листочке имена тех, кто ему нравится, затем мы бросаем их в огонь и сжигаем, пока бумаги не превратятся в пепел.

— Ты думаешь, это сработает? — спрашиваю её, сомнительно поглядывая на Робби.

Тем временем она разжигала костёр в котле, проверяя, все ли на месте. Губ Бритт касается лёгкая улыбка и она отрицательно качает головой.

— Даже если Роб говорит, что ничего не будет, последствия все равно всплывут. В скором времени.

От её слов по коже пошли мурашки. Я начинала не на шутку нервничать, окрашивая будущее яркими красками. Когда в голову уже пробирались сомнения, Бритт схватила мою ладонь и крепко сжала.

— Не думай. Просто напиши свои желания на листке и сожги, — она подмигивает и берет ручку, — просто давай закончим это поскорее и вернёмся к обыденным делам.

Я усмехаюсь. Ава стонет возле меня, затем мысленно стреляет в нас с Бритт грозные молнии. От её взгляда мне становится не по себе. Она машет пальцем перед нашими лицами.

— Что бы вы не думали, но с магией не играют. Или все по правде, или никак.

Робби включает магический шар и закрывает глаза, настраиваясь на нужную волну. Она просит нас взяться за руки и закрыть глаза.

— Итак, вы готовы начать свои жизни с чистого листа? — спрашивает Робби на полном серьёзе.

Я подавляю смех и соглашаюсь, отчасти веря, что это все по-настоящему. Втроем мы написали свои пожелания и качества настоящего идеала того, кто нам нравится, и по очереди бросили клочки бумаги в кипящий котел, от которого зависело наше будущее, во всех смыслах.

Робби улыбнулась и пожала нам руки. После нашего обряда моё сердце забилося чаще, а ощущение свободы не покидало до самого возвращения домой. Мои мысли были только о результате. О том, что будет завтра.

Придя домой, я сразу спустилась к себе в комнату, надеясь заняться своими домашними делами. Но все оказалось не так. Моя комната находилась в гараже, так как это было единственное тихое место в доме. Меня здесь никто не трогал, и я ощущала себя в своём мире.

Удивленная, подхожу к комоду и прислоняюсь боком, в защитном жесте скрещивая руки.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю рассеянно. Папа встаёт с моей кровати и откашливается, заводя руки за спину.

— И тебе добрый вечер, принцесса, — его улыбка холоднее льда.

Он подходит ко мне ближе, я замираю. Выражение его лица было чересчур спокойным. Меня это насторожило.

Если он пытается снова свести меня с кем-то, то я наотрез откажусь. В детстве, когда мы разговаривали об этом, это было смешно. Но сейчас это выглядело полным бредом.

Папа, будучи выше меня на две головы, положил на мои плечи свои руки и вдохнул, грозно смотря в глаза.

— У меня небольшие дела в Сан-Франциско, поэтому мне нужно, чтобы ты была в безопасности. Для этого ты отправишься к своей матери в Нотервиль.

Я разинула рот, расширив глаза. Он это серьёзно? Я качаю головой.

— Нет, ты не имеешь права, — мой голос повышается и горло начинает хрипеть. Папа хмурится.

— Это всего лишь на неделю, — успокаивает он, сжимая руки.

Я видела, как ему нелегко это произносить. Закрываю глаза, но это не помогает.

Снова открываю веки, молча прося его остаться здесь. Но он вздыхает, означая, что ничего нельзя изменить.

— Здесь вся моя жизнь, пап, — говорю ему, опуская глаза. Он дышит ежесекундно, его умиротворение исчезает.

— Если ты под этим словом имеешь в виду соседа Чейза, то это не жизнь. — Я пожимаю плечами.

Мой папа открыто возненавидел Картера, когда тот ослушался его. Во время церемонии вручения дипломов по окончанию средней школы, Картер пообещал привезти меня домой

ровно в десять, но он этого не сделал.

Наоборот, поздно узнав, что мне подсыпали снотворное в коктейль, он отвез меня к себе. Я решительно настаивала, чтобы в таком состоянии меня не увидел отец.

Картер отвез меня к себе и даже помог с рвотой, которая и была последствием ужасной шутки. На следующий день домой я пришла чуть позже обычного. Папа закатил скандал. После этого он запретил мне вообще видиться с Картером Чейзом.

Злость затмила мне все, что отвечало за рассудительность и благоразумие. Однако мне не хотелось расставаться со своим лучшим другом.

Отец был непоколебим, а у меня не было права голоса. Я свела брови и подняла подбородок.

— Может, это и к лучшему, что мама с тобой развелась, — выпалила я на одном дыхании.

Папино лицо покраснело от возмущения. Все его многолетние практики по сдерживанию гнева испарились.

— Да как ты смеешь впутывать в это свою мать, чёрт возьми? — Он замахнулся на меня, но вовремя сдержался, видимо, напоминая себе, где он находится.

И даже сейчас мне хотелось сбежать. Теперь я сама хотела уехать от него.

— Если минуту назад я мог бы тебе дать время на то, чтобы ты попросилась со своим дружкой, то сейчас этот шанс упущен. Ты уезжаешь завтра утром, — вынес он вердикт, хотя для меня это был сущий приговор.

Клетка закрыта на замок, и теперь я превратилась в настоящую птицу для его игр.

— Ты не можешь так поступить со мной! — кричу во все горло, но отец меня уже не слышит.

Он уходит из моей комнаты, тогда я падаю на кровать и зарываюсь в одеяло, молясь, чтобы завтрашний день никогда не наступал.

В Броуке мне нравилось, здесь по-настоящему была жизнь, но жаль, что отец был слишком отстранен от меня и мы почти не общались. Он всегда ставил меня на последнее место, когда как я всеми силами боготворила его.

Он был для меня Богом, а я падшим Ангелом, просящий прощения, чтобы он вернул меня домой. Но я оказалась полной дурой, поверив, что Бог милосерден со своими подчиненными.

Картер

Один. Два. Три. Я прихожу в себя, ровно и глубоко дыша через нос. Стою позади дома, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что она ушла. Она оставила меня одного, даже не обмолвившись об этом.

Дерьмо.

Разве я не достоин этого? Чёрт возьми, да я вырос вместе с ней, знаю ее лучше, чем собственной отец Эйв. Чёрт бы его побрал!

На самом деле отец Эйвери был мэром нашего городка. Под его властью находилось все. Люди лизали ему зад, боясь вставить своё слово. Они боялись его, потому что он был главным. Хозяином. И ему это нравилось.

Он играл с нами, как только мог, потому что знал все последние сплетни про каждого. Он наслаждался страданиями других, когда у самого разваливалась семья.

Как рассказывала мне Эйви, мама ушла от него, решив, что с неё хватит постоянных папарацци и огромного внимания. Она скучала по своей родне, оставшись с отцом один на один.

Но теперь, закончив учёбу, она свободна. И сейчас она где-то далеко от отца. Главное, от меня.

Я остался в чертовой зоне не досягаемости. Не понимаю, где она и что с ней. Она оставила меня и, возможно, забыла.

Может, я сделаю то же самое?

— Родной, — зовёт меня усталый голос матери.

Я вздыхаю, оборачиваясь. Мои плечи напряжены, но когда я её вижу, расслабляюсь. Она подходит ко мне и сжимает руку. Мой отец умер сегодня и это было самое страшное, что со мной когда-либо случилось.

Щеки женщины краснеют на морозе, поэтому мы заходим в дом.

— Не думай о ней, Картер. Ты встретишь другую девушку, и она будет самой лучшей, — говорит мама, улыбаясь. Я потираю её плечо в утешительном жесте и хмыкаю.

Сажусь в кресло и закрываю лицо руками. "Другой такой нет, мам," — думаю я.

— Спасибо, мам. — Я вздыхаю, крепко обнимая её. — Как же мне будет не хватать твоей поддержки в Нотервиле...

— Даже не вздумай вешать нос, и ты всегда можешь вернуться обратно, — говорит она мягко и отходит назад, предоставляя мне полный выбор.

Я киваю. Завтра я должен быть там, готовясь к чемпионату. После усиленных тренировок в школе мне так понравилось сама мысль о спорте, что я не мог ни о чем больше думать.

Получив аттестат, я сразу отправил все документы в спортивный колледж. Они сразу меня приняли и теперь я защитник в начинающей команде под названием "Взрыв".

Члены группы сразу приняли меня в свой круг. Я даже успел обзавестись новыми приятелями, которые, кстати, тоже занимали важные для команды позиции.

Коул, Оуэн и Колин отлично вписались к "Взрыву". Парни вечно шутят над моей склонностью к рисованию, но я только отмахиваюсь от них, напоминая, что это всего лишь хобби.

Мама целует в щёку. В её глазах таится тепло. Я не хочу её покидать, но, уехав отсюда, я смогу помочь ей.

Я питался этой мыслью до самого приезда в Нотервиль — солнечный, небольшой по площади городок со своими причудами.

— Конечно. Я начну жизнь заново и обещаю, ты будешь гордиться мной, — говорю матери, смотря прямо в глаза и не капли не боясь того, что будет завтра утром.

Она улыбается и ослепляет меня. Обнимая одной рукой, мама помогает мне подняться.

— Я даже не сомневаюсь в этом.

И теперь я хочу победить. Победить ради семьи и будущего. Я уверен в себе, а это главное.

Эйвери

Ну, вот я и дома. Я вытаскиваю из багажника такси свои два чемодана и качу их к входной двери. Дверь приходится открывать самой, так как в нашей семье нужно делать все без чьей-либо помощи.

Как только я ставлю чемоданы возле зеркала, поправляя растрепанные волосы на голове, сверху доносятся визги. Через секунду ко мне спускается моя старшая сестра и крепко обнимает.

— С возвращением, — вопит она, кружа меня по комнате. Я улыбаюсь, позволяя себе вдохнуть кислород.

— Привет, Шанти, — коротко кивая, произношу я.

Лицо Шанталь сияет. Её тело вытянулось за несколько лет разлуки, длинные волосы заплетены в одну косу, ресницы стали гуще и даже, как я заметила, появилась талия. Я оглядываю её с ног до головы.

— Ну, наконец-то ты стала похожа на девушку, сестра, — усмехаюсь, играя бровями. Её брови встречаются на переносице. Она отходит в сторону, качая головой.

— Вообще-то, это ты у нас была похожа на сорванца, малышка Ти, — с грозным видом, как умеют только старшие сёстры, смотрит на меня сестра.

Она сканирует меня своими карими глазами и на губах тоже появляется намёк на усмешку.

— Но ты тоже изменилась, как я посмотрю, — Шанталь задумчиво потирает подбородок. — Только не пойму, в какую сторону: в худшую или наоборот...

Я закатываю глаза, проходя мимо неё. Узнаю свою сестру.

— Спасибо за тёплый приём, — посылаю ей воздушный поцелуй и осматриваю дом.

Коридор занимал самую малую часть. Пройдя дальше, можно заметить гостиную, окрашенную в светло-зелёный цвет.

Самую большую площадь в ней занимал, полукруглой формы, балкон. Витражные окна доходили от пола до потолка и раскрашивали полы в фиолетовый цвет. Сам интерьер дома больше походил на винтажный стиль.

Всякие мелкие изделия, антиквариат, безделушки, пропитанные прошлыми годами — все пахло роскошью и дополняло шарм.

Мебель была изготовлена из чистого дерева, а сама лестница, которая вела на следующие этажи, была изготовлена специально под заказ, вырезанная из белой березы. Здесь пахло домом. Настоящим, а не тем местом, где я прожила всю жизнь.

Несмотря на то, что развод родителей повлиял на нас с сестрами, мы по-прежнему в хороших отношениях. И даже если случилось что-то плохое, в нашей семье это слово характеризовалось чем-то вроде летающей коровы.

Шанталь проходит дальше, смеясь за моей спиной.

— Ты не исправима, сестренка. Кстати, как там наш отец?

Так как я осталась с папой, а мама забрала сестёр, когда они были совсем маленькими, Шанталь и Лиззи не видели его.

Поэтому больше всего мне приходилось находиться в мужском обществе, наслаждаясь футболом, регби и прочей мужской ерундой, когда я жила с отцом.

Тогда как Шанталь и Лиз, моя средняя сестра, жили с мамой, в женском обществе, упивались сплетнями про знаменитостей и наслаждались всеми радостями жизни.

Шанталь вообще не разговаривает с ним, и это её не колышит. Если мужчина не делает что-либо сам, тогда Шанти просто никак не реагирует на него. В её жизни его просто нет, и я точно не знаю, что случилось между ними.

— Снова уезжает в командировку и поэтому отправил меня сюда. Он даже не дал времени мне попрощаться с друзьями, — вздыхаю я, чувствуя, как вскипаю.

Шанти закатывает глаза и самодовольно усмехается.

— Он в своём репертуаре, как всегда. — Она закидывает одну руку мне на плечо и повисает. — А что насчёт друзей? Ты говорила мне как-то раз про Чейза... — Она вздыхает. — Подразумеваю о прощаниях с друзьями... это про него ты имела ввиду, м?

Я просто киваю.

— Да, это ведь несправедливо. Из-за этого... м... сказала ему пару ласковых напоследок...

Лицо сестры вытягивается и она замирает на месте. Мне тоже приходится остановиться. Я сглатываю.

— Что ты ему сказала? — спрашивает она, её щеки краснеют. Я качаю головой.

— Что мама сделала правильное решение, разойтись с ним...

Шанти вздыхает через нос и пожимает плечами. Теперь я чувствую, как будто что-то сделала не так. Не успеваю осознать это, как слышу голос матери позади себя.

— Ты правильно сделала, что напомнила ему обо мне.

Я оборачиваюсь через плечо, наблюдая, как она спускается по винтовой лестнице с широкой улыбкой на лице.

Зои Мэрием Джонсон была выше меня на две головы, как и папа. Пышные золотистые локоны всегда распущены и всегда выглядят естественно.

Карие глаза матери встречаются со мной и она целует меня в щеку.

— Я рада твоему возвращению до безумия, ma chérie (фран. — моя дорогая) — лепечет она, потирая мне спину. Я улыбаюсь от уха до уха.

— Кажется, наши ощущения взаимны, ма, — смеюсь я, разглядывая дом. — Ты, видимо, здесь все поменяла с прошлых лет, когда я уезжала.

Мама качает головой и проходит к Шанти. Та зеваает, делая вид, будто только что проснулась. Но маму не провести. Наоборот, она машет перед ней указательным пальцем и сурово смотрит на неё. Шанталь вздыхает и, ругаясь себе под нос, уносит мои чемоданы в комнату.

Надеюсь, она не подверглась масштабным изменениям...

— Я всего лишь сменила цвет обоев во всех комнатах, поменяла полы на дерево, чтобы не терялась связь с природой, и мебель. Мне так понравились эти изогнутые ножки на креслах, что я не могла удержаться.

Я закрываю лицо руками и стону.

— И это называется "всего лишь"?

— Перестань все драматизировать, Ви, — просит мама, бросая в меня страдальческий взгляд. Я качаю головой.

— Я просто удивлена тем, как быстро ты забываешь прошлое.

Мама тепло улыбается и сжимает моё плечо.

— Не волнуйся, я научу тебя этому. Ты, наконец, дома, а значит, я покажу тебе много

интересного.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спрашиваю, на что Лиззи, спускаясь с лестницы, чтобы повстречать меня, отвечает мимолетной улыбкой, которая тут же исчезает.

— Мама преподает йогу напротив моей работы и ищет напарника, чтобы попрактиковаться. — Лиз усмехается, прикрывая ладонью рот. — Ты вовремя вернулась, Ти.

Я тяжело вздыхаю. Не думала, что оказавшись в родных стенах, я буду чувствовать себя как загнанный кролик.

Эйвери

Распоковав все свои вещи по полочкам, мой телефон на полке подаёт сигнал. Я бросаюсь к мобильнику, надеясь, что это Картер. С замиранием смотрю на экран, но абонент скрыт.

— Слушаю.

— Привет, — поёт Бритт мне в ухо. Я улыбаюсь и сажусь на кровать. Моя комната, слава Богу, не изменилась.

Просторная кровать стояла по середине комнаты, сделанная вся из железных прутьев. Стены пахли настоящим деревом. Белого оттенка с чёрными крапинками. Вся комната была подстроена под меня. Имелась даже лестница на крышу, где я всегда проводила время, когда было грустно.

Я просто сидела и читала книги, мечтая когда-нибудь тоже найти бескорысную, вечную любовь.

Может это даже и хорошо, что я приехала сюда. Все ничего, лишь бы не находиться с отцом. Ему была важна лишь работа, теперь я это поняла.

— Привет, Бри. Ты думаешь, что-то изменилось в твоей жизни после вчерашнего?

Бритт хмыкает и я слышу детский писк рядом с ней. Я не могла не спросить её об этом.

— Если бы, подруга. Наоборот, все по-прежнему. Я сижу со своим братом, пока родители отдыхают в Австралии. А что у тебя? Твоя жизнь изменилась? — спрашивает она и я теряюсь, что ответить.

"Да, моя жизнь координально, а главное без моего на то решения, изменилась," — думаю я.

— Не то слово. После вчерашнего мой отец отправил меня к матери, — я вздыхаю, падая на матрас, — и теперь я живу в Нотервиле, надеясь, что завтра на меня упадёт метеорит. — Усмехаюсь я.

Бритт хихикает, пытаюсь по другую сторону утихомирить своего младшего брата.

— Ого, оказалось, последствия всплыли быстрее, чем я предполагала. Не унывай, Ти. Если бы я имела возможность приехать к тебе, тут же прилетела.

Я понимающе киваю и закрываю веки.

— Ничего страшного, Бритт. Созвонимся и передай Дону, чтобы не доставал тебя, — делаю голос грозным и от этого маленький непоседа гогочет надо мной. Бритт делает передышку и соглашается.

— Конечно, спасибо.

Как только я отключаюсь, то сразу ощущаю, как на грудь давит тяжёлый груз. Чувство предательства и вины. Я должна была поговорить и все рассказать Картеру, но отец не позволил.

Не думая ни о чем, автоматически набираю по памяти номер Чейза.

Идут гудки, затем меня отсылают на голосовую почту. Бессмыслица. Я пробую ещё раз, но происходит тоже самое. Монотонный голос отправляет меня на голосовую почту. Я стону.

Стук в дверь отвлекает. Я приподнимаюсь на локтях, когда меня окликает Шанталь.

— Эй, — она заходит в комнату и садится рядом, подпирая ноги под себя. Карие глаза

Шанталь блестят. Она улыбается.

— Составишь мне компанию на футболе? — её голосок такой сладкий, что, кажется, ещё чуть-чуть, и мои уши расплавятся. Я моргаю.

— Разве ты любишь футбол? Ты и спорт — несовместимы, — смеюсь я.

Шанти, видимо, ожидала подобного ответа, поэтому просто пожимает плечами. Её лицо становится серьезнее.

— На самом деле мне нужно посмотреть, как играют сами футболисты, знаешь? Их повадки, изучить походку... — Она сглатывает, заставляя меня вспомнить, кем она работала.

Шанталь — фотограф. Её специальность заключалась в том, чтобы запечатлеть момент на камере, сделать из обычной картинки сочный кадр, а затем продать. Но как это связано с футболом, я пока не понимала.

— Босс поручил мне организовать фотосессию с футболистами из "Взрыва". Говорят, они лучшие в своём деле. А мне как раз это и нужно. Думаю, они отлично будут смотреться на каком-нибудь календаре или обложке журнала.

Я закатываю глаза.

— Но ты же в нем совсем не разбираешься.

Она округляет глаза, кивая.

— Для этого ты мне и нужна. Ты же прожила с отцом все эти годы и, я уверена, знаешь, что там и как. Пожалуйста, Ти. — Шанти обнимает меня и я вздыхаю.

— Ладно, только больше не используй моё второе имя в таком ключе, идёт? — Она кивает и широкая улыбка озаряет её лицо.

Стадион забит фанатами. Каждый держит плакаты с изображением того футболиста или той команды, за которую они болеют. Одна половина одета в красные футболки за команду "Взрыв", а другая, как на другой стороне баррикады, одета в синие за команду "Бойцов".

Все кричат возгласы в знак поддержки, заученные девизы и реплики, которые сами придумали.

Я пытаюсь удержаться за руку сестры, дабы не потеряться в этом бесчисленном аду.

Шанталь занимает наши места в первых рядах, я опускаю кепку ниже, закрываясь от солнца. Шанти переполняют эмоции. Начинается игра и игроки встают на свои позиции.

— О, господи, они все тут такие аппетитные, Эйв, — задыхается Шанталь.

Я усмехаюсь, но делаю вид, что меня не волнуют её слова. Я знаю о футболе все, смотрела каждую игру. Но дело в том, что если ты разбираешься в спорте, но тебя это не трогает, никак не достичь победы, если на самом деле этого не захочешь.

Я знала каждую команду; папа учил меня и заставлял смотреть до конца все матчи. Однако, я не чувствовала удовлетворения, когда смотрела их. Они для меня были лишь картинками.

Я любила бросать мяч и играть с ним просто так, не задумываясь, как и что делать, чтобы забить гол. Я просто игралась.

Шанти вдруг резко выпрямляется, когда заканчивает скрытно снимать на свой телефон футболистов.

— Эйвери? — Голос сестры становится на октаву ниже. Моя грудь сжимается.

— Что ты там нашла на этот раз такого необычного? — смеюсь я. Она молча указывает на игрока с левой стороны, бегущего к воротам.

Моё сердце останавливается, я вжимаюсь в пластиковое сиденье под собой и разиваю

рот. Просто наблюдаю, но мне этого достаточно, чтобы узнать его цифру.

Десятка мечется перед моими глазами снова и снова. Но что тут делал Картер? Мать твою, что он тут делает?

— Картер? — Я не могла распознать, где находилась я и мой голос.

Но когда его имя слетело с моих уст, парень будто почувствовал, резко остановился, поворачивая голову в нашу сторону. Я вижу, как у него першит в горле, глаза расширяются, как и мои, и он влетает в противника.

Картер

Я слышал её голос, как свой собственный. Она была там, ведь так? Я не спятил. Хотя говорить об этом с точной уверенностью я пока не мог.

Неделя изнурительных тренировок давала о себе знать.

Я постоянно хотел спать, не много ел и много, очень много бегал, чтобы поддерживать форму. Встретившись с Адамом с глазу на глаз, я успокоился. От его пронзительного взгляда все девушки превращались в лужицу. В том числе и парни.

Его голубые глаза скрывали что-то тёмное, но он никому об этом не говорил. Сколько я не пытался что-либо вытянуть из него, парень молчал, будто воды в рот набрал. Но если он чего-то хотел, он мог вытянуть любую информацию.

— Хэй, бро, — улыбаясь говорю ему, хлопая по плечу. Он широко улыбается и кивает головой.

— Привет, Стальная голова, — усмехается он. Я толкаю его вперёд и тот падает, но быстро встаёт на ноги.

— Если я упал один раз, это не значит, что теперь меня можно так называть.

Адам улыбается и затем гогочет. Секунду спустя к нам подбегают Оуэн, Колин, Коул и Силент. На нас все ещё натянуты футбольные формы, правда уже пропитанные потом и грязью. Я встряхиваю плечами, до сих пор привыкая к тяжести.

Оуэн, почесывая длинную бороду, сощуривает глаза и пробегает озадаченным взглядом по всему стадиону.

— Горячая вышла игра, не так ли? — говорит он.

Коул соглашается, пока я наблюдаю за своими ощущениями. Адам, замечая моё отстранение, подходит ближе, пока парни обсуждают игру.

Хоть мы и выиграли с перевесом в один счет, я не мог унять собственную дрожь в коленках.

Толпа постепенно редела и у меня появилась совершенно безумная идея. Я сощуриваю глаза от солнечных лучей.

Адам хмыкает и качает головой. Он знает этот безумный взгляд, которым я сейчас поглащен. Может, это будет ошибкой, но мне, на фиг, плевать.

Я снимаю шлем, делая несколько шагов назад к раздевалке, где сейчас находились мои вещи.

— Я должен кое-что закончить. Увидимся в "Вороне", — говорю им названия паба. Адам бросает на меня недоверчивый взгляд, но ничего не говорит. Парни кивают, снова уходя с головой в обсуждения нашей победы.

Я перебрасываю рюкзак через плечо, глубоко дышу, когда лбом встречаюсь с лицом Адама. Он косится на мои сжатые кулаки и губы парня превращаются в тонкую линию.

— Куда же ты? — спрашивает он.

Я качаю головой, пытаюсь пройти его. У меня мало времени, чтобы объяснить. Но Адам не понимает, хватаясь за моё плечо.

Когда я только приехал в этот город, он сразу принял меня, словно родного брата. На самом деле наши матери были лучшими подругами с давних времён, и моя мама решила, что так будет проще. Когда я буду под чьим-то присмотром, нежели один в чужом городишке.

Узнав про моего отца, Адама это подкосило, как и меня, конечно, но мы оба не показываем этого миру.

И, конечно же, Адам знал про Эйвери. Я рассказал ему про неё, как только он спросил, почему я оказался тут.

— И что ты намерен делать? — спросил Адам тогда. Я ухмыльнулся и выпил апельсинового сока, предложенного его мамой. Я просто пожал плечами.

— Начну выигрывать и усердно работать над собой.

Я закатываю глаза. Глаза Адама смягчаются.

— Ты к ней? — напрямик спрашивает он, будто знал все и так. Я вздыхаю и потираю лоб от отчаяния.

Её лицо мне виделось практически везде. Куда бы я не посмотрел и не повернул голову, везде была она.

Эйв будто манила меня. Звала идти за ней, но какая-то сверхсила отделяла нас друг от друга.

— Я, кажется, видел её. — Адам хмурит брови.

— Ты уверен? На игре был чуть ли не весь чертов город, знаешь ли? Может, это просто мираж?

Почему, но мне хочется закричать в знак протеста. Я уверенно качаю головой.

— Нет, это была она. Она была в кепке, которую я дарил ей на шестнадцатилетний день рождения.

Я выхожу на улицу и глубоко вдыхаю, позволяя чистому ветерку охладить моё разгоряченное лицо.

Адам окликает меня, крича через поток холодного ветра. Его мышцы напрягаются, когда он поднимает руку ладонью ко мне лицом.

— Передавай Шанталь привет, если встретишь её. — Я улыбаюсь, кивая.

Вспоминаю, как встретился первый раз со старшей сестрой Эйвери. Она выше и старше её.

Может, они и родственники и у них одни и те же родители, но на самом деле эти девчонки полная противоположность друг другу. И не дай Бог мне, все-таки, поведать старшую сестру Эйвери Тейлор Джонсон.

Перебежав на другую сторону улицы, прячу руки в карманы джинс и прямым иду за ней, веря, что мои ожидания превратятся в реальность. Надеюсь, она меня ещё не забыла.

Эйвери

— Осторожнее, Ви! — настороженно диктует бабушка, медленно идя задом наперёд, вытянув руки.

Со сжатыми губами иду к столешнице, крепко держа в руках хрустальную чашу с тёмной водой.

По словам моей бабушки, самой странной и своеобразной женщины в доме, это были остатки негативной энергии. Я просто должна была её перелить в другую чашу, чтобы она принялась за работу.

Правая рука трясётся и уже была готова отпустить посудину, но, к счастью, все обошлось. Мы обе выдохнули. Бабушка вытерла вспотевший лоб и широко улыбнулась. Она сжала мою руку.

— Ты сделала это, а теперь вставай в конец кухни и вытяни эту зажжённую свечу вперёд, — сказала она, передавая свечу.

Как только пальцами обхватила красный маслинистый ствол, языки пламени разожглись сильнее, будто во мне что-то жило, не подвластное объяснению.

— Бабушка, а так должно быть? — с опаской спрашиваю, указывая другой рукой на свечу, которая вот-вот была готова спалить мое лицо. Бабушка кивнула и легонько подтолкнула к углу.

Она была единственной женщиной, ради которой я бы сделала все, что угодно. Она была самой доброй и милой. Когда она узнала, что её дочь, моя мама, уходит от моего отца, сразу привезла её в Нотервиль.

Этот город был её домом. Здесь она родилась и на этой земле хотела оставить своё тело, паря всей душой к небесам.

— Не отвлекайся, дорогая, — слышу громкий голос бабушки. — Ты нужна мне тут!

Она переливает мутную воду в другую посудину и накрывает её чёрной вуалью. Извинившись, сглатываю. Наблюдаю, как женщина закрывает веки и тихо нашептывает несколько строк на латинском. Все ещё поражаюсь, откуда она знает его.

Такой ритуал она делает ежегодно, дабы, как она говорит, защитить дом и семью от посторонних сил. Бабушка была помешана на сверхъестественном; длинные свечи, пылающий костёр, огни, голоса с других миров, странные сны — все это было её. Она родилась в такой среде. И ей это нравилось.

Теперь она хочет затянуть меня на свою сторону, все время говоря, что мир потусторонний — самое безопасное место. Отчасти я верила ей, отчасти нет. Это были детские байки. А может быть это всего лишь проявлялись во мне гены матери?

Я ухожу в воспоминания детства, как гуляла по чистому полю. Гуляла с Чейзом и то, как мы впервые познакомились.

Тогда мне было десять, а ему двенадцать. Я пыталась сорвать яблоко с соседнего дерева, опираясь на забор одной рукой.

— Эй, воришка, — провопил Картер тогда, тем самым пугая меня. Вздрогнув, я упала с забора и поранила локоть и колено. Шикнув на него, Картер лишь расхохотался. Он протянул руку, но я покачала головой.

— Давай лапу, дереха, — сказал он, хохоча.

Я покачала головой вновь и тогда мальчишка фыркнул. Обернулся ко мне спиной, но перед этим Картер сильно ударил по стволу дерева и яблоко упало мне прямо в руки. Разинув рот, мои мысли спутались. Из ниоткуда послышался женский голос, на что Картер побежал к нему, оставляя меня одну.

— Увидимся, воришка! — крикнул он, махая мне рукой. Он оглядел меня своими серыми, тогда уже пронзительными, глазами и кивнул.

— И да, я не скажу маме о том, кто пробует её яблоки.

— Эйви, очнись! — Голос бабушки пронзил меня до костей.

Я вздрогнула, оглядевшись по сторонам, замечаю бабушку. Она обеспокоенно смотрит мне в глаза.

— Ох, думала, что тебя уже не вернуть, — она обнимает меня и уводит в гостиную. Я качаю головой, чувствуя головокружение.

— Что произошло? — отрешенно спросила я. Бабушка уложила меня на мягкий диван, подкладывая подушку под голову. Она вздыхает.

— Ты упала в обморок как только я закончила читать, — говорит она.

Я хмурюсь, хватаясь за голову. Разве я не стояла в углу, как она и просила? Ничего не понимаю... Тем временем бабушка тихо встала с дивана, открыла окно, позволяя вечернему воздуху охладить мою кожу.

— Я приготовлю тебе горячего чая, — шепчет второпях бабушка. Я встаю с дивана.

— Не нужно. Со мной все в порядке, бабушка.

Она резко замирает на месте и оборачивается ко мне. Обеспокоенность все ещё присутствует на её лице. Она кивает и улыбается.

— Хорошо. Это хорошо. — Она нервно поправляет своё платье до колен и отходит обратно на кухню. — Тогда я, пожалуй, сделаю для себя. И, пожалуйста, пару минут не входи на кухню, идёт?

Она дотрагивается до своего вытянутого подбородка и озадаченно рассматривает меня. Я киваю.

— Судя по твоему состоянию, ты ещё слаба. Пару минут полежи здесь.

Как только она уходит, я ложусь обратно и мои веки становятся тяжелее свинца.

Звук резко распахнутой двери будит меня и я вздрагиваю. Сонно смотрю за плечо, смутно различая силуэты. Мимо меня пробегает две тени и слышу голос Лиззи, своей средней сестры.

— Нам нужно быть осторожными, — шепчет она, но её слова доходят до моих ушей. Чёрт потери, с кем это она? Я притворяюсь спящей, когда сестра обходит меня. Минуту я чувствую её пронзительный взгляд на себе, затем она исчезает, оставляя после себя след с запахом абрикосов.

Она запирается в своей комнате, пока я встаю и иду следом за ней. Возбуждённые голоса становятся громче и отчётливее. Затаив дыхание, хочу дотронуться до ручки двери, как меня окликают сзади.

— Не нужно этого делать.

Я оборачиваюсь и вижу за приоткрытой дверью бледное лицо Шанти. Она качает головой, но я пожимаю плечами. Смотрю на неё с неммым вопросом: "почему?"

Она подзывает меня подойти ближе и я сдаюсь.

— Кто с ней там, Шанти? Я первый раз слышу её смех. Ты когда-нибудь видела её

такой?

Шанти качает головой, понимающие глаза встречаются с моими. Я сажусь на пушистый ковёр и прислоняюсь к стене. В комнате Шанталь всегда присутствует много света, больше, чем у всего города, если можно так сказать.

Вся комната была придумана самой Шанти. Её фантазия поражала меня. Окинув беглым взглядом её комнату, можно было сразу сказать, что живущий здесь человек — творческая и свободная личность.

Стены окрашены в чёрные полосы, как будто они были сделаны специально. Кровать с балдахинном стояла возле окна. Здесь больше всего доминировал бледно-голубой оттенок.

Она садится в полукруглое кресло цветом слоновой кости. Сестра вздыхает и впивается в меня глазами.

— На самом деле это первый случай, когда я вижу её такой. Но мне не хочется её трогать, когда она счастлива, понимаешь? После развода родителей она ушла в себя, а новость о том, что ты останешься с отцом, просто добила её.

Я качаю головой, расширив глаза.

— Это случилось не по моей воле. Я должна была закончить учёбу, это во-первых. — Я сжала кулаки, пытаюсь сдерживать крик.

— И вообще вы никогда не принимали меня. Мама всегда была в своём мире. Ты грезила о том, как заполучить Финка, а обо мне вообще все забыли. Я осталась с ним, потому что думала, что он любит меня.

Мой голос сорвался и перешёл на всхлип. Шанти долгое время приходила в себя, пытаюсь найти слова. Я сдерживала все это долгие годы. Теперь же это дерьмо вырвалось наружу и для полного счастья я нуждалась в Картере. Но и его сейчас не было.

— Я никогда не отворачивалась от тебя, — прошептала Шанталь. Она развела руки и сощурила глаза до щелочек. — Ты же была со своим Чейзом все это время?

Она вертится из стороны в сторону и снова впивается в меня раздражённым взглядом.

— Где он теперь? Ты думаешь, нам легко жилось? Ха, как бы не так. — Она закатывает глаза. Я давлюсь чувством вины, навалившимся на плечи. Отпускаю голову, сглатывая ком в горле.

— Я-я не знаю... Боюсь, что со временем забываю его лицо, — заикаясь, печально бубню себе под нос. Шанталь вскакивает с кресла, ровняясь со мной.

— Прости меня, — она обнимает меня за плечи и вздыхает. Отстраняясь, сестра склоняет голову.

— погоди, ты же его видела на игре.

Вспоминая знакомые глаза друга, я хмурюсь. Возможно, это была лишь галлюцинация. Я мотаю головой.

— Скорее всего я ошиблась. Там было слишком много народу и солнце адски пекло.

Она усмехается и поднимает меня, открывает дверь и улыбается, упираясь руками в бедра.

— Идём, я покажу тебе кое-что. — Она приподнимает бровь. — И если не разочаруешься, я, может быть, позволю тебе поиграться с моим любимчиком Ником, — пропела она в полголоса. Я разиваю рот, пораженная.

— Неужели это то, о чем я думаю? — Она закрывает веки.

— Может быть, может быть...

Картер

Мы стояли в просторном помещении, освещаемом дневным светом из окон на потолке. Мимо пробежали второпях мужчины лет двадцати-двадцати пяти, уткнувшись носом в экраны фотокамер Nikon.

Я начинал раздражаться, когда мимо меня снова ветром пронёсся худощавый парень лет двадцати. Я сжал его плечо.

— Тише, парень. Не подскажешь, где проходит фотосессия на календари? — спросил я, лукаво улыбаясь.

Он сплотнул, когда поднял на меня свои голубые глаза. Когда он заметил, как на него движется Адам, его лицо вытянулось. Казалось, что из парня выкачали весь воздух.

— Это там, — смущённо сказал он, указывая пальцем за спину Силента. — Но вам придётся немного подождать, фотограф опаздывает.

Адам усмехнулся. Мы обернулись и моё сердце забилося чаще. В метре от нас столпились шестеро мужчин, полностью занимавшихся своим делом. Повсюду витал приторный запах, от этого меня начало мутить.

— Не подскажешь, как нам пройти туда, сладкий? — проворковал Адам. Я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Вас не пустят без... — начало было он, но Коул прервал его, откашливаясь в кулак.

— Нас везде пустят, если хочешь знать. — Он посмотрел на потолок, затем грозно впился глазами в его. — И передай уже своему фотографу, что мы не любители долгих ожиданий. Уяснил? — Коул указал на бедного работника длинными пальцами.

Он один раз кивнул, затем осмотрел нас по очереди с опаской. Я убрал руку с его плеча, отходя назад.

— Я могу пока предложить вам что-нибудь выпить: кофе, вода?

— А виски у вас есть? — тут же выкрикнул Адам, усмехаясь. Голубоглазый покачал головой и лицо Адама сменилось на более суровое.

— Тогда уйди, чтобы мои глаза тебя не видели.

Парень, трясясь, убежал подальше от нас, крепко держав в руках свой драгоценный инструмент. Я покачал головой.

— Не нужно было с ним так грубо, Си. — Адам лишь пожал плечами и закатил глаза.

Десять долгих минут я сидел на диване, пропитанный приторным запахом, который сразу впитался в мою кожу и одежду.

Допивая третий стакан воды, без эмоционально наблюдаю за кучкой моделей, которые ярко улыбаются на камеру. Рыжеволосая краснеет, когда фотограф посылает её различными комплиментами.

— А в ней что-то такое есть, — задумчиво тянет Силент, хохоча мне в ухо.

Я усмехаюсь, уголки губ тянутся вверх. Показываю стаканом на девушек, одетых лишь в одни крохотные бикини.

— Да, и это называется масло, — бубню ему, утыкаясь в пол. Силент что-то ворчит по поводу моего характера, потом тычет в меня пальцем.

— Ты просто не знаешь, что такое "сексуально", дорогой.

Я закатываю глаза, хочу возразить, как Адам повисает над нами и молча указывает на

стеклянные двери, откуда мы сами пришли.

— Хватит вам собачиться. Лучше гляньте, кто будет нашим фотографом, — шепчет он, ухмыляясь. Он, видимо, догадывался, если реагировал так спокойно.

Мы оба устремляем внимание на рвспахнутые двери и моя челюсть отвисает. В нашу сторону направляется, соблазнительно покачивая пышными бедрами, Шанталь. Старшая сестра Эйви.

Я ухмыляюсь, вспоминая её сестру. Шанталь копия Эйвери, но у неё были черты лица немного жестче, чем у её младшей сестры. Она сладко улыбается нам и играет тонкими пальчиками у себя на бёдрах.

— Добро пожаловать, ребята. Я бы хотела вас видеть голыми, обмазанными маслом, — прямо заявила она и Силент подавился. Я почувствовал, как мои щеки покраснели. Адам закатил глаза.

— Эй, а нам никто не говорил, что фотограф — девушка? — ерзая на своём месте, лепечет Коул. Шанталь поправляет и так безупречные волосы и её улыбка становится шире.

— Такие наши правила, милый. Или ты стыдишься собственного тела, а?

Но Коул не успевает ответить, как к нам подходит высокий широкоплечий парень. Он кладет одну руку на плечо Шанталь, но та и носом не ведёт, будто ей это не интересно. Он сощуривает глаза и косо поглядывает в нашу сторону.

— Здравствуйте. У нас мало времени, Шанти, — говорит он. — Я думаю, что они знают правила, не так ли?

Коул буравит его взглядом и Шанти отвечает за него, когда тот молчит.

— Да, они в курсе. Я надеюсь, из них получится идеальная картинка, — усмехается она, доставая свой фотоаппарат. Она просит нас встать и пройти за ширму, чтобы приступить к работе.

— Даю вам пять минут. Как только будете готовы, я сделаю несколько отдельных кадров и один совместный.

Адам соглашается, я неохотно плетусь к ширме из настоящей лозы, Коул бубнит себе что-то под нос, а Силент уже снимает с себя футболку. Один Оуэн сидит на диване, скрестив руки на груди. Я снимаю рубашку, размышляя, что если эта фотосессия изменит наши жизни?

Эйвери

Я будто находилась под каким-то адреналином, изучая каждую деталь на работе у Шанталь. Она мечтала об этой профессии с пяти лет. Не думала, что её мечта на самом деле осуществится.

Когда я была ребёнком, моей единственной мечтой было путешествие. Уехать куда-нибудь далеко, к морю. Где я бы построила дом и обзавелась столькими животными, сколько бы уместилось в четырёх стенах.

Я бы гуляла каждый божий день по пляжу, вдыхая морской бриз, и улыбалась, когда капли воды попадали на лицо.

Сейчас, будучи выпускником старшей школы, я пытаюсь найти работу, чтобы накопить на свою мечту. Стать ближе к морю. Однако, реальной жизни не интересны ваши мечты. Жизнь управляет нами, как кукловод, а мы лишь подчиняемся ей, чтобы не остаться за кулисами этого бесконечного цирка.

— Ты кто ещё такая? — грубый голос за моей спиной отвлек меня. Я вздрогнула и напряглась. Осторожно поворачивая голову к оппоненту, сощуриваю глаза.

Высокий парень с пучком каштановых волос на макушке испепеляет меня взглядом.

Он усмехается, когда встречает меня. Это был ассистент Шанталь, её парень. Я улыбаюсь, медленно подходя к нему.

— Приветик, здоровяк, — говорю ему, облизывая губы.

В школьные времена мы с ним были лучшими друзьями, пока я не встретила с Чейзом. Сначала Конте пытался завязать со мной отношения, но после многочисленных отказов с моей стороны, он сдался и переключился на мою старшую сестру.

Их любовь была примером для меня, но, как говорится, в каждой любовной сказке присутствуют тайны и скрытности. Наблюдая за ними, я понимала, что с Конте и Шанталь творится что-то не то.

Однозначно, в них исчезла та искра, которая появилась во время их встречи.

Сейчас они просто партнёры по бизнесу. Как мне известно, Конте лишь помогает этой студии не уйти на дно, пока Шанти пытается всеми силами впечатлить своего босса.

— Добрый вечер, — вежливо проговорил он, действуя на мой разум.

На мне были зауженные брюки и тонкая серая футболка. Я не слишком пыталась выделяться, зная, что все внимание будет обращено на модели и сегодняшних парней из футбольной команды "Взрыв".

Накрахмаленная рубашка Конте выглядела безупречно белой. Я завидовала его аккуратности. Он был одет по высшему классу, когда как я напоминала ещё одну попрошайку с улицы. Он притянул меня в свои медвежьи объятия и крепко сжал. Я засмеялась и постучала по его груди.

— Ты сегодня свободна? — спросил он, играя бровями. Я покачала головой, закатывая глаза. Старый трюк.

— Как обычно, ты знаешь. Думаю, Шанти как раз свободна. Ты мог бы спросить ее об этом, — уступчиво начинаю, но его тёмные глаза становятся темнее прежнего. Я вижу, как его челюсть неимоверно двигается.

— Я пытался, поверь. Она как будто не замечает меня. Либо у нашей королевы нет

времени, либо у неё дела. — Конте вздыхает и тоскливым взглядом смотрит в сторону. — Хотя, на самом деле, у неё нету времени на меня.

Я хмурюсь.

— Ладно, можешь пригласить меня сегодня. — Я поднимаю палец, предупреждая. — Но это только ради Шанти. Если она по-прежнему останется холодна к тебе, ты просто сделаешь выводы и уйдёшь. Ясно?

Парень закивал головой и ещё раз обнял меня, обвивая мои плечи.

— Спасибо тебе, не знаю, как благодарить. И, да, ты должна уйти отсюда, иначе не видать мне этой работы, как своих ушей.

Вздыхнув, Конте уводит меня в студию и усаживает в кресло на место фотографа. Я наблюдаю за игрой света и лучезарной улыбкой сестры. Никого не замечая, она наводит камеру на пятерых парней и делает щелчок. Идеально.

Дыхание перехватывает, когда просто смотрю на каждого парня по отдельности. Почти у каждого широкие плечи, рельефный торс, заметные мышцы и накаченные ноги, буквально вынуждающие ваше сердце остановить свой ритм. Я сглатываю, слыша своё имя. Шанталь зовёт меня подойти ближе.

— Тейлор, помоги мне со светом, будь добра, — просит она.

Я спрыгиваю с кресла и, опустив голову, почти добегаю до неё. Она объясняет, какая подача света ей нужна, затем отходит на несколько шагов и наводит камеру на одного из парней футбольной команды.

Сглатываю, смотря на идеально белую кожу, идеальный торс и крепкие мышцы одного из моделей.

Парень приглаживает свои тёмные волосы и облизывает губы. Я стараюсь не смотреть так открыто, напоминая себе, что здесь для дела. Шанти просит парня не вертеть головой и стоять ровно.

Она делает щелчок, затем его сменяет другой парень. Его густая борода затмевает все на свете.

Я открываю рот, вспоминая Карабаса Барабаса из сказки "Буратино", и хихикаю. Открываю глаза и сразу стихаю, осознавая, что все смотрят на меня.

Ищу глазами Шанти и тут же внутри зарождается неприятное чувство. Она качает головой, упирая руки в бока. Вздыхаю.

— Тэй, можно тебя на секунду, — просит сестра. Я иду следом, выходя из студии, затем поднимаю глаза, предвещая что-то плохое.

Шанти глубоко дышит и указывает на дверь, где выстраивались модели вместе с футболистами.

— Ты понимаешь, насколько это важно для меня? Фотографировать — это единственное, что могу. Если боссу это понравится, я смогу открыть свою студию, Ви. — Шанти закрывает глаза и качает головой.

— Я понимаю. Прости, но я не удержалась, — говорю ей, начиная искать более подходящие слова. Знаю, я не очень хорошо поступила, но приносить извинения красиво — было не моей лучшей стороной.

Шанти понимающе кивает, но молчит. Она кивает головой за мою спину и держится одной рукой за ручку двери.

— Иди домой, сестренка. Позвоню, как все закончится. — И она уходит, а я пытаюсь не ударить что-нибудь, плетясь к своим вещам.

— Кто-то снова накосячил? — Спокойный тон голоса заставляет подпрыгнуть на месте. Я оборачиваюсь и сердце прекращает биться.

— Картер? — вздыхаю я. Он стоял полубоком, прислонившись спиной к стене. Руки скрещены на груди, старая полуулыбка играет на его губах.

Как давно я его не видела? Неделю, месяц? Глубокий взгляд его серых глаз медленно анализирует меня с головы до пят. Я делаю один шаг вперёд и он замечает это, вздрагивая. При свете на лице парня видны веснушки, след от солнца.

— Это правда ты? — спрашиваю и слышу, как голос дрожит.

Я не могу остановиться. Мне хочется плакать и кричать одновременно. Я в растерянности, не зная, что сделать. Картер делает шаг навстречу, дрожащими пальцами касаясь моей щеки. Кожа под его пальцами начинает гореть. Я давлю желание не закрыть веки и не застонать.

— Я настоящий, Ви, — шепчет он и его лицо каменеет. Он отстраняется и между нами образовывается невидимая стенка. Я хмурюсь.

— Ты так быстро исчезла. Что случилось?

Я вздыхаю и опускаю голову.

— Отец отправил меня сюда, чтобы я не смогла встречаться с тобой. Он был мудаком всю жизнь, я это знала, но сказать об этом вслух, прямо ему в лицо, не могу. Я...

— Ты его любишь, — заканчивает он за меня. Я киваю, улыбаясь одним уголком губ. Картер всегда понимал меня без слов. Я ценила это.

— Да, и это самое жестокое, что может быть. Последнее, что я ему сказала, как мама сделала правильный выбор, разведясь с ним.

Картер смеётся и качает головой, хотя его глаз это не коснулось.

— Может, это и к лучшему. Ты поступила с ним так, как он с тобой.

Я пожимаю плечами. Не веря, что он все ещё здесь, передо мной, хочу многое сказать. Однако нас прерывает гул, идущий из студии. Дверь распаивается и в комнату забегают Конте. Он подмигивает мне и кивает головой в сторону выхода.

— Тебе пора, красотка, — говорит он. — Картер Чейз, вас ожидают в студии.

Почему-то, но мои щеки заливают румянец, я быстро киваю, хватаю сумку и прохожу мимо Картера. Его лицо вытягивается и он недоуменно смотрит на меня.

— Прости, дела. — говорю. Картер сжимает кулаки и прячет в карманы поношенных джинс, которые были ему на пару размеров больше.

— Увидимся ещё, — кидает он вдогонку, буквально убегая прочь.

Картер

На кухне раздаются пронзительные крики, звуки бьющейся посуды. Я затыкаю уши, чтобы этого не слышать. В таких случаях стараюсь держаться подальше, хотя другая моя часть желает сделать другое.

Встать и выйти из комнаты, спуститься вниз и надрать этому ублюдку зад. Он не смеет так поступать с матерью Адама.

— Такое часто происходит? — спрашиваю Адама, который лежит на кровати и тупо сверлит взглядом потолок.

Он пожимает плечами, хотя заметно, как его плечи напряглись, венка на шее вздулась. Парень часто задышал, еле сдерживая себя.

— Так часто, что я потерял счёт.

— Ты старался как-то исправить это? — Глупый вопрос, но я не мог не задать. Как и ожидалось, Адам сжал кулак и замахнулся в стену.

— А как ты думаешь? Я, чёрт возьми, не раз пытался спасти мать. Но, похоже, никому это не интересно. Отец слишком много выпивает, а мама не успевает вовремя спрятаться, поэтому и получает. — Адам указывает на правый висок.

— Этот шрам я получил в двенадцать. Я попытался заступиться за неё, а он просто откинул меня и в последствии я ударился спиной в стену. Кучу дерьма тогда пришлось вынести, но я остался жив.

Я тяжело вздыхаю. Тут нет слов, чтобы утешить или как-то успокоить его раны.

— Ты сильный, чувак. Сильнее меня и, уж точно, своего отца, — серьёзно сообщаю ему. Адам вымучено улыбается.

— Свалим отсюда? — предлагаю я.

— Я думал, ты никогда уже не спросишь, — усмехается Дарси.

Вечерний ветерок обдувал наши лица. Снаружи Адам находился более спокойным и мирным, чем дома. Я спрятал руки в куртку, Адам свободно ходил по узкой аллее в одной тонкой футболке, на которой был его номер удачи.

— Не могу поверить, что я все ещё тут, — говорю вслух, улыбаясь. Адам ударяет плечом моё плечо.

— Пора бы привыкнуть, дружище, — говорит он. Я киваю и перестаю дышать.

Заметив знакомые черты лица за плечом Адама, прищуриваюсь. В ресторане, неподалёку от нас, находилась Эйвери. Она выглядела безупречной в нежно-розовом платье с глубоким вырезом, показывающим на показ её ложбинку.

— Что... она? — Я не находил слов, чтобы это описать. Она улыбалась. Смеялась. Кокетничала. Что она делала там? Кто пригласил её? Адам сжал моё плечо, пытаюсь привести в чувства.

— Все в порядке? — спрашивает он, склоняя голову. Я начинаю потеть, но киваю. На большее я не готов. Адам замечает это и отходит в сторону.

— Иди, — просто говорит он, пытаюсь не рассмеяться.

Я бегаю глазами с Дарси к ресторану, разрываясь на месте. Как я могу сделать это? Просто появиться и сказать "привет, как жизнь"?

Я озадаченно смотрю на друга, желая узнать ответы у него. Но его лицо — непроницаемая маска. Впрочем, как и всегда.

— Я буду в порядке, — сказал он, успокаивая. Указал пальцем на вывеску стрип-бара и ехидно улыбнулся.

— Я знаю, куда идти. Делай своё дело, чувак.

Я делаю шаг, но замираю по середине дороги. Адам зовёт меня и я оборачиваюсь через плечо.

— Спасибо, — благодарно кивает парень и исчезает в тёмных дверях бара.

Я делаю несколько шагов к ресторану и следую порывам сердца, исключая все сомнения.

Обвожу одним взглядом не скромное помещение, замечая девушку за столом. Ко мне сразу подходит официант и просит выйти. Я указываю на какой-то столик.

— У меня тут встреча, — говорю ему и он поджигает губы, отходя к выходу.

Была ли у меня тут встреча на самом деле? Что-то говорило мне, что я должен валить отсюда, пока не заметили. Уже отворачиваюсь, как слышу своё имя.

— Картер?

Эйвери

Сегодня особенный день. Сегодня я иду на свидание. Исключая то, что свидание было не настоящим. Час спустя я всё-таки смогла остановиться на довольно милым, как на мой взгляд, платье.

Тонкая, приятная коже ткань прилегала к телу, будто была специально сшита для меня. Мелкий бисер украшал форму груди, спускаясь вниз.

Нижняя часть, в прямом смысле, прилегала к бедрам, оголяя ноги. То, что нужно.

Телефон подал два сигнала. В последний раз оглядев себя в зеркале, спускаюсь к задней части дома, пока никого нет. Не хочу лишние разговоры и шум.

— Спасибо ещё раз, — шепчет мне Конте, когда я достигаю его.

Он вежливо открывает мне дверь машины и помогает сесть в кресло. В салоне веет чем-то похожим на запах свежесваренного кофе.

Морщу нос, так как запах слишком резкий. Волосы Конте тщательно зачесаны назад, открывая вид на его острые скулы, тёмные глаза и прямой нос. Я задерживаю дыхание, собираясь с мыслями.

Вечер должен удался, если поблизости окажется моя сестра, и тогда я просто уйду. Сытая и довольная тем, что план осуществился.

— Ты думаешь, это сработает? — спрашивает Конте, открывая для меня дверь в ресторан.

Я знала об этом месте не так много, но, как говорят, цена одного блюда стоила целого состояния.

По поведению можно было сказать, что Конте нервничал. Он не знал, куда себя деть, что сказать и предложить. Я особо не нервничала, зная, что это не правда. Я качаю головой и улыбаюсь.

— По крайней мере, ты сделал все, что мог. Шанти не дура, она поймёт.

Он молча кивает и официант доводит нас до нашего столика. Через пять минут нам приносят несколько блюд, красное вино и трюфели.

У меня начинает сильно стучать в груди, глаза разбегаются от такого разнообразия.

Конте увлеченно рассказывает о своих планах, будущем доме и о том, где он хочет сделать предложение моей сестре. Меня это все так трогает, что я улыбаюсь шире, пытаюсь не заплакать. Я накрываю его руку своей и он замолкает.

— Что такое? — спрашивает он. — Планы слишком заоблачные?

Я качаю головой.

— Нисколько. Думаю, ей это понравится. Я уверена, — говорю ему и моё дыхание перехватывает, когда взглядом замечаю знакомую футболку и растрепанные волосы.

— Картер? — еле слышно зову и он замирает на месте. Конте, расширив глаза, оборачивается и хмурится. Картер подходит к нам, его желваки заметно двигаются. Я не нахожу слов.

— Картер Чейз? Вот это удача, встретиться с тобой, — отзывается Конте и протягивает руку для рукопожатия. Но Картер только фыркает на эту попытку знакомства и переводит на меня свои серые глаза. Взгляд, полный холодности. Картер почесывает затылок в смутении и мычит.

— Я слышал, что у тебя довольно хороший удар. Мне жаль, что вы проиграли сегодня, — говорит Конте.

Картер стреляет в меня молнии, от чего все тело покалывает. Он просто кивает и вымученно выдавливает улыбку. Конте пожимает плечами и смотрит на меня, пытаюсь молча извиниться.

— Я вспомнил, что мне нужно кое-куда, Эйвери, — говорит он, одевая пиджак и пятясь к выходу. Я сглатываю.

— Да, точно, — я перевожу глаза на Картера. — Нам нужно идти.

Картер перегрождает мне путь и я резко останавливаюсь, чуть ли не врежаясь в его широкую грудь. Он часто дышит, его ноздри расширены.

— Нет, — отрезает он. Я хмурю брови. — Я провожу её. — Картер мельком смотрит на Конте и пожимает ему руку. — Спасибо за заботу, парень, но я справлюсь.

— Эйви? — недоверчиво переспрашивает Конте. Я вздыхаю, закрывая глаза.

— Все хорошо. Передавай привет Ким, — говорю ему, улыбаясь и крепко обнимая его на прощание.

— И долго вы с ним встречаетесь? — спрашивает Картер, смотря в темную пустоту, пока мы неспеша доходим до моего дома.

В принципе он не мог знать моего местоположения. Картер был знаком лишь с моим отцом, а не с мамой.

Я старалась не говорить о ней. Было слишком больно вспоминать прошлое.

Я фыркаю, смотря на него. С чего вдруг ему это интересно?

— Тебе то что?

— Ничего, — равнодушно говорит он, выдыхая.

В темноте часть его лица совсем не видна. Его руки спрятаны в карманы джинс, бицепсы заметно очерчены. Видимо, он посвящает все своё свободное время усиленным тренировкам, чтобы довести своё тело до такого вида. И скажу, усилия стоили того.

Теперь каждый его шаг четкий, соблазнительный. Я теряю дыхание, смотря на него и то, как он двигается или говорит.

Даже если он нравился мне раньше, не значит, что нравится сейчас. Время имеет способность все стирать из памяти.

— Даже если бы я встречалась с другим, ты бы ни разу не взглянул на меня, Картер.

Картер смеётся и останавливается.

— Не взглянул? Серьёзно? Да как только с тобой познакомился, я лишь на тебя и смотрю, Ви.

Я останавливаюсь. Чёрт, подери. Сердце так неистово клокочет, что больно дышать. Я сжимаю руки, пытаюсь собраться с мыслями. Слышу тихие шаги позади и чувствую, как он обвивает мою талию, притягивая ближе к своей груди.

На улице почти ничего не видно, от дома буквально пять шагов, видны огоньки с окон и звуки пролетающих где-то вдали самолётов. Он дышит мне в затылок, его тепло согревает меня.

— Ты всегда улыбалась мне, когда мы встречались глазами. Я не понимал, что значит твоя улыбка. Но она манила меня.

Его губы свободно блуждают возле моего уха, но не касаются. Я вздрагиваю, когда холодок пробегает по моей спине. Картер бережно доводит меня до крыльца и целует в лоб как в старые добрые времена.

— Спокойной ночи, Ви.

Я поднимаю на него взгляд, полный вопросов, но он уходит с каменным выражением на лице. Полностью ушедший в мысли.

В гостиной меня встречает Шанти со скрещенными руками и задранными ногами на кресло.

— Приветик, сестренка. Как денёк?

Она улыбается мне, хотя глаза безумно уставшие. Зевает, подавляя сонливость. Хлопковая пижама прилипает к её оголенной коже, пучок тёмных волос торчит на затылке. Я падаю в кресло и поднимаю голову, смотря в потолок.

— Боже, это был самый долгий день в моей жизни. Ты знаешь Картера Чейза, ведь так?

— Да, это один парень из "Взрыва", которых я снимала для журнала. — Шанти приподнимается, двигая бровями. — А что такое? Он действительно такой горяч, как все говорят?

Я хихикаю.

— Не совсем... Может быть, чуть-чуть. Я встретила его на улице, когда ужинала с Конте. Но его взгляд был таким холодным, будто я бросила его.

Шанти раскрывает рот и приподнимает брови.

— Но ты поступила именно так. Думаю, он просто обижен. Поговори с ним.

Она встает с дивана, готовая идти спать, но на секунду замирает. Склоняет голову, пучок сдвигается вбок. Я сглатываю, замечая знакомый взгляд, говорящий о том, что я сглупила.

— А что с тобой делал Конте?

Я пожимаю плечами, уводя глаза. Я не могла ей врать.

— Поговори с ним, — говорю ей, дохожу до неё и целую в щеку. — Он обязан знать правду.

Недоуменным взглядом она провожает меня до самой лестницы, а затем я ухожу в свою комнату, добираясь до крыши, где я быстро засыпаю без задних ног, не обращая внимания на ветер.

Эйвери

Перевернувшись на бок, зеваю, досматривая прекрасный сон, где я делаю Ангела из кучи конфет, но резко просыпаюсь, как только слышу мамин голос. Она тормозит меня по плечам и звонко напевает в ухо.

— Проснись, милая! Сегодня твой первый день со мной, — говорит она.

Я поднимаюсь на локтях, волосы спутаны, несколько локонов прилипли к щеке. Я морщусь, смотря на зелёные цифры возле кровати.

Я проснулась у себя в комнате, а это значит, что кто-то перетащил меня сюда. Или, скорее всего, я сама спустилась сюда, не желая мириться с холодом. Я ещё раз зеваю.

— Ты шутишь? Кто начинает свой день в половине седьмого утра? — Падаю на подушки, полностью накрывая себя одеялом. Но мама не даёт этого сделать, насладиться теплом, как собирает одеяло и бросает его куда подальше.

— Половина седьмого утра — самое начало дня. Ты привыкнешь, — она посылает воздушный поцелуй, машет и показывает в воздухе два пальца.

— У тебя две минуты. Поторопись!

Я вздыхаю, вяло спускаясь по лестнице. За что мне такое начало дня? Я не люблю вставать так рано. Никогда не любила. Всегда презирала таких людей и считала, что у них не все в порядке с головой. Но все ярлыки стираются, когда понимаешь, что Зои Мэриам сама относится к такому типу людей.

Застаю её в гостиной в до боли смешной позе. Она стоит на руках, вверх ногами, скрестив их в позе бабочки. Золотистые волосы касаются пола. Мама открывает веки, улыбаясь мне.

— Доброе утро, — говорит она.

Мама переворачивается и встаёт на носочки. Надевает куртку и открывает входную дверь. Я завязываю волосы в пучок, натягиваю капюшон поверх кепки чуть ли не до подбородка. Утренний холод щекочет кости. Я вздрагиваю, потирая плечи руками, и выхожу следом за ней.

Мама начинает прыгать на месте, ожидая меня возле почтового ящика. Смотрю на серые тучи и прислушиваюсь к стонам деревьев.

— Ты уверена, что сейчас лучшее время для пробежки? — спрашиваю её. Она кивает и машет мне, чтобы я следовала за ней.

— Лучшей погоды и не придумаешь, Ви. Ты просто беги, дыши и думай о прекрасном.

Спустя час и десять минут пробежки лёгкие начинают сжиматься. Я давлюсь кашлем, умирая от жажды. Вижу мамины зелёные кросы и голос, полный нежности.

— Дыши, мы почти на месте, милая, — говорит она над моей головой. Я часто моргаю. Глубокий вдох, затем снова набираю скорость.

За горизонтом вырисовывается пляж. Я улыбаюсь, не замечая никого из людей. Если кого-нибудь встретила из знакомых, умерла бы от стыда, потому что никто не знает историю моей семьи. Они бы начали задавать вопросы, на которые я не знала ответов.

Мама располагается по середине пляжа, рядом с бегущими волнами. Указывает пальцем на противоположную от себя сторону и завязывает свои длинные волосы в косу.

— Что мы будем здесь делать? — спрашиваю, разминая шею. Мамино лицо светлеет,

она выставляет кулаки вперёд, немного горбясь.

— Теперь я научу тебя защищаться, — кричит она со своего места.

В ушах звенит от сильного ветра. Я копирую мамину позу, уголки губ приподнимаются вверх. Чувствую прилив адреналина.

Мама подходит ближе, играя кончиками пальцев. Я склоняю голову и она осторожно касается своим кулаком моей щеки. Показывает крест перед своим лицом, переводя свой вес на правую ногу.

— Ты должна защищаться, Эйв, — говорит тихо мама.

Её рука касается меня снова, на этот раз я ставлю защиту руками, закрывая лицо. Мама смеётся и снова атакует. На этот раз с силой. Я начинаю дрожать и падать на песок. Мама тут же помогает мне подняться и мы продолжаем тренироваться.

— Почему ты никогда мне об этом не говорила? — Я обвожу взглядом пляж, который постепенно заполняют несколько парней в спортивных одеждах и девушки в бикини. — И почему именно это место, а не спортивный зал, к примеру?

Мама собирает волосы по новой, мягкая улыбка касается её губ, в глазах полный покой.

— Ты никогда не спрашивала, да и этим делом я занимаюсь, чтобы быть готовой к неожиданностям, знаешь? А пляж — это место, где всегда тихо. По крайней мере утром.

Она целует меня в обе щеки и обнимает. Я вдыхаю запах мыла от её волос и моё частое сердцебиение переходит в тихое.

Остальное время мы просто гуляли, играясь с морскими языками океана. Потом немного посидели в местном баре, кажется, с названием "Ворон". Здесь оказалось мило и довольно уютно.

Раньше я представляла, что такие заведения сплошной бедлам, многочисленные гоготы пьяни и драки без повода. Сначала я проходила стороной такие вот пабы, но теперь, кажется, буду захаживать сюда почаще.

Мама просит ещё два молочных коктейля. Она улыбается и смотрит на меня. Несколько локонов выбились из косы, обрамляя её овальное лицо.

— Что? — смеясь, спрашиваю. Она качает головой, в лице пробегает тень растерянности.

— До сих пор не могу поверить, что ты здесь. В смысле, дома, со мной. Кажется, прошло тысячу лет, когда видела тебя в последний раз. Ещё до того... — Я киваю, кладу поверх ее руки свою и сжимаю пальцы матери. Ее кожа холоднее льда.

— Все хорошо, теперь я дома. — С минуту я просто смотрю на нее и в голове пробегает странная мысль. — Ты думаешь, я должна быть здесь?

Мама пожимает плечами. Вытягивает руку, чтобы получить свой коктейль. Она что-то напевает себе под нос и встречается со мной взглядом. Я все ещё ожидаю поддержки, но почему-то чувствуется, что напрасно.

— Если твоё сердце согласно с твоими мыслями, то, думаю, ты сделала правильный выбор.

Я хмурюсь, желая, чтобы она знала правду.

— Но дело в том, что выбор принимала не я. Папа сказал, что у него очередная командировка, поэтому я здесь, — начинаю, понижая тон.

Мамина соломинка, которую все это время она крутила, застывает. Она поднимает свои голубые глаза.

— Командировка в Сан-Франциско? — уточняет мама, и я киваю. Она что-то знает об

этом. Не успеваю задать вопрос, как по всему пабу раздаётся мамин смех.

— Тогда тебе просто нужно расслабиться. Эта неделя пролетит незаметно. Лучше попробуй этот коктейль. — Она передаёт стаканчик и заказывает несколько напитков Лок-Айленд.

Мама допивает ещё один напиток и начинает петь в караоке. Я пытаюсь её усмирить, но ничего не выходит. Администрация уже косо смотрит на нас. Мои щеки краснеют и я выдыхаю.

Господи.

— Тебе помочь? — За спиной слышится мужской басистый голос.

Я поднимаю голову, вздрагивая. На меня смотрит парень с явной усмешкой. Я пожимаю плечами, переводя взгляд на маму. Сейчас она начинает раскачиваться бедрами, чуть ли не танцуя возле шеста. Я начинаю чувствовать, как тошнота подступает к горлу.

— Мне так стыдно. Извините, мы сейчас уйдём, — говорю второпях, поднимаясь и следуя к маме. Но парень останавливает меня, хватая за локоть.

— Я могу вернуть её домой, — говорит он, темно-синие глаза настолько глубокие, что я теряюсь.

Мне неприятна сама мысль, что сёстры увидят, как их пьяная мать возвращается домой. Плюс, в сопровождении какого-то парня, который очень сильно смахивает на гонщика. Знайте, таких, которые не знают границ и делают то, что взбредет в голову. Я качаю головой и ободряюще улыбаюсь.

— Все хорошо, я справлюсь.

Я забираю ее, несколько раз падая вместе с ней на пол. К счастью, она не противится и я увожу её на такси. Прийдя домой, она сразу засыпает в своей комнате и только сейчас я замечаю, что чего-то не хватает. Чёрт, я забыла свою куртку и кепку.

Добежав до "Ворона", сразу забегая внутрь, к столику, за которым мы только что сидели.

Помнится, она висела на спинке стула, а кепка лежала на столе. Пробегаюсь глазами по всему периметру, но ничего не нахожу. Замечая того самого парня, который предлагал помощь, бегу к нему.

— Эй, — подзываю его, парень поворачивает голову. Когда смотрит на меня, на его губах снова появляется усмешка. Он заводит руки за спину.

— Смотрите, кто вернулся, — он цокает языком, сощуривая глаза. Я не намерена сейчас играть. Указываю на столики, переставляя ноги.

— Я забыла тут куртку и кепку. Ты не видел? Она темно-серая, с капюшоном, а кепка черная.

Он пожимает плечами, борода парня вздрагивает. Из-за этой густоты я практически не вижу его губ.

— Может и видел.

— Отдай мне, пожалуйста, — прошу его.

Я не любила оставлять вещи в незнакомых местах. Кто-то бы посчитал меня странной. Обычная куртка с кепкой. Все это можно купить в магазинах, верно? Но не для меня. Для меня эти вещи были всем миром.

— Это подарок друга. Пожалуйста.

Парень хмурится. Кукольной формы губы кривятся.

— Ты случайно не Эйвери Джонсон?

Я начинаю паниковать, сглатывая. Что он знает обо мне? Откуда он знает, как меня зовут? Я скрещиваю руки на груди. Не думаю, что от него нужно сбегать. Он кажется немного смущен. Парень потирает бороду.

— Может быть и она. Тебе то что? — Он заливисто смеётся и выставляет руки в знак капитуляции.

— Успокойся. Мне до тебя нет дела, — он замалкивает и на минуту кажется, что парень проглотил язык. Я щёлкаю пальцами перед его лицом и он часто моргает.

— Ладно, идёт, я тебе верну твою куртку и кепку, — отвечает наконец он.

Он уходит за бар и возвращается с моей курткой и кепкой в руках, но только я касаюсь пальцами своей куртки, как парень снова отбирает её у меня.

— Потише, принцесса, — усмехается он. Я хмурюсь. Что ему надо?

— Даже если мы с тобой не перевариваем друг друга, я не могу разрешить тебе идти одной в такую погоду.

Он мотает головой в сторону окон. Я смотрю за окно и подпрыгиваю на месте, когда молния разделяет тёмные тучи. Этого мне ещё не хватало.

— И что же ты предлагаешь? Поехать на твоём байке? — давлюсь смехом, прикрывая рот ладонью. Парень усмехается, подмигивая мне.

— Эйви? — На крыльцо выходит Лиззи, спросонья почесывая затылок.

На ней широкие штаны с совами, сиреневая майка, поверх которой длинный кардиган в толстую вязку. Она натягивает рукава, пряча руки, и бежит к нам. Бородатый парень в чёрной кожаной куртке сразу трясёт плечами, чтобы я убрала руки. Я морщусь от такой холодности, но убираю руки.

— О, Колин... — шепчет удивлённо она, часто моргая от сильного дождя. Он сжимает губы и заводит мотор своего мотоцикла. Я спрыгиваю и иду к ней.

— Вы знакомы? — спрашиваю, чувствуя себя лишней.

Я ловлю недоуменный взгляд Колина, затем он смотрит на Элизабет. Я перевожу взгляд на раскрасневшуюся сестру и, кажется, молчание затянулось.

— Мы не знакомы, — заключает сурово Колин, затем, упирая руки на руль, сильно давит на газ и уезжает, оставляя после себя черные следы от шин на асфальте.

Картер

Пробегая пятый круг, ощущаю прилив новых сил. Вдыхая полной грудью, краем уха слышу рев свистка.

Затормаживаюсь и бегу обратно к тренеру. Мистер Хью с суровым взглядом пробегается по мне с ног до головы, останавливаясь на моём лбу. Я морщусь от покалывания в брови.

— Что с твоей бровью, Чейз? — вопит он, сжимая кулаки, я вижу, как белеют его костяшки пальцев.

Не удачно упал? Попал в драку, завоеывая сердце девушки? Блеф. Я прочищаю горло.

— Семейные проблемы, — говорю ему, прямо смотря в глаза. Но тренеру этого мало.

Он сощуривается и выдыхает через нос. Немного помолчав, он делает несколько шагов ко мне и сжимает плечо.

На самом деле я подрался с отцом Адама, когда возвращался после Ви. Я услышал крики, которые разрывали мне сердце, и тогда не смог сдержаться.

Адам понял это и так, хотя я лично об этом ему не говорил. У нас с ним было что-то вроде невидимой связи.

Один взгляд и другой понимал то, что хотел сказать первый. Бессмысленно звучит, но так и есть. Может, мы в той жизни были кровными братьями? А может в этой жизни мы просто лучшие друзья.

— Когда тебя хотят сломить, всегда бей первым, сынок, — спокойным тоном оповещает Мистер Хью.

Он был для меня, как отец. Конечно, никто не заменит моего родного отца, но, как бы там ни было, Мистер Хью всегда был рядом в трудные минуты.

Я киваю и в благодарность сжимаю ему руку, заверяя, что так и поступлю в следующий раз.

Когда я становлюсь ближе к крыльцу этого дома, мне хочется развернуться и сбежать куда подальше. Здесь нет моего места. Нигде нет. Я будто какое-то инопланетное существо, брошенное по ошибке на этой земле. Никто не догадывается, что я несу на своих плечах и в сердце.

Иногда это бывает тяжёлой ношей, но иногда и радостным облегчением.

Я засовываю руки в карманы джинс, затягиваю потуже лямки на спортивной сумке для тренировок и останавливаюсь. Не хочу возвращаться.

Вижу очерченный силуэт Мистера Дарси, когда тот выходит из дома и неспеша направляется на задний двор с сигаретой во рту. Я морщусь. Запах крепкого виски чувствуется даже здесь. Будто я стою прямо в эпицентре этого дерьма.

Через две минуты выходит Миссис Дарси и, улыбаясь чему-то, включает музыку. Слышу звуки пианино и флейты. Они переплетаются между собой, создавая атмосферу, будто все жители обитают в джунглях, окружённые самой природой.

Я улыбаюсь и в груди заселяется лучик надежды, но, когда замечаю разъярённый взгляд Мистера Дарси, пересекающего расстояние до своей жены, лучик потухает в одночасье.

— Чёрт подери, Крилон! Что я говорил насчёт этой дряни, а? — кричит он и начинает замахиваться на неё.

Миссис Дарси скручивается, словно креветка, и пытается успокоить его.

Звонит мой телефон и я подпрыгиваю.

— Слушаю.

— Я знаю, что ты хочешь сделать, брат. — Это был Адам. Я даже не удивлюсь, если он появится здесь прямо сейчас. Я вздыхаю. Он думает, это остановит меня?

— Но он снова это делает, Адам. Какого черта ты бездействуешь? — Он молчит. Я понимаю, что словами не поможешь и сейчас перегибаю палку, но мне плевать. Я закрываю веки, чтобы успокоиться.

— Слушай, я не хочу, чтобы ты страдал.

— Знаю, поэтому и прошу не ввязываться в это дело. Я смогу постоять за себя. Приходи к нам в "Ворон", а про родителей моих забудь. Поверь мне, через три минуты они уже будут дома, в спальне.

Я кидаю беглый взгляд на крыльцо его дома и слова друга подтверждаются.

Мистер Дарси широко оскаливает зубы, его жена ласкает его по щеке и что-то шепчет ему в ухо, целуя шею мужа. Они исчезают в дверях, а затем в трубке слышится голос Адама.

— Убедился? — довольным тоном говорит он. Я фыркаю.

— Не понимаю, как ты это делаешь?

Адам смеётся.

— Завидуй молча и быстрее тащи свой зад сюда!

За столиком меня встречают парни. У каждого бутылка пива и чипсы. Я падаю на табурет, прося стакан воды. Адам улыбается мне, Силент приветствует кивком. Замечаю, что кого-то не хватает, и хмурюсь.

— А где Колин? — спрашиваю ребят, но те только переглядываются. Силент делает глоток и ставит стакан обратно на столик.

— Об этом мы и хотели поговорить с тобой, — говорит он, буравя меня взглядом.

Мимо проходит официантка и ставит передо мной стакан воды. Адам подмигивает ей и я вижу, как её щеки розовеют.

— О чем ты?

Колин работает в этом заведении официантом, как я знаю, потому что ему не хватало денег, чтобы заплатить за свою учёбу и прокормить младшую сестру. По его рассказам трудно сложить картину в целом, но как мы все знаем, его мать редко появляется дома, а отец бросил их, когда Колину было пять.

Адам пожимает плечами и заводит руки за голову. Его белая футболка приподнимается, оголяя кусочек его оголенного живота.

— Колин видел Лиззи, сестру Эйвери, — объясняет он. От этого моё сердце начинает часто стучать в груди. Я раскрываю рот.

— Лиззи младшая сестра Ви, верно? — уточняю я. Адам кивает.

— Не знаю, что с ним происходит, но после этого он исчез. Просто уехал на своём байке и теперь вне зоны досягаемости...

— Проблема в том, что через два дня у нас игра, а без него игры может и не быть. Если мы не найдём его до конца недели, нашу команду могут дисквалифицировать, — заканчивает Силент, на что все остальные кивают головой.

Лиззи младшая сестра Эйвери. Я многое о ней не знаю. Колин знаком с ней и довольно многое о ней знает. История их знакомства никому неизвестна, а если спрашивать, никто из них не расскажет. Оба упрямые, как два осла. Теперь из-за этого осла нас могут удалить с

поля. Просто замечательно.

Эйвери

На следующий день слышу крики за стенкой. Бегу в комнату, откуда доносятся эти вопли, часто дыша. Распахнув шире дверь, пробегаюсь глазами по комнате и обнаруживаю корчущуюся в конвульсиях Лиз. Ахаю, подбегая к ней. Притягиваю её в свои объятия, покачивая из стороны в сторону.

Но мои руки продолжают дрожать и от этого Лиз только громче вопит. Я в панике и в растерянности. Все её лицо блестит от пота, она шмыгает носом, веки вздрагивают.

— Проснись, Лиз, — зову её, но она отбивается от меня.

Я замечаю бутылку воды рядом с ногами и поднимаю её. Открываю крышку и выливаю в неё, и она тут же просыпается.

— Эйви, какого черта? — рычит она, отстраняясь от меня, подгоняя под себя ноги. Я не знала, что она знает такие словечки.

— Ты кричала, — отвечаю ей, оставляя бутылку на прикроватном столике.

Её глаза мечутся из стороны в сторону. Она, видимо, не знала, что я застаю её в таком состоянии.

Немного погодя, ловлю её руку и крепко сжимаю, но она матает головой и смотрит на приоткрытую дверь.

— Тебе лучше уйти, — шепчет сестра под нос.

Я молча встаю и плетусь к двери. Не могу её здесь вот так оставить. Сердце сжимается от одного вида, когда она полностью разбита, как сейчас. Останавливаюсь по середине комнаты и сжимаю кулаки.

— Ты можешь мне рассказать все, что угодно, сестренка, — пытаюсь до неё достучаться, чтобы она раскрыла тайну.

Я смотрю в стену, но не на Лиз. Я знаю, что она скажет, хотя все ещё надеюсь на что-то другое.

— У меня все хорошо, правда. Кошмары всем снятся, ты понимаешь и так. — Она подавляет зевок и как только обхватываю ручку двери, Лиз останавливает сдавленным голосом.

— Только не говори никому, что видела, пожалуйста?

Я вздыхаю, чувствуя груз на плечах. Я не могла врать, но ради нее, может быть, получится это сделать. Я улыбаюсь через силу и оглядываюсь на неё.

— Если тебе так будет лучше.

Проспав весь день, удивляюсь, почему ко мне никто за это утро не зашёл. Когда встаю с постели, голова гудит. Осторожно дойдя до шкафа, смотрю в зеркало. Волосы спутаны, щеки красные. Только открываю дверь, чтобы спустится вниз, как на меня градом выливается холодная вода. Я ахаю и чертыхаюсь. Какого черта?

На мой крик прибегает Шанти и, когда видит меня, смеётся. Я указываю на нее пальцем, грозно наступая. Она пятится назад, выставляя руки вперёд.

— Погоди, погоди, Ти, — начинает она, смотря на меня.

Внутри вскипает злость. Если это способ меня разбудить, он неудачен. Шанти смахивает волосы за спину и указывает в сторону.

— Это сделала Ава, — говорит она и я немею.

— Какого черта она тут забыла? — тихо спрашиваю у сестры.

Шанти пожимает плечами, заворачивая рукава нежно-розового свитера. Она проходит к входной двери и настежь открывает её. Я разинула рот, увидев светлое личико подруги.

— Добро пожаловать в психушку, милая, — провозгласила Шанталь, крепко обняла её и провела в коридор.

Ава выглядела уставшей, густой пучок каштановых волос уже выбился и резинка готова была разорваться. Она помахала мне рукой.

— Привет, Эйв.

Я подхожу ближе, находясь до сих пор в растерянных чувствах. Шанти чешет затылок, уходя в сторону кухни.

— Я пока пойду поставлю чай. Ты голодна? — спрашивает она у Авы, глядя в мою сторону встревоженным взглядом. Она кивает.

Сидя на диване в гостиной мне хочется столько всего ей рассказать. Но, заметив её красные глаза, молчу. Что-то явно произошло. Я беру её за руку.

— Все хорошо? — спрашиваю я.

Она сглатывает, перебирая пальцами тонкую блузку. Ава была миниатюрной. Она никогда много не говорила о себе. Ей это трудно даётся, это мы с Робби знали точно.

— Я не знаю, зачем сюда даже приехала... Наверное, я просто не знала, куда податься. Извини, — она вздыхает, сжимая руки в кулаки.

— После того, как ты уехала, моего брата не стало. Когда я узнала об этом, мне позвонила мама. Понимаешь, я даже не успела попрощаться с ним. Его тело было похоронено в закрытом гробу.

Моё сердце бешено клопочет в груди. Сэнди Риксон — старший брат Авы, находился все эти месяцы в Афганистане, как она говорила. Он защищал страну от врагов, подвергая себя опасности. Я никогда не думала, что, защищая других, можно умереть самому.

Она начинает всхлипывать. Я крепко обнимаю её к своей груди, мысленно говоря ей, что рядом.

— Мне очень жаль, — все, что я могла сказать на тот момент.

Её тело потряхивает, но она ничего не говорит в ответ. Мы просто сидим в обнимку, а я размышляю о том, почему так произошло. Неужели смерть настолько равнодушна к человеческим душам?

Шанти откашливается, показывая тем, что она здесь, Ава сразу прекращает плакать. Я нервно улыбаюсь подруге, целуя её в лоб. Шанти молча протягивает ей кружку зелёного чая.

Она садится в противоположное от нас кресло и скрещивает руки. Шанталь полностью уходит в размышления, затем щелкает пальцем и широко улыбается.

— Ты можешь жить со мной, — предлагает Шанталь, подгибая под себя ноги и утыкая подбородок на колени.

Ава качает головой, нерешительно бегая взглядом с меня на сестру. Я просто пожимаю плечами.

— Я не знаю. Я вам не помешаю? — Она ерзает на своём месте. Я качаю головой, усмехаясь.

— Дело в том, что Шанталь живёт в соседнем доме, а не с нами. — Я перевожу взгляд на сестру. Она соглашается и поднимает свою кружку вверх.

— Так что, добро пожаловать. Чувствуй себя, как дома.

Ава улыбается и бросается к ней в объятия.

Спустя неделю, я вижу Аву чуть ли не каждый день. Она, кажется, рада жить вместе с моей сестрой. Насчёт смерти её брата Сенди мы не общаемся, она говорит, что пока не готова. Она уже нашла работу, где, как она говорит, отлично платят, и совместно проходит онлайн-тесты для поступления в колледж.

Сейчас мы едем в довольно милое, как мне показалось в прошлый раз, место. Она не знает о нем, но это ещё пока...

Ава выбирается из машины. Шанти одолжила мне на пару дней свою, пока та в отъезде. Ава выглядит счастливой, когда осматривает "Ворона", так гласила вывеска паба. Подруга нервно заправляет волосы за уши и улыбается.

— Необычно, — говорит, пробуя сесть на высокий стул рядом с баром. Я пожимаю плечами.

Рядом с нами сидели ещё две девушки и кокетничали с барменом. Я заказала два кофе и слушала Аву, пытаюсь не уйти в себя. В голове крутилось слишком много мыслей.

Поведение Лиз тревожило меня, а слова Чейза приводили в ступор. От его прикосновений меня бросало в дрожь. Да, я это признаю. Но я никогда бы не перешла эту черту.

Я вздыхаю. Ава теребит меня по плечу и перевожу на неё взгляд.

— Ты со мной? — спрашивает девушка беззаботно.

Она отпивает пенку на кофе и ставит кружку обратно. Я оглядываюсь по сторонам, замечая шум от телевизора на стене неподалёку от нас.

— Да, я в порядке. Так как ты тут оказалась? — рассеянно спрашиваю её, пока краем глаза не замечаю знакомое лицо на экране.

Параллельно слушая двоих сразу, я морщусь. Репортер говорит одно, Ава с другой стороны — другое. Я рвусь на части, кого выслушать в первую очередь. Наконец, картинка на экране побеждает, когда бармен делает громкость выше.

— А сейчас к другим новостям. И это произошло! Мы узнали, кто та таинственная незнакомка Мистера Джонсона.

На экране появляется фотка, на которой отпечатан мой отец в обнимку с какой-то длинноногой девушкой. Брови соединяются в одну полосу на переносице, дыхание захватывает. Голос Авы уходит на второй план.

— Ты слышал это, Оуэн? — кричит кто-то из завсегдатаев в углу от нас.

Я не могу поверить, но и остановить это не в состоянии. Я просто ощущаю всем нутром, как по мне скатывается бусинка пота, начинается головокружение. Ава зовёт меня по имени, но я не могу ей ответить.

Бегло бросаю взгляд на экран плазменного телевизора. Фотография видна смутно, я почти не вижу её лица. Но очертания до чертиков знакомы.

— Какого... Нет... — слышен голос Авы. Она хватается меня за плечи и смотрит в упор. Я выворачиваюсь, но Ава все перекрывает своими волосами.

— Ава, я просто хочу посмотреть, — прошу её, улыбаясь одними уголками губ. Её хватка на плечах удваивается. Она мотает головой.

— Да что с тобой? Это мой отец, — пытаюсь вывернуться от её хватки и перевожу глаза на экран.

На дерьмовый экран. Лучше бы не смотрела. Я смачно глотаю, хватая ртом воздух. Ава начинает открывать рот, пытаюсь что-то объяснить, но я не слышу. Или, может быть, не

готова. Беру ключи от машины и выхожу на улицу.

Картер

Сижу тут, как гребанный идиот, пытаюсь не заплакать. Да, парни тоже умеют рыдать. Даже, порой, похуже девчонок. Парни, как всем говорят, сильные, выносливые, но на деле это совершенно не так. В них тоже есть старые раны, безответность и недопонимания.

Я сжимаю кулаки и делаю последний удар по груше, висячей на потолке. Она отлетает от меня, затем покачивается в разные стороны. На повал.

Делаю победный танец в голове и ухожу в душ. Мне нужно было смыть с себя грязь. Здесь я один, и это хорошо. Мне не нужны были свидетели. Я должен был сделать это сам.

Сегодня снова слышал крики снизу, но Адам сказал не вмешиваться. Меня это уже начинало доставать. Поэтому я решил дать отпор и рассказать об этом полиции. Опять же, Адам мне сделать и это запретил. Он сказал, что сам во всем разберется.

В результате, теперь я нахожусь тут. В старом спортзале для бокса. Раньше я играл здесь, когда учился в школе, поддерживая форму. Каждый раз приезжая сюда, я чувствовал облегчение. Новое чувство, но такое приятное. Это был как никотин. Один раз попробуешь и никогда уже не слезешь.

После небольшой тренировки, если можно было так выразиться, я отправился было обратно домой, как вдруг слышу шарканье ног по гравию. Я оборачиваюсь, заведев Эйви.

Она обвела руками свою талию, упирая взгляд в асфальт. Ви никого не видела, будто находилась в собственных мыслях.

— Эйв? — окликаю её и девушка, как при электрошоке, резко подпрыгивает, оглядываясь по сторонам. Она сощуривается.

— Чейз? — Её голоса почти не слышу. Ставлю ногу обратно на асфальт, не спеша иду к ней.

Она съеживается и видно, как тело дрожит. Удивлению нет предела. Её тёмные глаза пробегают по мне и я улыбаюсь, как чертов идиот. Мне нравилось, когда она смотрела на меня. Я протягиваю к ней руку.

— Идём со мной.

Но Ви отшатывается назад. Я не понимаю, что я сделал, но она качает головой и тяжело выдыхает клубок пара. Становилось холодно.

— Я ничего тебе не сделаю. Ты же знаешь, — говорю ей, усмехаясь. Девушка хлопает глазами и хмурится. Её глаза стеклянные, полны глубокой печали. Что с ней не так?

— Уже не уверена, что знаю, — отвечает она на одном дыхании. Мою грудь сдавливает от этого. Я в недоумении.

— Что не так? Я волнуюсь за тебя, — говорю обеспокоенно. Даже чересчур для меня. Ви сжимает кулаки, делает пару вздохов и закрывает глаза.

— Думаю, я пока не могу с тобой видиться.

Она отходит все дальше и дальше, виновато смотря на меня и моля понять.

— Прости.

Стремглав она убегает, только ее тень поспекает за ней. Разинув рот, делаю несколько шагов в сторону, куда она убежала, но слишком темно и я теряю её след. Она просто сбежала. Опять.

Эйвери

Три дня спустя...

Я смотрю на кусочек выступающей трещины, прямо в углу комода. Там, видимо, не коснулась мамина кисть с краской. Отчасти я была рада, потому что кусочек чего-то моего все-таки остался, отчасти я злилась, потому что не хотела этого.

Телефон вибрирует в сотый раз, но я даже не смотрю на него. Очередная смс-ка от Авы или сестер. Знаю, что поступила с ней не очень хорошо, но тогда я сама не понимала, что вытворяла. На тот момент в голове все смешалось. Мне хотелось разорвать той фифе волосы или сжечь её безупречное тело до тла.

Я вздыхаю и сжимаю кулаки. Чувствую, как ногти впиваются в кожу. Это облегчение, полный кайф. Так я могу чувствовать, что ещё что-то могу ощущать.

— Эйви, ты в порядке? — Дверь открывается и в комнату пролезает мама.

Я резко вздрагиваю, большими глазами смотря на неё. Её лицо немного исхудало, чётко очерчивая скулы. Глаза по-прежнему сияют, но теперь не так ярко, как раньше.

— Скоро буду, не переживайте за меня. — Хватаю уголок одеяла и тяну на себя.

Мне стало холодно. Но мама не уходила. Наоборот она села на край кровати, скрестив руки на груди, обеспокоенным взглядом прожигала во мне дыру. Я закрываю веки. Не хочу говорить ей правду. Не могу этого сделать.

— Ты не выходишь из комнаты вот уже три дня. Это ненормально, дорогая. Жизнь не заканчивается на одном парне, понимаешь? Ты красавица, обязательно встретишься с тем, кто по-настоящему будет любить тебя.

Я разеваю рот.

— Кто тебе рассказал об этом? — В голове перебираю всевозможные имена, кто бы мог придумать такую ерунду. Мама тем временем склоняет голову. Она озадачена.

— Мне сказала твоя сестра Шанталь. Она говорит правду, ведь так? — Я закрываю глаза снова, выдыхая. Нет. Нет. Это неправда.

Я качаю головой, когда из глаз начинают течь слёзы. Мама тут же притягивает к своей груди и успокаивает. Я не успеваю ничего ответить. Остаюсь нема, пока она не покидает мою комнату.

Телефон снова посылает сигнал. В конце концов это начинает надоедать и я отвечаю на звонок, даже не смотря на экран.

— Что? — практически шиплю я. Голос Картера удивляет меня. Я откашливаюсь, садясь ровно. Картер минуту молчит, настораживая.

— Я позвонил не вовремя? — спросил он ошеломленно.

Я качаю головой, хотя он не видит. Горло сжало так сильно, что не могу что-либо выговорить. Правда, которую ты обещал не говорить, даже самому себе, порой делает с тобой ужасные вещи.

Я глотаю ком, образовавшийся в горле. Картеру приходится несколько раз позвать меня.

— Да, да... эм.. — Я оглядываюсь на окно. Там слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Не уверена, что сейчас полночь. Я потеряла счёт во времени.

— Все в порядке. Почему ты звонишь? Все нормально? — Глупо задавать такие вопросы, когда сама же только недавно сбежала от него. Идиотка.

Картер смеётся в трубку, заставляя волосы на затылке встать дыбом. Он был лекарством для меня. Он был моим другом.

— Я думал, что ты заболела, поэтому не отвечаешь. Шанти сказала, что ты простыла. Ты в порядке?

Я хмуро смотрю на ломинат, где кончики пальцев ног касаются древесины. Сегодня я покрасила ногти в цвет морской волны, надеясь, что так скрашу свои сомнения. Хотя внутренняя борьба сильнее простого лака для ногтей.

— Со мной все хорошо, Чейз. Ты лучше бы следил за тем, как проходят твои тренировки, — выпаливаю на одном дыхании. Я ничего не могу с собой поделаться.

Чувствую нутром, что так неправильно. Картер мычит что-то в ответ. Я знаю, что он не верит мне.

— Слышу, как ты врёшь мне, маленькая Ти. Ты можешь врать всем, но не мне. Я знаю тебя с пяти лет. Расскажи, что случилось на самом деле. Я тут, — просит он мягко, опасаясь, что оттолкну его.

Вместо того, чтобы сказать ему нет, я откидываюсь на подушки, вдыхая собственный аромат трехдневной давности. Я могла многим отказать, но не ему. Он был для меня особенным.

— Ах, я случайно увидела своего отца по телевизору. Ты видел утренний репортаж про него? — спрашиваю ради интереса.

— Пока не успел. Я думаю, многие люди видели его. Твой отец сияет словно алмаз. Он такой засранец, если честно.

Картер всегда был недоволен моим отцом. Точнее, его действиями и поступками. В ответ отец не влюбил Картера только завидев его вместе со мной. Такой вот круговорот их отношений.

Из груди вырывается смех, который томился долгими днями. Переворачиваюсь набок, обнимая другой рукой подушку.

— Знаю. Я просто... — Собираю мысли в кучу, не до конца веря в то, что собираюсь сказать. — Я видела его, когда он выходил в обнимку с Робби. — Боже, я сказала это?

Картер долгое время молчит, до чертиков пугая меня. Я понятия имею, что он чувствует или что делает в эту минуту. На сердце кошки скреблись, будто острием ножа. Носить такую тайну было невыносимо.

— Ты сказала это кому-нибудь ещё? — шепчет он в трубку так же, как я дышу. Тихо и отрывисто. С глаз текут слёзы. Не могу их больше сдерживать.

— Нет. Я не могу сказать это маме в лицо. Это убьёт её, понимаешь? — всхлипываю я. Картер печально выдыхает через рот.

Я слышу его сердцебиение прямо под ухом, будто он находится рядом, возле меня. Лежит сзади, обдавая горячим дыханием. На секунду я верю своему воображению, но темнота заполняет мозг и я начинаю плакать, постанывая в подушку.

— Тише, Ти. Я никому не скажу о твоём секрете, — уверяет он, пока я выравниваю дыхание.

— Спасибо, Картер.

— Спокойной ночи, маленькая Ти.

И голос на той стороне стихает. Мысли крутятся быстрее, как при начинающемся торнадо. Вот-вот, и меня саму засосет в самый эпицентр.

Эйвери

Спустившись вниз, я не чувствую своего тела. С каждым шагом ноги немели сильнее. Лицо, явно, бледное, но сейчас это не так важно. Я зеваю, проходя дальше, когда резко замираю, увидев Картера за маленьким кухонным островком. На кухне уже появлялись солнечные лучики из окна, окрашивая всю комнату в яркие цвета.

Я разиваю рот, размышляя, правда ли это? Картер, увидев меня, поднимается со своего места и неспеша подходит ближе, чтобы притянуть в свои объятия.

Это правда он. Не с обложки спортивных журналов.

Я улыбаюсь и чувствую запах стираного белья. Его серые глаза анализируют меня слишком долго и пристально, поэтому чувствую себя не очень хорошо.

На его лице россыпь веснушек, острые скулы и поношенная серая футболка с какими-то надписями — все это заставляло мое сердце биться чаще.

— Доброе утро, соня, — говорит он и морщит нос. — Фи, когда ты последний раз принимала душ?

Я фыркаю, заправляя волосы за уши, немного отходя от него.

— Картер, ты пахнешь точно также, когда выходишь с поля, — парирую я.

Чейз хватается за сердце и ахает, будто получил пулю. Я тихо смеюсь, замечая его выражение лица.

— Прямо в сердце, — соркастично твердит парень, поглаживая футболку. На секунду мой взгляд задерживается на его руке, но я быстро прихожу в себя.

Я закатываю глаза и иду на его место, кладя голову на холодный гранит. Это лучше всякого душа. Грудь все ещё сжимает, кожу саднит и немного жжёт. Я не заметила маму, но это, наверное, даже и к лучшему. Не будет лишних вопросов.

— Ты в порядке? — шепотом спрашивает Шанталь, потирая мою спину. Я стону, не зная, как ответить.

— Слишком много снов для одной ночи. Я не могла заснуть, Шанти. — Мои брови хмурятся, когда я вспоминаю рассказ мамы.

— Почему ты сказала маме о том, что меня бросил парень? — В воздухе делаю пальцами кавычки и сестра ухмыляется, хотя по её лицу не скажешь, что она рада.

Она немного медлит с ответом. Кажется, она знает правду. Я придвигаюсь ближе, остерегаясь, что услышит Картер. Но он не пристает с вопросами, так как уверен, что позже я расскажу ему все сама.

Шанти сжимает губы и отбивает ногтями собственный ритм по столешнице.

— Я знаю, что отец изменяет маме. Кто-то должен сказать ей правду, но не я, Ви. Я не могу сказать ей такое, когда она только начала жить. Ты просто не видела, как она долгие годы убивалась здесь. Мы старались ей как-то помочь, поговорить... но она продолжала хандрить. Я не переживу второго такого раза.

Шанти берет меня за руку и крепко сжимает, смотря на меня молящим взглядом. Что я могла сделать?

— Ты должна сказать ей, но позже, ладно? Не сейчас.

Я киваю с тяжёлой ношей на плечах, соглашаясь на то, не совсем понимая, на что именно.

— Хорошо. — Я сглатываю. — Но немного позже. — Я оглядываюсь по сторонам, желая увидеть ещё одну мою сестру.

— А где Лиз? — спрашиваю я.

Мне нужно было с ней поговорить. Она начинала меня пугать. Что случилось с ней, пока меня не было? Я помню другую Лиз, а не такую, какую видела прошлой ночью. Шанти вздыхает и указывает большим пальцем за спину.

— Она на старом месте. А что-то случилось? Как она? — обеспокоенно тароторит Шанталь.

Я улыбаюсь, сжимая плотно губы. Надеюсь, она знает. Но я не могу это проверить. Я пообещала.

— Да, я просто хотела узнать, как у неё проходят дела в учёбе.

Я спрыгиваю с табурета и иду на задний двор, когда голос Картера заставляет замедлиться. Он берет меня за локоть и встревоженно смотрит в глаза.

— С тобой пойти? Я могу быть хорошим собеседником, если это надо.

Я ухмыляюсь, смотря в сторону стеклянной двери. Среди высокой травы и цветов я не могу разглядеть силуэт сестры. Отхожу назад и сдержанно киваю.

— Не нужно. Я справлюсь.

Он неохотно кивает, но не уходит.

— Будь осторожна, — последнее, что говорит Картер перед тем, как я исчезну ув проёме двери.

Сзади дома, как мне рассказывала мама, она собирала натуральный сад, надеясь, что с годами почки прорастут и выйдет отличный вид, за которым можно было бы наблюдать после тяжёлой работы.

Я оценила эту задумку, которая, казалось, действительно выглядела неплохой.

Сощутив глаза от яркого света, кое-как нахожу Лиз. Она повернута от меня спиной, сгорбившись, сидела в центре макового поля.

Неспеша иду к ней и присаживаюсь рядом, боясь коснуться. Я откашливаюсь, на что сестра тут же подпрыгивает, явно не ожидая меня тут видеть.

— Доброе утро, — зевает она, удивлённо бегая глазами по моему лицу. Я улыбаюсь, осматривая довольно милое, а главное, тихое место.

— Может всё-таки скажешь, что случилось? Когда началось это?

Я волновалась за неё и меня бесило, что она мне просто не может довериться. Может, она просто не знает, как это делать? Дрожащей рукой дотрагиваюсь до её плеча, но Лиз никак не реагирует.

— Нечего говорить. Кошмары сняты всем и каждому. Когда мне что-то снится я не могу изменить события. Я просто наблюдаю за кем-то и ничего больше. Это ужасно, когда ты видишь все, но ничем не можешь помочь.

Лиз склоняет голову на свои колени и тяжело вздыхает, переводя дух.

Я не могу ничего поделать, сердце сжимает. Мне не по себе, потому что я не знаю, как ей помочь. Кто стал причиной её кошмаров? Или, может быть, что послужило их зарождению?

— Должна же быть причина, почему они появились? — тихо спрашиваю её.

Она качает головой, начиная всхлипывать. Она долгое время молча размышляла о чем-то, но не стала говорить вслух.

Лиз встала во весь рост, оттряхивая с узких джинс травинки, и потихоньку уходила от меня.

— Прости, я слишком много наговорила. Мне нужно идти, — огорченно выговаривает она, но я не могу её остановить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лиззи любит животных, природу, экологию и все, что было связано с окружающей средой. Она была защитницей животных и была всеми руками за здоровую пищу. Она была девушкой солнцем, которая даже ночью могла сиять без перерывов.

Сижу тут ещё пару часов, не обращая внимания на все остальное. В голове столько разных мыслей и не одной разумной, которая бы объяснила, что послужило преображению Лиззи в такую угрюмую женщину.

— Сколько цветов насчитала? — Слышу мелодичный голос позади себя и уголок губ дергается вверх. Картер усаживается неподалёку, срывая пару травинок.

— Ты все ещё тут? — рассеяно двигаю губами, несмотря на то, что парень смеётся.

Я, косо поглядывая на него, замечаю некоторые изменения в его внешности. Когда мы были ещё детьми никто даже и не додумывался, что все обернется вот так.

Тогда мы поклялись, несмотря ни на что, сохранить нашу дружбу и не забыть друг друга. Он повязал саморучный браслет на моё запястье, затем я проделала тоже самое с ним, давая крепкое обещание, что так оно и будет.

Картер смотрит в небо и выдыхает. Шрам на его брови уже начинал затягиваться, а моё желание потрогать его расло с каждым разом больше и больше.

— Ты до сих пор не сказала своей матери правду. А она должна знать, что случилось. Ви, все будет с ней в порядке, поверь мне. — Он поднимает брови, хотя лицо Чейза серьёзное до мурашек.

Я сглатываю, вспоминая взгляд отца. Таким же взглядом он прожигал во мне дыру, допытываясь днями и ночами, где я пропадала после школы.

— Я знаю. Но сейчас не подходящее для этого время. Сказать в лицо то, что твой любимый человек изменяет с другой — это неправильно. Ты подумал, что с ней станет? Это разобьет ей чёртово сердце.

Я начинала злиться. Злиться, потому что он не мог понять элементарного. Злилась на себя, потому что не могу обидеть человека. Даже сказав ему простую правду.

Руки Картера сжимаются в кулаки, что его костяшки пальцев белеют. Губы стягиваются в полоску, в глазах чистое презрение. Я вздрагиваю.

— Она должна знать. По крайней мере, так она будет мучить себя саму, гадая, что случилось. Ты хочешь, чтобы она страдала?

Я учащенно дышу, не могу подобрать слов. Не могу ясно мыслить. Рано или поздно правда всплывет наружу. Она узнает сама, прочитав в какой-нибудь газете или увидит в том же самом телевизоре.

Я мотаю головой, замечая, какими глазами на меня смотрит Картер.

Я ведь сделала с ним практически тоже самое. Бросила его, не сказав ни слова.

Выдыхаю, медленно закрывая веки. Картер часто дышит. Он знает, что я виновата. Я тоже чувствую укол совести.

Начинаю немного продвигаться к парню ближе, хватая его за запястье. Браслет, который я ему подарила, все ещё был на нем. В целостности и сохранности.

Немного погодя, замечаю ещё одну особенность на его коже. Маленький, еле заметный

шрам возле большого пальца.

— Прости... — начинаю я, осекаясь, когда чувствую, как грубая кожа дерёт мою. Перевожу глаза на Картера и хмурюсь. — Что это?

Картер смотрит отрешенными глазами на меня. Либо он не хочет говорить, либо я не достойна этого. Конечно, кто я вообще такая после того, что с ним сделала, верно?

Чейз осторожно выворачивает руку и убирает себе на колено. Он смотрит за горизонт, голос практически еле слышен, когда он начинает говорить.

— Я разбил стекло в окне и дверь, когда был ещё дома. Тогда я узнал, что отец погиб. Его зарезали какие-то ублюдки, оставив истекать в муках и одиночестве. Я ничего не хотел тогда, кроме как разбить что-нибудь. Почувствовать боль. Я приехал в этот город... — Картер замедляется, будто сдерживая свой нрав. Он приехал сюда для чего?

Я склоняю голову, сбитая столку. Картер качает головой и один локон падает ему на лоб. Закатный лучик игриво перебегает по его волосам, к глазам и подбородку.

— Чтобы попасть в команду и получить кубок. Тогда я смогу все исправить, Эйви. Я смогу изменить свою жизнь и жизнь матери. Я заставлю, чтобы мои родители гордились мной, — уверенно сказал он.

В голове считаю, какой день это был, когда мистера Чейза не стало. Он был душой компании, добрым и очень доброжелательным мужчиной.

Каждый раз, когда я до поздна засиживалась у них дома с Картером, он всегда покрывал нас, говоря моему отцу, что я останусь у них, а утром он сам отвезет нас в школу. Либо придумывал что-нибудь иное. Но что бы он не говорил, отец верил ему. Без проблем.

Он воспитал хорошего сына. И в любом случае гордился бы им.

Я сплатьяю ком в горле. Сил нет, чтобы подняться. Горло саднит. Картер в раздумьях. Надо ли говорить сейчас?

— Когда это произошло? — надломленно спрашиваю я.

Картер поворачивает на меня свои серые глаза со взглядом, полным печали и разбитого сердца. Он качает головой, постоянно бегая глазами, как загнанный в угол заяц.

— В тот день, когда ты уехала.

Моё сердце уходит в пятки. Я начинаю дрожать. Много, что случилось за эти недели, я хочу ему объяснить. Это была не моя идея.

— Отец отправил меня сюда. Не я была инициатором уезда. Картер, мне хотелось остаться. Я говорила ему об этом, но разве он слушает? Нет. У меня не было возможности написать тебе, а когда я пыталась тебе позвонить на телефон, он был вне зоны действия. — Я молчу, собирая все по кусочкам.

Картер глотает ртом воздух. Ветер развивает наши волосы, вдыхая в наши тела новые жизни и веру. Мне нравилась плохая погода, потому что она напоминала мне о былых временах.

— Прости меня...

Он резко поворачивается на меня, испепеляя взглядом. В его кармане звонит мобильник, на что парень хмурится. Когда смотрит на экран, цокает языком, нервничая. Взгляд Чейза меняется на извиняющийся.

— Извини, мне нужно идти на тренировку.

Я отпускаю его, хотя внутри все протестует. Мне не хочется навязываться и выглядеть стервой. Верно ли я поняла то, что увидела в его глазах или это мои фантазии?

Он уходит, а я так и продолжаю сидеть на поле, усыпанном сплошными маками.

Вдыхаю, мысленно обвиняя себя за то, что сделала. Нужно было стоять на своём, несмотря на кровные узы.

Скрип двери заставляет поднять голову, итак уже тяжелее свинца. Шанти выбегает на крыльцо и показывает на телефон в её руке.

— Эйвери, скорее сюда!

Я подрываюсь с места, торопясь так сильно, что несколько раз падаю.

Красными глазами Шанти ищет обо что опереться, когда показывает сообщение на своём телефоне. Не разобрав, какая причина всему этому, дочитываю до конца. Сглатываю, понимая, что правда добралась быстрее, чем я предполагала.

"Шанталь Роуз Джонсон! Ты знала, что твой отец изменяет мне? Буду через пять минут. Мама."

Я перевожу взгляд на сестру, которая бледнее снега. Она собирает все вещи по дому и закидывает в огромный мешок, что-то бурча себе под нос. Я выхватываю у неё пакет с вещами, чувствуя, как злость подступает к горлу.

— Шанти, остановись! Объясни, что происходит? — Я смотрю на входную дверь, в которую с минуту на минуту войдёт мама.

Что я скажу ей, не знала. И поэтому паника возрастала с каждым вздохом. Щёки Шанти краснеют, чёрные, как ночь, волосы блестят при солнечном свете.

Она пожимает плечами, собирая волосы в небрежный пучок.

— Она придёт и будет все сбрасывать. Все, что ты здесь видишь, она разобьет и утром будет жалеть. Когда она в первые узнала, что папа ей изменил, она хотела поджечь этот дом, но бабушка её остановила. Сейчас, — Шанталь разводит руками по всей кухне, — как видишь, бабушки здесь нет. Поэтому, что будет, когда она придет, один Бог знает.

Я молча передаю ей пакет, собирая вместе с ней разные баночки со специями. Когда дохожу до холодильника, останавливаюсь.

— Ты знаешь, что мама выпивает? — спрашиваю сестру, не глядя на неё.

Шанти заканчивает собирать вещи, медленно выпрямляясь. Она вздыхает, смотрит на меня и кивает. Мне больше не нужно ничего объяснять. Мои догадки подтвердились.

Не могу с собой совладать. Моя рука крепко сжимается, а в груди все взрывается. Такое ощущение, что если бы я осталась с мамой, то этого бы не случилось. Я закрываю веки и часто дышу.

— Эй, Ви, — Шанти подходит ко мне и притягивает к себе, поглаживая по голове. Я утыкаюсь ей в плечо.

— Твоей вины здесь нет, поняла? Ты была ребёнком, когда это произошло. Это отец — жалкое подобие мужчины. Мама просто хотела тебя защитить.

Я всхлипываю, вытирая слёзы. Слишком много мыслей в голове, чтобы рационально думать. Ну, а вдруг я вообще не хотела уезжать? Сама?

Шанти качает головой, кидает один взгляд на дверь и снова на меня, помогая мне убрать остатки слез.

— Нам нужно убрать все режущие и колющие предметы, хорошо? — Шанти всматривается в меня, надеясь, что я пойму, о чем она говорит. Я киваю один раз и говорю "да".

Через два часа мы сидим за кухонным островком, упирая взгляд в дверь. Шанталь нервно стучит кулаками по граниту, через силу сидя на одном месте. Она склоняет ко мне голову и также быстро садится обратно.

— Только ничего не наговори лишнего. Я сама во всем разберусь, ага? Просто, если будет слишком тяжело, я дам тебе знать.

Я киваю, мысленно досчитываю до десяти, когда дверь распахивается, громко ударяясь о стену. Тут же наши глаза поднимаются к источнику звука и встречаются с помятым лицом мамы.

Она немного шатается, в правой руке бутылка виски. Я вздыхаю, сжимая губы.

Меня начинало колотить, потому что я не очень люблю алкоголь или людей, которые принимают его. Меня от них выворачивало.

Шанти осторожно поднимается с табурета и идёт напрямиком к маме.

Голубые глаза матери жадно осматривают квартиру в поиске чего-нибудь острого явно, затем останавливаются на Шанти. Сестра выставляет руки вперёд, что-то наговаривая маме.

Я хочу подбежать к ней, огородить, чтобы она этого не делала. Подойти к маме, извиниться, если это понадобилось бы, и сказать Шанти, чтобы она не подходила к ней.

Если я боялась, то больше не могла совладать с собой. Это было началом снежного комка, который становился все больше и больше. Я не могла это остановить или как-нибудь замедлить. Не за что.

В реальности, я по-прежнему оставалась на своём месте. Ничего не могла сделать.

— Привет, мам. Давай, я отведу тебя в спальню, чтобы ты отдохнула, — начинает Шанталь, но мама только сощуривает глаза.

Мама была похожа на хищника, который мог в любую секунду наброситься.

Шанти касается плеч матери и заводит в дом, пиная ногой дверь. Мама открывает рот и со звоном ставит бутылку напротив меня. Я морщусь, не в силах подавить тошноту.

— Вы знали, что он это сделал? Как давно, дети мои? — шипит бессознательно мама. Я опускаю взгляд. Шанти делает бестрастное лицо, будто она не понимает, о чем идёт речь.

Но когда мама переводит на неё свой взгляд, полный опустошенности, такой взгляд, из которого ушла вся жизнь, стены Шанталь рушатся. Она вздыхает и садится напротив матери.

— Я узнала об этом вчера, когда читала газету. Он с ней уже две недели. — Шанти резко поднимает голову, взглядом уверяя, что это даже не срок.

Мама улыбается, и становится не по себе. Я не видела, что она вытворяла в такие моменты, потому что меня не было. Теперь я сижу здесь, буквально в первых рядах, и могу наблюдать за происходящим. Однако все это мне не по душе. Я хочу сменить сцену. Пожалуйста.

— Ты тоже об этом знала, Эйвери Тейлор? — грозно плюет она. Качаю головой, смотря вниз.

Я не скажу ей, кто спутница отца. Теперь я поняла, что, узнав об этом, она точно что-то с собой сделает.

Шанти перебивает её поток слов, тем самым спасая меня. Она берет запястье матери и всматривается ей прямо в глаза. Наверное, ей уже не страшно.

— Ви ничего не знала. Отец ей ничего, видимо, не говорил. Поэтому она тут не причём. Ты должна перестать пить, мам, — почти шепотом заявляет Шанталь.

Мама сглатывает. Ей не легко.

— Он давно начал новую жизнь. Начни и ты. Оглись вокруг. Твоя семья с тобой, она волнуется за тебя. — Шанти закрывает веки. — Я волнуюсь.

Мама начинает дрожать. В одну секунду кажется, что все закончится. Сейчас она улыбнётся своей сумасшедшей милой улыбкой и обнимет нас. Исчезнет запах спирта и с её

лица уйдут остатки туши.

— Я пытаюсь, малышка. Это нелегко. Ты знаешь, что такое боль? Когда твой человек предает тебя? — Мама склоняется перед ней, затем выдыхает прямо в лицо и выпрямляется, поднимая подбородок. — Правильно, нет.

Шанталь сразу замолкает, опуская глаза. Я слышу ещё один звук в стороне и поворачиваюсь.

В проёме двери застывает силуэт бабушки. Она тихо подходит за спину матери, косо смотря на меня, указательным пальцем касается своих губ.

Я делаю вид, что поняла и смотрю на Шанталь. Та садится обратно и испепеляет взглядом свои ладони на коленях.

Мама начинает гоготать, кричать и тянутся к бутылке. Но не успевает вовремя разбить, потому что бабушка в один момент заводит свою руку и достаёт маленькую штучку из кармана.

Я не совсем понимаю, что это за вещь, но один писк из неё заставляет съежиться. Глаза мамы становятся больше, она не понимает, что происходит, когда падает на колени и теряет сознание. Её веки дрожат, тело потряхивает, но уже ничего не говорит.

От неожиданности мы с Шанти вскрикиваем и шакированно смотрим на бабушку. Челси Гудвин была самой странной женщиной, которую я знала. Она смотрит на свою дочь, ласково пробегается по её лицу, что-то воркуя на французском.

— Ты не могла найти другого способа, Ба? — взволнованно кричит Шанти, разводя руками. Я, разинув рот, тупо смотрю на неё.

— Не было времени придумать что-нибудь другое. Если бы я не сделала этого, возможно, тогда она бы жалела гораздо больше, — говорит бабушка, косо поглядывая на нас.

Картер

Я сижу на диване, тупо наблюдая за тем, как Силент наповал обыгрывает Коула. Коул рычит, готовый вот-вот разбить бездушный экран телевизора. Коул выше всех нас, он практически горбиться, когда наклоняется вперёд. Квадратная челюсть сжималась каждый раз, когда его игрок спотыкался и мяч пролетал мимо ворот.

Уголки моих губ самовольно поднимались вверх, я ничего не мог с этим поделать.

Вокруг ещё несколько знакомых и незнакомых мне людей громко обсуждали с друг другом наше поражение. Тогда я впервые увидел её, впервые почувствовал надежду.

— Эй, Картер, ты тут? — отголоском твердит Силент неподалёку от меня.

Я играюсь с кубиком-рубиком, сопоставляя единую картинку. Хмыкаю, не находя подходящих слов. Силент был отдельной частью моей истории.

Он был идеальным кандидатом в любую футбольную команду. Его длинные ноги, накаченные икры, широкие плечи и загорелая кожа говорили сами за себя. Парню лишь оставалось улыбаться и пожимать всем руки. Казалось, что его тело было проходной карточкой в любое место.

Он передаёт мне бутылку ликера, я любезно принимаю её, но не пью, вырисовывая ею невидимые круги перед собой.

— Да, Сил, я с вами. Не могу только поверить, что мы проиграли в первый же выход на поле. Это ведь не просто тренировка, где можно ошибаться по несколько раз и тебе из-за этого ничего не будет. Это игра, настоящая и совершенно ответственная.

Я начинаю чересчур быстро тороторить, сам не совсем понимая, к чему идёт речь. Коул пожимает плечами, бегло бросая на меня беззаботный взгляд.

— Тебе не нужно волноваться по этому поводу. Один проигрыш ничего не значит. Уверен, что в следующий раз мы победим этих полудурков "Бойцов".

Силент соглашается с его утверждением, хлопая того по плечу. Он посвистывает, когда снова забивает мяч в игре. Я вздыхаю, отбрасывая голову назад.

Закрываю глаза, но сомнения не уходят.

После поражения я пришёл в дом Ви, когда услышал поразительную новость про её отца. Я знал, что он был козлом, но чтобы настолько, причиняя боль собственным детям и жене, это было слишком.

Она пыталась извиниться, но мой телефон помешал нам. Тогда меня срочно вызвали к тренеру Хью. Я снова отрабатывал поражение, которое получили мы все. Он считал, что я виноват, так как недостаточно хорош для футбола.

Возможно ли это, лишь потому, что его сын Фарел Хью был исключен и переведен в другую школу из-за того, что неудачно справлялся с собой во время игры? Или он срывал на мне свою злость только потому, что я был копией его сына?

Я вздыхаю, пробуя выйти из мужской компании друзей и найти более иное место. Куда-нибудь...

Когда опираюсь на столешницу, в спасении закрывая глаза, слышу только гогот, плеск воды из джакузи на заднем дворе.

Это был дом какого-то местного мудилы, который, по своей собственной надежде, думал, что пригласив сюда команду "Взрыв", то есть нас "победителей" этого года, он

сможет прославиться.

Но это было не так. На самом деле все пришли сюда ради выпивки, бесплатных закусок и просто чтобы отдохнуть. Возможно, я ошибался, но не думаю, что он мог бы таким образом осчастливить себя и пройти в ряды любимчиков.

Кроме музыки, громко доносящийся до кухни, где я стоял, слышу ещё пару голосов позади себя. Оборачиваюсь, чтобы посмотреть кто это мог быть. На заднем дворе, в джакузи, беззаботно игрались трое человек.

Две симпатичные девушки и парень, похожий на атлета. У него были довольно широкие плечи и тёмные волосы, застывшие в воздухе тарчком.

Они о чем-то спорили, но, казалось, это была лишь игра.

Атлет указывал пальцем поочередно на каждую девушку, пока его палец, в конце концов, не остановился на шатенке с зелёными глазами. Он подмигнул ей и зашевелил губами, явно что-то её спрашивая.

Я видел, как её глаза загорелись и она, придвигаясь ближе, коснулась его губ. Я тут же перевёл глаза на вторую девушку, сидящую в джакузи вместе с этой слащавой парочкой. Пока они упивались собой, я мог поклясться, это девушка была готова расплакаться.

Мне захотелось её утешить, но она резко выпархнула из воды и побежала куда-то вдаль, лишь её маленький силуэт и ярко-рыжие волосы до поясницы, развивались в темной ночи.

Я не успел и шагу ступить, как почувствовал, что меня кто-то дёргает по плечу. Я был настолько увлечен побегом той девушки, что подпрыгнул на месте от испуга.

Правая рука самовольно дернулась и вся выпивка опрокинулась на милый сарафан девушки.

Я поднял взгляд, полный сожаления. Её короткие волосы касались плеч, кончики красиво завивались. Её губы были покрашены бардовой помадой, говорящей, возможно, о её дерзком характере. Она поджала губы и выхватила одноразовое полотенце, стоявшее на столешнице сбоку от меня.

— Прошу прощения, — залепетала она, вытирая капли и что-то бормоча себе под нос. Я отставил бутылку в сторону и отошёл подальше от неё.

— Ты не виновата, — начинаю я, но она поднимает на меня свои серого цвета глаза и моё сердце екает. Внутри зарождается какое-то тепло. Она усмехается, нервно кусая губы.

— Я отвлекла тебя от чрезвычайно важной ситуации... — она косится на окно и снова на меня. — Эта была твоя операция? Ты какой-то тайный агент?

Я давлюсь, качая головой.

— Что? О чем, чёрт возьми, ты говоришь? — На меня накатывается шквал раздражения вперемешку со смущением. Оглядываясь по сторонам, я надеюсь, что никто не заметил меня. Кто мог ещё это видеть?

— Меня зовут Лив Глоуссенс, — Я пожимаю её руку и она хмурится, когда я ничего не отвечаю. Из груди вырывается смех, который я не могу остановить.

— Глоуссенс? Правда?

Девушка заправляет волнистые волосы за уши, смотрит через плечо и затем хватается за локоть, уводя в толпу.

— Забудь. Просто... — она вздыхает, в глазах читается нервозность. — потанцуй со мной, красавчик.

Ступая в середину танцпола, усыпанным весь конфетти, она прячет руки мне в волосы и придвигается ближе. Вдруг свет погасает, на полу включаются маленькие фонарики

шарообразной формы, будто тропинка, ведущая дальше вглубь леса.

Лив напрягается и все резко поворачивают головы, когда слышат мужской голос из колонок.

— Добрый вечер! Я Фарел Хью и добро пожаловать на мою вечеринку. Прошу пройти в задний двор и рассадится по местам. Через пару минут начнётся довольно интересная игра и вы будете полными идиотами, пропустив её.

Я замер на месте. Фарел? Что за чёрт? Какого он делает тут? Не успеваю толком осознать, что в первую очередь делать, чувствую, как руки Лив сцепливаются на моих запястьях и она тащит нас, обходя всех спиной.

— Что ты делаешь? — серьёзно спрашиваю, смотря ей в глаза. Она смеётся, её щеки краснеют. Лив обходит ещё пару тинейджеров прежде чем говорит с детской широкой улыбкой по всему лицу:

— Нам нужно сыграть. Давай поиграем, это же вечеринка!

Уголки губ дергаются, но через секунду Лив останавливается и мне приходится врезаться в её спину, слегка касаясь подушечками пальцев бедер девушки.

— Оу, простите, мы уже уходим, — говорит Лив кому-то впереди себя. Когда я пытаюсь понять, у кого она просит прощения, моё сердце перестаёт биться.

— О, — только говорит Ви, смотря на меня с распахнутыми от удивления глазами. Я поправляю ворот рубашки, как если бы там был повязан галстук, который на данный момент сдавливал моё горло.

— Привет, Эйви, — говорю сдержанно.

Я не вижу выражения лица Лив Глоуссенс, потому что все моё внимание похитила Эйви Тейлор. Медленно осматривая её, я не мог не заметить, как её грудь вздымается и опадает так часто, когда её взгляд пробегается по мне. Мне это нравится, но правильно ли это?

Кулаки сжимаются вдоль тела. Я сглатываю, отсранаясь от Лив. Поправляю рубашку снова, не зная, что сказать.

— Я удивлён увидеть тебя здесь в таком виде, — выпаливаю на одном дыхании.

Тёмные глаза Ви сверкают от светящихся шаров на полу, будто только что стрельнула молния. Она переводит свой испепеляющий взгляд с меня на Лив.

— А я удивлена увидеть тебя с девушкой, — говорит спокойно Джонсон.

Она улыбается ей, хотя я вижу, как ей от этого не по себе. Я вижу, как комок в горле девушки застревает где-то посередине, но я не могу ничего сказать.

Идиот.

— Ладно, отлично вам, ребята, повеселиться. — Как только она хочет уйти, моя рука дергается и крепко хватается её за пальцы.

— Ты здесь одна? — Сбавляю голос на тон ниже, но посылаю ей взгляд, говорящий о том, что я говорю на полном серьёзе. — Ты в порядке?

Она минуту молчит, пробегается по всему моему телу своими чёрными глазами и усмехается, смотря в потолок.

— И это ты спрашиваешь у меня? Вообще-то я здесь не одна... — она немного медлит, затем облизывает губы. — У меня тоже есть пара, с которой я сюда пришла.

Что-то внутри меня холодеет. И это не по тому, что мне холодно. Не только из-за того, что лёгкий вечерний воздух щекочет кожу. На самом деле, мне не по себе от её слов. Но потерять её мне хотелось гораздо меньше. Эта хрупкая невидимая черта дружбы готова была вот-вот расколоться. И кем тогда мы будем друг другу? Я вздыхаю ей в лицо, и она закрывает

веки.

— Ладно, но, если что, я всегда рад помочь, Ви.

Она недоверчиво смотрит на меня, как будто я её ранил. Мы обмениваемся примирительными кивками и затем она разворачивается и уходит через проход из людской толпы.

— Все в порядке? Кто это был? — спрашивает Лив, касаясь моего плеча.

Я долго размышляю об этом, но чтобы не наделать глупостей, сцепливаю наши пальцы в замок и увожу на задний двор.

Эйвери

Я прохожу мимо многочисленных лиц подростков, совершенно мне не знакомых. Я видела, как заходила сюда Лиз и поэтому мы с Шанталь поехали за ней. В третий раз оглядывая гостиную, полную усыпанную всякими фантиками и воздушными шарами, висящие на потолке, я не могла понять, где моя сестра. Что вообще с ней происходит?

Я бреду дальше, краем глаза замечая среднего роста парня с дредами в клетчатой рубашке. Он мило улыбается мне, подмигивая, но я увожу взгляд. Шанти посылает мне смс, говорящей, что Лиз нигде нет.

Пока я печатаю ей ответ, не замечаю, как врезаюсь лбом в стальную грудь какого-то парня. По запаху сразу можно определить пьяный этот человек или нет. Я втягиваю носом пропитанный здесь воздух, но не чувствую запаха алкоголя. По крайней мере, рядом с этим парнем.

— Привет, красавица, — говорит парень, склоняя голову.

Я неуверенно поднимаю взгляд и понимаю, что это парень с дредами, который только что улыбался мне. Я улыбаюсь в ответ, убирая телефон в свою сумочку и перекидываю её через плечо. Отголосок подсознания предупреждает остерегаться его, но почему-то не могу его послушаться.

Парень касается моего плеча и потирает кожу. Его прикосновение мягкое, почти невинное.

С колонок доносится мужской голос, ласкающий уши. Парень с дредами смотрит в ту сторону, откуда доходит речь. Я хмурюсь, не совсем понимая, что тот парень твердит.

— О чем он говорит?

Дред возле меня мягко смеётся, потирая в задумчивости подбородок.

— Фарел предлагает игру, в которой гости будут выбирать любого человека по вкусу и задавать ему три вопроса.

— И в чем смысл этой игры? — переспрашиваю, успокаивая саму себя.

Это было похоже на шабаш, но вместо огня и мертвечины здесь использовали настоящих людей. Я бегло кошусь на парня с длинными косичками напротив себя, тот начинает разминать шею.

— Это вроде игры в бутылочку, но с одним условием. Когда человек выбирает другого, чтобы задать вопросы, у человека, которого выбрали, нету шанса, чтобы отказаться.

Я сглатываю, когда он играет бровями и неожиданно берет меня за руку. Прикосновение ничего не значущие, но такое особенное. Я нервно хихикаю, когда он уводит меня из дома.

— Идём, я кое-что тебе покажу, — просит он, уверяя, что ничего страшного не произойдёт. Я ведь всего на минуту. И он не кажется опасным, подумала я.

Когда мы достигаем высоких пышных деревьев, оставляя вдалеке дом, где проходила

вечеринка, он улыбается мне, пряча руки в куртку. Только сейчас замечаю, что на нем кожаная чёрная куртка, а на спине название, возможно, какое-то музыкальной рок-группы.

— Зачем мы сюда пришли? — спрашиваю осторожно. Дред кусает пухлую губу и косится в сторону.

— Я думал, что сыграем в свою игру. Хочешь что-нибудь узнать обо мне? — спрашивает он, подходя ближе.

Я склоняю голову, обдумывая его слова. Может быть, если он находился в том доме, то знает, где моя сестра? Я сжимаю руки в кулаки, глубоко вдыхая и медленно выдыхая.

— Ты знаешь, где Лиз? — напрямик задаю вопрос, выглядя полной идиоткой.

Ну, вот откуда он может знать мою сестру? Он выглядел настоящим байкером. Пробивающая щетина на подбородке, длинные дреды, завязанные в высокий пучок, хоть и только намекали на его плохую сторону, но я догадывалась.

Я смотрю на парня, когда между его бровей пролегает обеспокоенная морщинка. Он неспеша открывает рот, показывая верхние белоснежные зубы.

— Ты о Кори? — тихо переспрашивает Дред. Я киваю, потому что Корин — второе имя Лиз. Становится не по себе. Я начинаю дрожать. Пальцы сгибаются в кулаках, ногти впиваются в кожу.

— Где она? — Я сглатываю. Дред ничего не отвечает, лишь осекается по сторонам, будто здесь не так уж безопасно.

Его правая рука парня сжимается так сильно, что белеют костяшки пальцев. Он один раз ударяет ствол дерева позади меня, мне приходится закрыть глаза. Слышу тихие шаги и мёртвый голос поверх головы.

— Если ты её сестра, передай ей, чтобы не совала свой нос куда не надо. Последствия могут быть очень губительными.

Я открываю глаза и никого возле себя из людей не замечаю. Парень исчез. Я быстро печатаю смс Шанти, говорящий о том, чтобы она заводила машину.

Шанти: Я думала, что мы поедem домой. Возможно, Лиззи уже спит, Ти.

Эйвери: Нам нужно проверить все закаулки. Я не знаю, что с ней, но, кажется, Лиззи что-то упорно скрывает. Нам нужно выяснить, что именно.

Шанти: Ладно, хорошо. Но сейчас я не собираюсь разезжать в темноте. Это глупо. Поехали домой.

Я вздыхаю.

Эйвери: Езжай без меня. Я побуду ещё тут. Все будет хорошо.

Шанти: Ты уверена? Ты же там никого не знаешь, Эйви.

Я улыбаюсь, вспоминая, как видела Картера.

Эйвери: Все будет хорошо. Я не буду одна.

Шанти долгое время не отвечает, видимо, обдумывая мои слова. Наконец, когда я захожу в дом, бесцельно шагая вперёд, телефон освещает моё лицо.

Шанти: Хорошо. Будь осторожна.

Когда кладу телефон обратно в сумочку, хмурюсь, потому что замок заело. Затем чувствую, как я отскакиваю назад. Смотрю вперёд и вижу небольшого роста девушку с короткими отстриженными волосами. Она извиняется, мило улыбаясь.

Я молча перевожу глаза на её ковалера этого вечера и не могу подобрать слов.

— О, — вылетает из губ, когда я часто хлопаю глазами на Картера Чейза.

Конечно я его видела тут, но не думала, что это был он на самом деле. Он был одет в

простую рубашку на пуговицах и в чёрные заутюженные штаны с кожаным ремнем. Он нервно чешет горло, как будто там зуд, пальцами касаясь ворота своей рубашки, и молча глотает ртом воздух.

— Я удивлён увидеть тебя здесь в таком виде, — выпаливает он.

Я усмехаюсь. На мне было короткое до колен черное платье и миниатюрная сумочка с цепью, служащая как подвеска. Ничего открытого, лишь ради прикрытия, чтобы найти Лиз.

Боже, только он такое мог сказать, даже не подумав. Интересно, как давно у него девушка?

Я перевожу взгляд на девушку возле него. Она кажется из его лиги: тонкая талия, длинные ноги, вьющиеся медовые волосы. Блестящие губы искрились каждый раз так ярко, что можно было ослепнуть. Она хлопает глазами, явно нервничая. Я предоставляю какую-то угрозу? Для неё?

Переминаюсь с ноги на ногу, сжимая кулаки за своей спиной.

— А я удивлена увидеть тебя с девушкой, — говорю на удивление спокойно. Выдавливаю улыбку, хотя чувствую, как к горлу подступает ком.

Мне с самого начала не хотелось идти сюда. Но, благодаря безшабашной Лиз, которая не доверяет сказать людям хотя бы своё местоположение, я тут. Стою и смотрю на своего лучшего друга и его девушку, как заваренная. Чувствуя себя полной дурой. Такое даже в романах не напишешь.

Глупо верить, что спустя какое-то время, он вернётся вновь и попросит прощение. Может быть, в фильмах со счастливым концом, когда сценарий написан и концовка известна, такой бы случай прокатил. Но не здесь.

Я втягиваю воздух в лёгкие, мечтая напиться. Мне хотелось промотать этот день до конца и знать, чем все закончилось. Я закрываю глаза, но когда открываю, ничего не меняется. Уголки губ тянутся вверх. Я вздыхаю, расправляя кулаки.

— Ладно, отлично вам, ребята, повеселиться, — говорю, как только мой голос грозит сломаться. И только хочу уйти, фибрами души чувствую, как рука Картера крепко хватается меня за пальцы и тянет к себе. Я застываю.

— Ты здесь одна? — тихо спрашивает он и от этого мне хочется рассмеяться ему в лицо. Я поднимаю на него глаза, но его лицо серьезнее, чем было когда-то раньше. — Ты в порядке?

Я хмурюсь, теряясь в ответах. Их так много, но кажется, что список неподходящий. В порядке ли я?

Ещё раз осматривая его с ног до головы, мне хочется расплакаться у него в руках. Рассказать все. Про маму, папу, про то, что я не смогла удержать семью в целости.

Что теперь каждый из нас сам по себе, что я боюсь прийти однажды домой и словить себя на мысли, что ничего родного нас не связывает. Но вместо этого я просто усмехаюсь и смотрю в потолок.

— И это ты спрашиваешь у меня? — Я смеюсь, затем снова останавливаю на нем свой взгляд.

В приглушенном освещении его серая радужка выделяется ярче и кажется, что внутри его глаз поселилась метель. В секунду вижу сбежавшего от меня Дреда и в голове пробегает ошеломительная мысль. Я часто моргаю.

— Вообще-то я здесь не одна... — Я немного медлю, облизывая губы. — У меня тоже есть пара, с которой я сюда пришла.

Наконец, мне удаётся достигнуть ожидаемого результата, хоть мне приходится тяжело. В душе остаётся осадок. Он отпускает мою руку и хмурится, не веря тому, что я только что сказала. Он вздыхает мне прямо в лицо, я закрываю веки, когда чувствую горный аромат его дыхания.

— Ладно, но, если что, я всегда рад помочь, Ви.

Я открываю веки, киваю головой и быстро ретируюсь к выходу. Кажется, намечалась игра? Что ж, сделаем это.

Когда все усаживаются вокруг костра, в проеме двери появляется высокий парень с бородкой на подбородке. Он каждого обводит ехидным взглядом, от которого становится не по себе.

Через секунду появляется Дред, задевая плечом парня с бородкой. Он извиняется и сразу находит меня. Я смущенно опускаю взгляд на колени, но не могу ничего сказать.

Дред садится сбоку от меня на деревянный раскладной стул белого цвета, слегка касаясь моего колена. От его руки по моей ноге проходит табун мурашек, но становится ещё хуже.

Взглядом ищу Картера и замечаю, как он прожигает дыру, в упор смотря на меня. Почему-то от его взгляда я становлюсь увереннее. Дред на секунду сплетает наши пальцы и так мы сидим на протяжении всей игры.

Я думала, что появится настоящая бутылка, но ее в этой игре не оказалось. Наоборот. Человек, на которого указывал Фарел — так мне позже сказал Дред — должен был выбрать человека, которого сам желал допросить. Я надеялась, что Фарел выбирет меня, а я в свою очередь выберу Дреда, после чего я смогла бы больше узнать о Лиз. Но он меня не выбирал.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я одними губами, незаметно смотря на своего соседа. Дред хмуро посмотрел на меня, сильно сжимая мои пальцы.

— И это твой вопрос? — усмехается он и качает головой. — Я думал, ты умнее.

Я проглатываю ком в горле, начиная раздражаться. В ответ я делаю тоже самое, что и он с моими пальцами. Я сильно сжимаю их. Дред шипит и сжимает губы.

— Я про Кори, идиот. Зачем ты впутываешь её в это?

Дред сужает глаза, мне становится жутковато. Должна ли я как-то защититься? Не думаю, что он мог бы ударить девушку на глазах у всех остальных.

Тело Дреда напрягается, он наваливается на левую ручку стула, смотря на пламя напротив нас.

— Ты не понимаешь, о чем толкуешь. Кори знает, что делает просто она слишком доверчива, чтобы заводить с кем-либо настоящую дружбу.

С этим я могла согласиться. Она была доверчива, как одуванчик, который можно было легко сорвать. Редкий экземпляр для жестоких людей. Я вздыхаю от безнадёжности. У меня на самом деле не было никаких вариантов. Я не знала, что хотела.

Дред усмехается, видимо, дико радуясь своей победе. Я вижу, как в его взгляде затоились чертята. Просто бессмыслица.

— Ты знаешь, где Лиз?

Лицо Дреда кривится от того, как мой голос звучит. Я намерена идти до конца. Он заводит руку за волосы, затем усмехается и очень близко склоняется ко мне.

— Пташка гуляет, где хочет, — говоря это, глаз парня искажает мука.

Я чувствую, что его рука касается моей. Он просит смотреть ему в глаза, когда передаёт клачок бумаги. Также медленно он отстраняется от меня и поднимает голову со скупающим

видом, когда его кто-то окликает по имени.

Я по-прежнему сжимаю несчастную бумажку в руке. Смотрю на Дреда, направлявшегося куда-то ко входу в дом. Я моргаю, не понимая, куда он уходит. В глазах начинает все кружиться.

— Эйвери? — Слышу собственное имя.

Вздрагивая, смотрю по сторонам. Когда замечаю, что это Дред меня зовёт, подзывая пальцем, нервное сердцебиение выравнивается. На дрожащих ногах подхожу к нему и мы оба заходим в какую-то коморку под лестницей. Фарел облизывает свои губы, машет связкой ключей сбоку от себя.

— У вас 10 минут, — говорит он, закрывая дверь.

Мы переглядываемся в полной темноте. Я кусаю губы, еле сдерживая себя. Слышу шорохи и через секунду маленькую комнату, где мы находились, освещает свет. Комнату окрашивает в жёлтый. Я осматриваюсь по сторонам, ничего не находя нормального, кроме кучи старых потрепанных подушек, разукрашенных кукол, забитых до смерти, и плюшевых игрушек.

— Так-то лучше, — шепотом говорит Дред. Он улыбается, подходит ближе, оттряхивая руки.

Я сглатываю, ожидая, что он скажет. Стоит ли мне его ударить? Но он не кажется зверем. Верно? Я показываю ему клочок оторванной бумаги и он усмехается.

— Да, это тебе поможет. — Он поднимает палец, предупреждая. — Но не показывай его никому. Я и так в полном дерьме, что показался здесь. Кори не виновата, что связалась с плохим делом. Передай ей, чтобы просто берегла себя. И Дэм скоро придёт за ней.

Я ахаю.

— Кто такой Дэм? — Я бегаю расстерянным взглядом по его лицу. Стоит ли мне волноваться? Опасен ли он для Лиз? Но я просто киваю. Дред кивает в ответ и опирается плечом на дверь.

— Что ты делаешь? — спрашиваю его, пряча бумажку в сумочку. Дред пыхтит, сжимая губы. Затем ещё один толчок и дверь распахивается. Чертов Фарел серьёзно закрыл нас?

— Спасая тебя, — говорит он. Дред измученно смотрит на меня, после мотает в левую сторону и указывает за спину. — Теперь уходи отсюда и не обррачивайся.

Я благодарно целую его в щеку, но он отпихивает меня от себя и подгоняет, чтобы я поторапливалась.

— Что ты будешь делать потом? Как тебя хотя бы зовут?

Дред хмурится, молчит. Я не знаю, что будет, когда я уйду. Что будет с ним, когда я уже буду дома? Он заводит руку, показывая кусочек пистолета у себя на поясе. Больше мне ничего не нужно объяснять.

Я прохожу дальше по коридору и незаметно ускользаю в чашу деревьев. Не оборачиваясь. Крепко держа сумочку ближе к груди, снимаю каблуки и бегу по мокрому асфальту, вдыхая ночной воздух.

Мне нужно было вернуться домой. Пора поговорить с Лиз по-взрослому. Уходя с головой в свои мысли, я не слышу гудение машины. В последний раз обернувшись, встречаюсь с яркими вспышками фар. Машина скользит по асфальту, сбивая меня с ног.

— Ви, с тобой все будет хорошо. Все будет хорошо, — слышу знакомый голос. Когда открываю отежелевшие веки, перед глазами встаёт лицо Робби. Моя подруга обеспокоенно

изучает мое лицо, но я не могу найти слов.

— Робби? — Мой голос еле слышен. Над нашими головами пробегает яркая молния и слышится гром. Робби кивает, помогает мне подняться и усадить в свою машину.

Она пристегивает меня, затем садится за руль и заводит машину, но я останавливаю, касаясь рукой её запястья. Она дрожит и смотрит на меня. Платиновые волосы каскадом лежат у неё за спиной. Узкое пастельного цвета платье красиво сидит на её теле. С того момента, когда мы последний раз виделись, у неё был розовый цвет волос. Сейчас стало все по другому.

— Откуда ты здесь? — спрашиваю её.

Я думала, она осталась со своей бабушкой. От удара голова немного болела. Я поморщилась, чувствуя, как что-то тёплое течёт по лбу. Я касаюсь пальцами повреждённое место и снова смотрю на пальцы.

Они в крови. В моей крови. Робби отводит мою руку мне на колени, заводит снова машину и нажимает на педаль.

— Я отвезу тебя к себе домой и обработаю рану. — Она смотрит на ящик внизу приборной панели и кивает. — Возьми пока салфетки в ящике и прижми рану.

Дорога была тихой. Меня клонило в сон, но я противилась закрывать веки. У Робби свой дом? Как давно она здесь, что приобрела в Нотервилле поместье?

Но только хочу задать вопрос, Робби останавливает машину и помогает мне выбраться. Когда заходим вместе в светлое помещение, она уводит меня в просторную гостиную и усаживает на табурет.

Спустя пять минут молчаливых хлопот над моей раной, Робби аккуратно приклеивает пластырь мне на лоб и отходит.

— Готово. Прости пожалуйста за это

Я просто не заметила тебя. — Робби обнимает меня. Я была удивлена видеть её здесь.

— Ничего, я сама виновата. Была слишком далеко от реальности и совсем не заметила сигналов, — улыбаюсь я. Робби сдержанно потирает мне руки и садится напротив меня.

Я склоняю голову вбок. Она слишком долго молчит и меня это настораживает.

— Что-то случилось? Ты какая-то грустная, — замечаю я.

Робби вяло усмехается, расчёвая пальцами длинные прямые волосы. Она смотрит в стену позади меня, затем переводит глаза на небольшой журнальный столик.

— Все в порядке. Просто не знаю, как тебе сказать... — она замолкает и тяжело вздыхает.

Мне не очень нравится, как она выглядит. Думаю, ей не хорошо. Я пытаюсь ей сказать, чтобы она прилегла, но подруга мотает головой. Я усмехаюсь.

— Ты слишком бледная, Роб. Даже для меня.

Робби качает головой, заставляя меня сесть обратно. Моё сердце бешено стучит в груди, когда она берет меня за руку и прижимает к себе. Я испуганно смотрю на неё и выражение лица подруги меня до чертиков пугает.

— Я давно держу это в тайне... Мне нужно было время, чтобы правильно сказать об этом... — Роб начинает заикаться. Я сдерживаю слёзы, но в отличие от меня на лице Роб градом катились крупные слёзы, которые она все время вытирала.

— О чем рассказать? — дрожащим голосом спрашиваю её. Она сглатывает и смотрит прямо на меня.

— Сказать, что я скоро выйду замуж за твоего отца.

Эйвери

— О чем рассказать? — дрожащим голосом спрашиваю её. Она сглатывает и смотрит прямо на меня.

— Сообщить, что я скоро выйду замуж за твоего отца.

Я резко вырываю свои руки из её захвата и поднимаюсь с табурета, в неверие качая головой. Робби осторожно подходит ко мне, но я не позволяю, пятясь назад. Неужели, это то, о чем я думаю... Любовница отца и есть Робби? Моя подруга разбила семью. Дала трещину нашей дружбе.

— Нет, — шепчу я.

Робби кивает, подтверждая мои опасения. Я останавливаюсь, сдерживая слёзы. Боль в затылке начинает пульсировать. Я шмыгаю носом.

— Скажи, что это неправда, Роб, — молю её. Но она молчит, пожимая плечами.

— Извини, но я не могу запретить сердцу любить. Мы по-прежнему будем лучшими подругами, Эйв.

Я жалостно смеюсь, закидывая голову назад. По щекам уже бегут слёзы. Я качаю головой.

— По-прежнему уже ничего не будет. — Я смотрю через плечо. Металлическая цепочка от сумочки впивается мне в кожу.

Я хочу чувствовать себя хорошо. Я пытаюсь. Но это слишком трудно. Должна ли я быть частлива за подругу, что она нашла своё счастье? Да, но если это счастье — не мой отец.

Даже думать об этом противно. К горлу подступает желчь. Робби перегрождает дорогу и виновато смотрит на меня.

— Останься. Хотя бы на ночь. В темноте опасно, подруга, знаешь? — усмехается она, хотя глаза грустные.

Я вздыхаю, закрывая глаза. Боль не уходит. Грудь сдавливает. Одной идти не безопасно. Тем более, как я смогла бы найти дорогу домой в такой темноте? Не было шансов выйти наружу. Я открываю веки, молча бесстрастно киваю.

— Хорошо, Мисс Клаус... — Я сощуриваю глаза. — Или лучше Миссис Джонсон?

Робби закатывает глаза, обхватывает меня за плечи, уводя из гостиной.

Комната, которую она выделила мне на ночь, выглядела привлекательно. Слишком детская для моего возраста, но вполне чистая. Это хорошо.

Сажусь на мягкую кровать возле окна и глажу шёлковое одеяло под собой.

— Здесь ты ничего не услышишь. Вид открывается на бескрайней океан, в пару метре есть пляж.

Я ещё раз киваю и безжизненно смотрю на неё. На девушку, которая разбила сердце моей матери. На подругу, которая знает меня, как свои пять пальцев. Я все ещё не верю в это, но когда я смотрю на Робби, страх только увеличивается. Я не знаю, как это остановить.

Я кладу голову на подушку. Внутри чувствуется запах страусиных перьев. Робби обожала страусов. Также она любила вести дневник об этих птицах будучи подростком. Они бы сдружились с Лиз. Боже, Лиз...

Смотрю в окно и не могу понять, как себя вести. Плакать? Радоваться или молчать от боли? Слышу в темноте шепот подруги. Она садится напротив, но не касается меня.

— Извини, что тебе пришлось узнать об этом таким способом. Прости меня. Я ужасная подруга.

Я не смотрю на неё. Однако не могу сказать "нет". Я просто молчу, чувствуя, как дыра в груди становится больше. Яжимаю одним плечом.

— Не думай об этом. Я просто переночую тут, а завтра ты меня уже не увидишь.

Робби опускает голову и просто уходит, закрывая за собой дверь. Она не пытается сказать, что этого не будет. Она не станет выходить замуж за моего отца, потому что наша с ней дружба для неё важнее.

Я закрываю глаза в надежде на то, что завтра всего этого не станет. Завтра я поговорю с Лиз. Она скажет мне правду.

Глубоко находясь во сне, я все ещё слышу какие-то голоса за стенкой. Открываю веки и тихо иду на шум. Мне приходится спрятаться, чтобы не заметили ночные гости.

Краем глаза могу видеть отца и Робби, скромно сидевшую у него на коленях. Лицо отца такое мягкое, тёплое и извергающее любовь и заботу, что от этого тошнит.

Не помню, чтобы он так вел себя с мамой. Обычно я заставляла их в ссорах или орущими друг на друга.

Цепляясь ногтями за выступ стенки, делаю шаг вперёд. Отец сидит на диване в строгом чёрном костюме, галстук развязан и сейчас свободно болтается на шее.

Робби медленно целует его щёки, двигается к губам, затем останавливается и говорит:

— Кажется, это была ошибка...

Я наблюдаю, как мой отец окальцовывает подбородок Робби и его брови хмурятся.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что это была ошибка?

В его голосе слышится такая паника, что я удивлена. Робби обнимает его, одной рукой накрывая свой живот. Я хмурюсь в замешательстве. Отец целует её висок.

— Все будет идеально, Би. Я позабочусь о вас двоих. — Большая рука отца накрывает её ладонь на животе. Я тяжело сглатываю, отхожу от них и возвращаюсь обратно в кровать.

Такое ощущение, будто меня грубо выставили на улицу. Выкинули, не оставляя выбора. Я прижимаю руку к губам, чтобы никто меня не слышал.

Думаю, пора уходить. Через какое-то время, когда я уже не слышу Робби и отца, тихо встаю с кровати, открываю настежь окно и вылезаю наружу.

Держа в одной руке каблуки, а в другой сумочку, лавирую между побережья, пока не выхожу на пустые аллеи, где обычно днём мама занимается пробежкой.

Я всхлипываю, больше не в силах сдерживать себя. Слезы текут без остановки. Как он мог так поступить с мамой? С моими сестрами? Со мной?

Робби...

Мне не хотелось её знать. Я жалела. Жалела, что не могла понять этого раньше. Робби Клаус интересовали парни постарше с самого первого знакомства.

Каждый раз она твердила только о них. Секретах и о не совсем пристойных желаниях. Я была просто душой, веря во все эти легенды.

— Эйвери, погоди... — Слышу мужской, но сломленный голос позади себя.

Я подпрыгиваю на месте, резко оборачиваясь. Удивленно хлопаю ресницами, замечая Картера.

Его рубашка растегнута на несколько пуговиц. Язычок кожаного ремня свисает. Ещё бы чуть-чуть и точно бы ударила его.

— Господи..., Картер, ты напугал меня, — отзываюсь, часто дыша.

Картер зачесывает непослушные волосы назад, но несколько прядей все равно спадают на лицо. Чейз извиняется, подходя ближе. Он знает, что я слишком опасна в данный момент. Выдыхаю.

— Почему ты одна в такое время? — спрашивает он, щурясь.

Мотаю головой, слёзы готовы в любую секунду вырваться.

Картер делает ещё шаг. Наконец, когда его рука касается моего плеча, моя стена самоуверенности рушится. Парень тут же притягивает меня ближе к своей груди. Он не понимает, что происходит. Поверь, Картер, я тоже.

— Что случилось? — спрашивает он, его голос повышается, руки сжимаются в кулаки на моей спине. Я шмыгаю носом.

Я не могу от него ничего скрывать. Его запах, идущий от тела, опьяняет. Я утыкаюсь лбом в его грудь, руки свисают вдоль тела. Будто сейчас из меня выкочили весь воздух и силы.

— Я больше не в силах бороться. Я слишком много знаю, и это убивает. — Я открываю глаза, смотря на его мокрые ботинки. Ветер пробегает по моей спине. Картер ослабевает хватку и делает шаг назад.

Я смотрю на него в ожидании. Лицо Картера искажает боль, когда встречается со мной взглядом. Он молчит, нервно кусая губы. Хмурится и морщинка на лбу пролегает настолько глубоко, что кажется его лицо расколется на две части.

— Что ты знаешь?

Я вздыхаю, чувствуя тошноту. Если я скажу об этом, меня точно стошнит. Но я совершаю одну попытку, делая глубокий вдох.

— Я узнала, что моя подруга скоро женится... — Я закрываю глаза, тело начинает потряхивать. — На моём отце.

Картер мычит, но я его уже не слышу. Пошатываясь, сдерживаю рвотный порыв. Вместо этого по щекам катятся слезы. Я отвожу взгляд на морские волны позади Картера.

Картер берет меня за руку, большим пальцем вытирая слезу, катящуюся по моей щеке. Его кожа тёплая, приятная. Сердцебиение замедляется, по спине пробегают мурашки.

— Мне очень жаль... — Картер склоняет голову, дотягивается рукой до моего лба и изумлено открывает рот. — Откуда это, Эйви?

Парень подходит ближе, осторожно поглаживая пластырь. Я морщусь, но это приятная боль. Качаю головой. У меня нет желания об этом вспоминать. Я отхожу назад.

— Я не хочу об этом говорить.

— Ладно, — отступает Картер.

Я смотрю на него, молча наблюдая за сменой выражения на его лице. От лютой злости до полной неуверенности.

Вспоминаю момент, когда столкнулась с его девушкой на вечеринке, словно в замедленной съёмке. И задаюсь вопросом: "почему он сейчас не с ней"?

Картер лениво улыбается.

— Что ты так на меня смотришь?

Я качаю головой, уголки губ тянутся вверх.

— Размышляю о твоей подруге. Интересно, как давно вы вместе?

Моё сердце екает, когда из него вылетает шипение. Его грудь опадает с каждым вздохом. Нужно ли мне напоминать о своём "парне"?

Чейз ухмыляется, но быстро приходит в чувства. Он медленно расстёгивает ещё одну пуговицу на своей рубашке, как будто ему слишком жарко. Я глотаю ртом воздух.

— А почему ты не со своим парнем? Я видел, какой он, Ви. Кажется, он тебе не пара.

Я ухмыляюсь. Видимо, он знает, что говорит. Либо я некудышная конспираторша и он в два счёта раскусил меня. Но я не могу раскрывать ему все подробности.

— А кто мне пара по твоему? — Иду на попятую, уходя назад.

Картер шуточно сощуривает глаза, анализируя меня с ног до головы, отчего становится не по себе. Мне жарко от его взгляда. Мне недостаточно одного его взгляда, но я сдерживаю себя.

Он подходит ближе, разрывая тот несчастный миллиметр, который граничил между нами. Теперь его грудь практически касается моей.

Я вздыхаю, но не отступаю. Его пальцы играют с моими волнистыми распущенными волосами, очерчивают контур губ и подбородок, но все быстро заканчивается, когда он отстраняется от меня.

— Тебе нужен тот, с кем ты будешь чувствовать себя в безопасности. Поверь, этот парень станет счастливым.

Я открываю рот. Не знала, что он скажет такое. Что вообще он испытывает ко мне? Склоняю голову и хмурюсь, приходя в полное опустошение. Я хочу, чтобы он стал моей безопасностью, но я не из его лиги. Я не подхожу ему. Для него я лишь друг.

— Да, я тоже бы не отказалась от такого... Чувствовать себя в безопасности и спокойно засыпать, зная, что рядом твой человек.

Картер кивает, его глаза загораются. Он молчит, будто сдерживает себя специально. Он прячет руки в карманы джинс и улыбается мне, показывая глубокие ямочки на щеках.

— Уверен, он где-то рядом, Маленькая Ти.

Я киваю в ответ, сдержанно смеясь, потому что есть доля сомнения, что буду плакать навзрыд перед ним, если не буду сдерживаться. Я не хочу быть для него обузой.

Картер долгое время смотрит на меня, затем предлагает проводить до дома. Но как только мы доходим до моего крыльца, желание остаться на улице увеличивается. Я резко останавливаюсь, неглядя хватая Картера за запястье.

— Ты чего? — ошарашенно спрашивает он. Я чувствую, как дрожу. Увидеть сейчас семью, особенно маму, было страшно. Я просто качаю головой и закрываю глаза.

— Ничего, — сглатываю, — все хорошо.

Картер хмурится, доводит меня до крыльца и замирает. Я знаю, что сейчас он уйдёт, а я останусь здесь и придётся рассказать маме все самой.

Смотрю на своё окно, размышляя, как было бы здорово, если бы Картер остался. Это напомнило о былых временах.

Вместо этого, я ещё раз обнимаю его, он выдыхает поверх головы, поглаживая по волосам и целуя в лоб.

— Ты можешь мне обо всем рассказать, помнишь? — с ухмылкой спрашивает он. Я киваю и говорю "спасибо".

Когда я достигаю своей комнаты и падаю на кровать и плачу, не сдерживая слез. Утыкаюсь лицом в подушку, чтобы никто не смог услышать. Неужели все девочки такие злые? Почему именно Робби и почему именно мой отец?

Судя по тому, как я наблюдала за хрупкими объятьями отца и мимолетного жеста Робби, когда она бережно гладила свой живот, меня обдавало жаром. Или все-таки Робби

беременна от него? Неужели все это правда?

Острый стук по окну разбудил меня, заставляя напрячься. Я вздрогнула, медленно поднимая голову на окно.

Оно скользнуло вверх, холодный воздух тут же проник в комнату.

Я съежилась, но заметив знакомые ботинки, ступающие на подушки возле окна, немного расслабилась. И снова мышцы напряглись при мысли, что это может быть вор. Что делать?

К счастью, когда парень в белой рубашке обернулся ко мне лицом, я просто моргала, не веря глазам.

Картер осторожно дошёл до моей кровати и, заметив мои следы от слез, его глаза расширились. Я сдвинулась в сторону, когда он откинул край одеяла и, скинув ботинки, лег рядом со мной. Доходя до части, когда нужно было засыпать, он вопросительно посмотрел на меня, я только кивнула.

Он обнял одной рукой, позволяя примоститься на его широкой груди. Кажется, мы оба затаили дыхание, когда моя рука остановилась на его прессе, а пальцы парня притянули меня ещё ближе к своему телу.

Картер молча игрался с моими волосами, пока по моему лицу продолжали бежать непрошенные слёзы. Он не останавливал их. Он просто лежал рядом, позволяя мне распадаться на мелкие кусочки в его руках.

— Зачем ты сюда пришёл? — шмыгая носом, спрашиваю риторически. Картер вздохнул и его грудь поднялась вместе с моей головой.

— Я всегда так делал, когда мы были маленькими, если помнишь. Я готов тебя выслушать в любой момент. — Он целует меня в макушку, потирая плечи.

Стоит ли мне ему верить? Да. Кажется, он единственный, кто понимал меня. Я счастлива рядом с ним.

— Спасибо тебе. Я люблю тебя.

Он прижимает меня к себе сильнее и расслабленно выдыхает.

— Я тебя больше, малышка.

Когда он заканчивает, меня прорывает и я плачу. Картер спрашивает, в чем дело и тогда я рассказываю все, что накопилось за несколько дней. Все страхи за семью, за маму и за то, каким ублюдком оказался мой отец. Но от того, что я говорю это вслух, становится ещё хуже.

Сердце в груди чувствуется тяжелее камня. Картер успокаивает меня, тихо нашептывая что-то в ухо.

Я позволяю дыханию участиться. Руки дрожат, поэтому Картер просто берёт их в свои ладони и прижимает ближе к тому месту, где умеренно бьётся его сердце.

Мои веки тяжелеют, но я все ещё противлюсь закрывать их.

— Картер, что если это правда? Неужели у меня будет ещё одна сестренка? — шепчу ему вполголоса.

— Или братик, — усмехается парень. — Я стучу его по груди, хотя удар слабый.

— Извини. Но так или иначе сердцу не прикажешь. Твой отец осел, что так поступает. Если бы была моя воля, я бы приукрасил ему лицо.

Я зеваю, слабо улыбаясь.

— Неужели?

— Да. Я бы не дал никому навредить тебе, — говорит он просто.

Я киваю напротив его груди, он гладит меня по волосам. Засыпаю, хотя все ещё слышу его голос и тихий шепот.

— Ви? Кто для тебя был тот парень с вечеринке? — Неожиданный вопрос застаёт меня врасплох. Слышу все отголосками, наполовину проваливаясь в темноту. Я вздыхаю, но молчу.

— А кто для тебя та девушка с вечеринки? — вопросом на вопрос отвечаю я. Картер сжимает крепче мою руку возле своего сердца.

Я закрываю веки, довольная собой, потому что это заставляет парня замолчать.

Мы оба упрямы, знаем, что хотим. Но также мы оба знаем, что никто из нас не уступит друг другу дорогу. Кто-то в конце концов из нас сдастся первым. И уж точно это буду не я.

Эйвери

Проснувшись, я не нахожу Картера возле себя. Его сторона постели холодная, будто парень вовсе не проникал ночью ко мне в комнату.

Потягиваюсь и бреду в ванную, закидывая платье и белье в корзинку.

Под теплыми струями воды, позволяю мыслям блуждать в собственном течении. Я думаю о том, как правильно рассказать маме об отце. Как точно подойти к Лиз и не быть отвергнутой. Стоит ли рассказать, в первую очередь, обо всем Шанти?

Сменив пижаму на короткие шорты и майку с тонкими бретельками, выхожу из комнаты. Сегодня я намереваюсь остаться дома.

Заворачивая на кухню, украдкой замечаю сторбившейся силуэт сестры. Я делаю две чашки черного чая и выхожу на крыльцо. Оттуда выходил прекрасный вид на пышный сад.

Поле было усыпано красными маками, вдалеке от дома мама специально повесила на ветку кресло, сплетенное настоящими ивовыми прутьями в форме яйца.

— Мама часто сидела там, когда была беременна мной, и читала книги. Она думала, читая вслух, я могла слышать все, что она говорит, — произносит Лиз с ноткой горечи в голосе. Я мягко улыбаюсь ей и отдаю одну чашку ей.

— Правда? Мне мама об этом ничего не рассказывала.

Лиз принимает чашку, но не делает глоток. Она вздыхает, кивая головой.

— Это было её место... — Она глубоко дышит. — Стало её место после того, как приехала сюда к бабушке.

Я начинаю подходить к ней ближе, также усаживаясь на перила. Но это только расплескивает половину чая на сочную зеленую траву под нами, отчего Лиз смеётся, поэтому я просто опираюсь бедром.

— Ты такая неуклюжая, — говорит Лиз, давясь смехом. Я парирую её взглядом, но тут же смягчаюсь, когда заглядываю ей в глаза.

— Просто я слишком грациозная.

Я веляю бедрами, подтверждая свои слова. Лиззи кивает, делая серьёзное лицо, но проваливается в этом деле. Она указывает на мои ноги.

— Нет, просто у тебя слишком широкие бедра, дорогая.

Она улыбается и мне хочется остановить время, потому что видеть улыбку Лиз — редкость. Я киваю, принимая это за комплимент.

Сердцем опасаясь, что когда-то стоит поговорить о её делах и замкнутости, я сглатываю, отпивая чай. Лиззи продолжает смотреть в поле. Она кажется такой умиротворенной. Такой мирной.

— Вообще-то, хотела поговорить о тебе, — начинаю я. Лиззи поспешно смотрит на свои наручные часы на запястье и снова возвращается ко мне, подмигивая.

— Ну, давай. У меня есть пару минут.

Я закатываю глаза, но это нужно сделать. Поэтому отставляю стакан от губ, прижимаясь ладонями.

Мне трудно это говорить. Я боялась ей сделать больно или как-то навредить. Но все, что я знала сравнивалось к нулю.

— Я хотела узнать, кто такой Дэм? Это как-то связано с наркотиками или другими

запрещенными вещами? — спрашиваю прямо.

Лицо Лиз мрачнеет на глазах. Она поворачивается ко мне и сплывает. Я чувствую, как её сердце превращается в большой комок. Но я должна знать правду. Беру её за руку, на которую она молча смотрит.

— Откуда ты узнала? — стальным голосом, подобие матери, настоящей Миссис Джонсон, спрашивает она. Я приближаясь к ней, пытаюсь как-то обезопасить.

— Парень один рассказал. Он просил передать, чтобы ты не лезла в чужие дела и была осторожной. Что скоро придёт Дэм... за тобой. — Я осекаюсь, изучая её лицо.

Она явно этому не рада. Краснота с щёк спала, как только я произнесла это проклятое слово на букву Д.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не наркоманка? Милая, я не дам тебя в обиду, — молю её. Лиззи делает два глубоких вдоха. Слезает с перил и, как ни странно, широко улыбается мне от уха до уха.

— Я не наркоманка. Не принимаю алкоголь и прочие вредные вещества. Боже, Эйвери, я вегетарианка! — Она смотрит на кружку и снова на меня, разачарованно вздыхая. — И я люблю зелёный чай, и мне пора идти.

Она убегает так быстро, что я не успеваю ничего сказать. Через несколько минут в дом заходит Ава и машет мне рукой. Я хочу улыбнуться, сказать, что все в порядке. Но это будет ложь. Я киваю ей, и мы устраиваемся на складном диванчике в гостиной.

Волосы Авы были собраны в косичку, голубые глаза сияли. Она подгибает под себя ноги.

— Что случилось с Лиззи? Она так быстро убежала.

Ава с недавних пор быстро сдружилась с Элизабет. Я могла доверять им обоим. Махая рукой, чувствую, как сердце разбивается на части.

— Я просто сообщила ей что-то не очень хорошее...

Ава хлопает глазами, скрещивая руки на груди. Серая футболка на ней прилипает к ее телу, очерчивая тонкую талию девушки.

— Что ты ей наговорила? — Её голос повышается.

Я удивляюсь такой реакции, но одновременно и рада, что кто-то может по-настоящему заступиться за мою сестру. Я вдыхаю, потирая ладонью лоб.

Рассказываю по частям, потому что сама многого не знаю. Ава раскрывает рот, как громом пораженная. Не секундой больше, Риксон достаёт с заднего кармана мобильник и кому-то звонит. Я просто наблюдаю, как её щеки краснеют и она, поправляя футболку, говорит мне одними губами, чтобы я была тихой.

— Эй, Лиззи! Как насчёт клуба? — улыбается Ава, смотря на меня. Она кивает и несколько раз на что-то соглашается. Затем отключается, поднимается и указывает на меня одним пальцем.

— Мы встретимся с ней в "Вороне", — говорит подруга, победно улыбаясь. Я склоняю голову, чувствуя новый прилив энергии.

— Мы? Думаю, после нашей с Лиз беседы, она не захочет меня видеть, — говорю ей с опаской. Она смотрит на меня серьёзным взглядом, будто я несу какую-то чушь.

— Просто поверь мне, после нескольких напитков в "Вороне" она просто забудет про все обиды, — смеюсь, заявляет Ава.

Припарковавшись возле "Ворона", куда мы с мамой приезжали запить молочные

коктейли, я немного занервничала. Шанталь тоже присоединилась к нам, обещая, что будет серой мышкой. Её помощь, я думала, не помешает.

Я облачилась в коктейльное платье темно-синего цвета. Шанти оделась в вызывающе красное платье, почти доходящие ей до колен. Ава была скромна в одеяние, но ей шёл сегодняшний наряд из белой блузки, открывающий вид на её кусочек голой кожи, и чёрной юбки.

Ава выходит из машины и забегает первая внутрь, затем мы с Шанти следом, выставляя себя сливками общества.

На самом деле я волновалась, если увижу Лиззи. В каком состоянии её найду? Будет ли она рада нам? И что будет делать, когда увидит меня?

— Эйви Тейлор, прекрати думать. Я вижу, как крутятся твои извилины, — говорит грозным тоном Шанталь. Она берет меня за руку, чтобы я не упала. Я не слишком хорошо хожу на каблуках, но одела их, чтобы выглядеть женственней.

— Все пройдет гладко, если ты расслабишься, — улыбаясь, успокаивает сестра.

— Да, — нервно закусывая губу, отвечаю.

Как только мы заходим в паб, сразу заметно, кто и на каком месте.

Я пробегаюсь беглым взглядом по рядам столиков и бару, отмечая, что здесь ооочень много выпивки, куда бы я не посмотрела.

Шанти указывает на столик на втором этаже и мы усаживаемся туда, пока к нам не подходит молодой человек в форме официанта. Я заказываю стакан воды, Шанти несколько клубничных коктейлей. Она анализирует своим пристальным взглядом все помещение, пока не дотрагивается до моей ладони и кивает в сторону какого-то столика.

Прохожу взглядом по всей толпе людей, пока не останавливаюсь на лице Картера. Он машет мне, затем встаёт и следует в нашу сторону.

— Он идёт сюда... — говорю удивленно, поворачиваясь к ней. Шанти мычит, продолжая высматривать что-то на танцполе.

— Я знаю. Передай ему, чтобы он не сильно светился, потому что я вижу Лиззи и если она увидит нас, то будет плохо. — Она хлопает меня по плечу, отходя к бару. — Пойду заберу наш заказ.

— Привет, — говорит с улыбкой на лице Картер Чейз и моё горло сдавливает. Я вздрагиваю от неожиданности.

Он садится рядом со мной, незаметно касаясь своей ногой моего бедра. По спине проходят мурашки. Отчего? Это всего лишь Картер Чейз.

Я не могу совладать со своими чувствами, при виде него моё дыхание будто кто-то своровал, оставляя вот так просто задыхаться на глазах у окружающих.

— Привет.

Он изучает моё лицо секунду, затем сощуривается и щелкает пальцами в воздухе.

— Я думал, ты не любишь такие места. Как же песенка про маленькую Ти, которая всего боится?

Я смеюсь, вспоминая детскую песенку. Когда мы были ещё подростками, дети часто дразнились надо мной, Картер даже в шутку придумал песню про мои страхи. Не думала, что она выплывет сейчас.

— А я считаю, что пора переходить на новый уровень. Долой страхи, да здравствуют новые ошибки. — Я рассекаю кулаком воздух и он наигранно подмигивает мне, делая вид, что понимает мои слова.

Мы обмениваемся кивками и смеёмся, пока нас не окликает робкий смешок где-то издалека.

Оба оглядываемся, Картер сжимает челюсти, но с радостью подает руку проходящему. Я улыбаюсь, но становится не по себе.

— Здарова, — отвечает парень, смотря на нас.

Я сощуриваю глаза, замечая грубые нотки в голосе, спутанные волосы и бороду, тянущуюся до ключиц. Он был похож на дровосека. Парень был одет в клетчатую рубашку, на бедрах узлом висела куртка, похожая на дубленку. Он приветственно помахал мне, садясь напротив.

— Здравствуй, я Колин Бром, — говорит он, исследуя моё тело своими темно-синими глазами. Я пожимаю ему руку. Картер смеётся.

— Колин, что ты хочешь? — Он кидает в него салфетку, но тот ловит его и оставляет у себя, комкая в маленький шарик.

Я улыбаюсь Колину. Кажется, он хороший парень. Просто немного суровый.

— Я увидел эту красавицу и не мог остановиться, чтобы не познакомиться. — Он дотрагивается до своей груди и театрально вздыхает.

— Если я этого не сделал, моя бы душа ныла на протяжении всей следующей жизни.

Я смеюсь, не в силах сдерживать хохот. В это время прибегает Шанти коктейлями. Она осматривает наш столик удивленными глазами, замечая нового гостя. Точнее, сразу несколько.

— Привет, красавчик. Не знаю, кто из вас привлекательнее, но я заинтригована.

Она подсаживается ближе к Колину, даже несмотря на то, что позади нас несколько человек за столиками рычат, давясь слюнями.

Я закатываю глаза, смотря на Чейза. Он свободно машет рукой за спину. С соседнего столика выходят ещё три парня. Высокие, очень накаченные и довольно привлекательные для этого места.

Через несколько минут за нашим столиком не остается свободного места. Парень с пшеничными волосами и чисто голубыми глазами Адам Дарси все время смеялся над шутками Шанталь, но каждый раз когда Колин что-то шептал ей, лучезарная улыбка парня исчезала.

Силент сидел и молча наблюдал вниз на танцпол, гуляя в собственных мыслях. Он был молчуном в компании и свистел каждой девушке, проходящей мимо нас.

Оуэн сидел со скучающим взглядом, хотя когда я что-то у него спрашивала, то он всегда посылал мне самую удивительную ухмылку и дословно отвечал на каждый вопрос. Его волосы слишком кудрявились, либо были такими с рождения, либо здесь становилось жарковато.

У него была такая же густая борода как у Колина, хотя у Оуэна было несколько замысловатых татуировок на запястьях и локтях.

Внутри все равно что-то ковырялось. Что-то было не так. Я огляделась по сторонам, чувствуя, как пальцы сплетаются с пальцами Чейза. Он улыбнулся мне, касаясь уха.

— Пойдём потанцуем? — спрашивает он, уже выводя меня из-за стола.

Ребята помахали нам, Колин подмигнул мне, а моё место сразу заняла Шанти. Она засмеялась, когда все мужское внимание переключилось на нее.

Я киваю, неглядя никуда больше. Он заправляет мои выбившиеся локоны, когда я начинаю нервничать.

— Прости, но я не должна показаться своей сестре. Она слишком пугливая, а когда увидит меня, боюсь, что она просто сбежит.

Картер понимающе кивает, накрывает своим телом и уводит дальше, кружа в танце.

Когда наши руки соприкоснулись, вся нервозность исчезла. Все потеряло смысл, когда мы начали кружиться в танце. Он знал, что я любила танцевать. Мы слышали каждый звук, блаженствовали и подпевали той песне, которую помнили дословно.

На последней песни Чарли Плата "Attention" мы просто мялись на месте, я слушала, как тихо напевал Картер мне под ухо. Я улыбалась при каждом моменте, когда он закручивал меня в танце. Это было волшебно.

Когда мы возвращались обратно к ребятам, я подняла взгляд и все краски исчезли. Напротив меня сидела Лиззи. Она испепеляюще смотрела на меня, улыбаясь краешком губ.

— Лиззи... — Я сажусь на соседней табурет, поправляя платье. Она смеётся и мне кажется происходящее нереальным.

— Ты так смотришь на меня, как будто у меня две головы вместо одной. — Она закатывает глаза и делает огромный глоток пива. Пива? Кто заказывал пиво?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Картер садится рядом с Адамом и они начинают о чем-то беседует. Силент оживился и, как я заметила, не отрывал своих глаз от моей сестры. Может, у неё и правда две головы?

— Я просто удивлена видеть тебя здесь. Я считала, что ты слишком застенчивая, чтобы приходить в такие места.

Она вздыхает, чекается с Силентом, тот ей ухмыляется. И эта чертова ухмылка практически не слезила с его лица на протяжении всего вечера.

Спустя два часа за окнами потемнело, в пабе пустили импровизированный дым, заставляя людей возгласами радоваться продолжению адской ночи.

Шанти радостно о чем-то перешептывалась с Оуэном за соседнем столиком, Ава уже давно уехала, так как ей позвонила мама и попросила приехать. Колин предложил подвезти её, поэтому они ушли вместе.

Пока я потягивала свой молочный коктейль, Лиззи присела возле меня, тупо разглядывая каждую черточку моего лица своими карими глазами.

— Что? — кривой улыбкой спросила я. Она качает головой, улыбаясь шире.

— Он так на тебя смотрит, — шепчет она, сощуривая глаза. Я не понимаю, о ком идет речь. Всматриваюсь ей в глаза, но не замечаю не какого отпечатка от следов шприца.

— Ты пьяна? О чем ты говоришь?

Лиззи смеётся, Силент морщит лоб, глядя вкряк от времени в нашу сторону. Но потом отворачивается от нас, опираясь локтями на соседней столик, где сидели Адам и Картер.

— Чейз явно что-то испытывает к тебе. То, как он смотрит на тебя. То, как обращается...

Я качаю головой, пораженная такой новостью. Лиззи отстраняется от меня, махая перед моим лицом накрашенным, в чёрный цвет, ногтем.

— Да, и, кажется, эти чувства взаимны.

Я изгибаю бровь.

— Давно ты заделаась гадалкой, сестра?

Она улыбается мне искренней улыбкой, пожимает руку, отпивая немного от моего коктейля. Морщит нос, но не останавливается.

— М, твой вкус не меняется, — скучающим тоном произносит она.

Я качаю головой, ссылаясь, что Лиззи чуток перебрала. Она поднимает один палец над головой и просит ещё одно пиво. Вижу, как к ней подходит Силент и нависает над ее головой. Его лицо бесстрастное, тёмные глаза изучают паб, как если бы тут таилась настоящая змея.

Картер ухмыляется Адаму, тот его бьёт по плечу. Я смотрю на Шанталь и как они с Оуэном гармонично танцуют в унисон песне.

Однако все идёт наперекосяк, когда музыка стихает. Все начинают толпиться и слоняться по помещению. Стены чернеют, то ли от от того, что свет погас, то ли от того, что кто-то разбил лампочку. Кажется, что стены медленно смещаются и паб превращается в маленькую, тесную комнату.

Первая начинает паниковать Лиззи. Её руки дрожат, лицо бледнеет, на лбу проступает капля пота. Она цепляется в меня мёртвой хваткой, глаза бешеные.

— Это очередной кошмар? — спрашивает она меня.

Мы с Шанталь переглядываемся обеспокоенными взглядами. Картер что-то бормочет, ругаясь, когда встречается со мной взглядом, но я не слышу. Шанталь подбегает ко мне и пристально, почти с мольбой в глазах, смотрит на Силента.

— Уведи Лиззи куда-нибудь подальше. Прошу, — говорит она, сдерживаясь, чтобы не начать кричать от паники. Все боялись за состояние Лиз, потому что мы обе знали, что случится, если не отнести её в тихое место.

Силент без колебаний поднял хрупкое тело моей сестренки и помог выйти из-за стола. Она немного качалась, но это не помешало парню с лёгкостью поднять её на руки.

— Уверю, с ней все будет хорошо. Даю слово.

Его голос прогремел, как самый настоящий гром, грозящий пролить немало дождей.

Силент развернулся и, ни с кем больше не говоря, вышел из паба, оставляя после себя аромат каких-то пряностей.

Когда Шанти повернулась ко мне, сильно зажмурилась. Я заткнула уши, наблюдая за всем грядущим кошмаром молча. В ушах стояли пугающие крики. Уверена, паника внутри меня было меньше, что испытывали все остальные в данный момент.

Я вижу, как Картер пробивается в нашу сторону. Адам пытается растолкать обезумевших от страха людей, но только он успевает пройти к нам.

Его взгляд сканирует нас двоих, хватая Шанталь за плечи. Она качает головой, будто с чем-то не соглашается, а я продолжаю искать в толпе лицо Картера. Либо его руку или, хотя бы, наличие, что он жив.

Мне становится чертовски не по себе. Спокойную музыку сменяет один сплошной шум, состоящих из многочисленных воплей. Девушки впиваются ногтями себе в волосы и бегают от стенки до другой, чтобы найти выход.

Я чувствую запах гари, но не вижу наличие пожара. Все дымится и кроме густого комка ничего не видно.

Слишком много людей. Слишком много паники и это подстегивет меня делать невозможное.

Общественная паника загоняет тебя в угол и ты перестаешь что-либо чувствовать, кроме лютой дрожи по всему телу.

Чувствую, как стенки здания сужаются, дым сгущается, шепча ядовитым голосом, что выхода нет. Вместо того, чтобы кричать я сижу за столиком, полностью отрешенная от всего.

— Нам нужно идти! Идём! — просит Адам. Он берет меня за руку и уводит через толпу.

Я просто следую за Дарси, все время оборачиваясь в надежде найти Картера. Но его нет. Надеюсь, Шанталь в порядке.

Боже, помоги.

Когда мы достигаем выхода и я могу вдохнуть полной грудью, сразу падаю на траву, глубоко и часто дыша. Выровнив дыхание, встаю на ноги и ещё раз вглядываюсь в паб с названием "Ворон".

Подвеска косо покачивается из стороны в сторону, слабо мигая оранжевом неоновым светом. Я не вижу знакомых лиц, лишь синие и красные мигалки от скорой, сирены полиции и многочисленные машины, окружавшие здание.

Только сейчас, находясь на свободе, дальше от дымящего кирпичного Котла, я осознаю, что по щекам текут слёзы. Я обхватываю себя руками, пятясь к Адаму, только что выходящего из этого проклятого места.

Его пшеничные волосы теперь покрыты копотью, скулы обугленные, а верхняя губа треснута. Лицо искажает боль, когда он смотрит на меня.

Парень качает головой и пожимает плечами. Он обхватывает меня руками, обнимая, и утыкается носом в шею.

— Прости, я не смог его спасти. Я не смог... — повторял он снова и снова.

Пробегаюсь мокрыми глазами по всей территории через его поечо и только потом моя уверенность даёт слабину.

— Где Картер и Шанти, Адам? — спрашиваю его, отстраняясь и пытаюсь всмотреться ему в лицо. Стараясь не паниковать.

Я достаю телефон из сумочки, которая находилась у меня за спиной.

Набираю номер Картера, но он не отвечает. Адам всхлипывает, а я снова набираю номер Чейза, затем сестру. Но их мобильники отключены.

— Где они? — повышаю голос, пока слёзы текут с новой силой. Парень качает головой и опускает взгляд.

— Прости меня, их обоих отвезли в больницу.

Эйвери

Адам, несмотря на то, что повредил левое плечо, а я обошлась лёгким сотрясением, все равно сел за руль своего грузовика и ехал в больницу, куда отправили Шанталь и Картера.

С каждым поворотом Дарси все время сжимал руль так сильно, что я думала, мы перевернемся. Мне бы не хотелось остаться в этой колымаге на всю жизнь.

— Адам, осторожнее, не дрова везешь! — огрызнулась я, сжимая кулаки на коленях.

Я снова пытаюсь дозвониться до Картера или Шанталь, но их линии вне зоны действия. Нервы начинают пошатываться. Дрожащими руками крепче ухватываюсь за ремень безопасности, молясь всем Богам, что все будет хорошо.

— Прости. Немного сдают нервы.

Я вздыхаю.

— Не у тебя одного. Дыши глубже, Адам. С ними все будет хорошо.

Когда мы становимся ближе к больнице, Адам останавливает грузовик, что тормоза свистят и оставляют глубокие следы от шин на асфальте. Сейчас это, кажется, никого не волнует. Мы подбегаем к девушке за стойкой, но я не успеваю заговорить, как Адам начинает первым.

— Где находятся Картер Чейз и Шанталь Джонсон? Их только что должны были привезти, — говорит он.

И, как ни странно, он очень спокоен. Девушка несколько минут проверяет на компьютере, щурится и кивает.

— Да, они в седьмой палате. Дальше прямо по коридору, вторая дверь слева, — проинструктировала она, мило одаривая нас улыбкой.

Мы благодарим её и направляемся по указанному пути.

С каждым следующим шагом нервы начинают щекотать кости изнутри. Адам запускает пальцы в волосы и замирает рядом с палатой под номером семь. Я осторожно касаюсь его плеча, и парень вздрагивает.

— Я... думаю, тебе стоит идти первой. — Он садится на небольшой диван в красный горошек, подергивая левой ногой.

— Хорошо. — Я подхожу к нему, касаясь ладонью его левого колена.

— Эй, Адам, — смотрю ему в прямо в глаза. Парень склоняет голову, смачно сглатывая. — Верь в лучшее.

Он кивает, но не улыбается. Его лицо ничего не хочет выражать. Казалось, Адам просто хочет закрыть веки и не о чем не думать. Я тоже этого хотела, но вместо этого, приходится терпеть. Я захожу в палату, сама еле веря в то, что сказала Адаму Дарси.

Внутри захожу почти не глядя. Только когда касаюсь металлических перекладин на одной из коек, заставляю себя посмотреть на это новым взглядом.

На одной койке лежал Картер. На второй, соседней, лежала спящая Шанти. Я прикрываю рот рукой. Не хочу плакать. Мне нужно оставаться сильной.

Сажусь в кресло и тупо смотрю на обоих, пока не засыпаю. Пробуждает меня чье-то бормотание. Морщась, резко встаю с кресла, когда замечаю, как осторожно Шанталь приподнимается, осматривая обстановку, куда её определили.

— Доброе утро. — Я смотрю на часы на стенах персикового цвета и качаю головой. —

Ой, или, скорее всего, вечер.

Шанталь стонет, нащупывая повязку, обмотанную по всей её голове. Она одета в простую рубашку и широкие шорты в полоску. Немного погодя, она свисает ноги с койки и морщится.

— Что произошло? — хрипло спрашивает она и смотрит на Картера.

Его лицо искажает глубокий шрам от левого глаза до подбородка. Олна половина его лица была идеальна ровной, левая сторона выглядела ужасно потрепанной. Шрам был похож на настоящий след от лап разъяренного гризли. Голова полностью обмотана бинтами, на грудь надели специальный карсет.

Я узнавала, что у Картера повреждения гораздо серьезнее, но есть шанс, что он встанет на ноги.

— Мы сидели в "Вороне", а потом случился пожар и ты оказалась тут... — Я прочищаю горло. — Вы оба.

Шанталь поворачивается ко мне со сострадательным взглядом.

— Прости меня, Эйв. Я не хотела, чтобы он пострадал. Мне очень жаль.

Я киваю, смахивая слёзы. Пока рановато. Мне не хотелось устраивать тут потоп. Я прохожу к Шанталь, обнимая её.

— Главное, что ты очнулась. Все будет хорошо, — заверяю её, целуя в лоб.

— Кхм-кхм, — Адам просовывает голову в палату и осматривает своими оленьими глазами наличие жертв.

Шанталь прячется за мной, прося его уйти, но Адам только противится этому с ещё большей силой.

— Уйди, — говорит она грозно. — Ты не должен видеть меня в таком виде.

Адам делает шаг в мою сторону, молча отводя меня за свою спину, но Шанталь закрывает своё лицо и мотает головой. Он качает головой и закатывает глаза. Я улыбаюсь, оставляя их одних.

На секунду мне показалось, что это все мираж. Мы находимся дома и играем в Кости, потягивая лимонад. Каждый веселится, рассказывая веселые истории, и нам хорошо.

Но на самом деле все происходит против твоей воли. Внезапно на тебя может свалиться такой шквал эмоций, что ты не в состоянии с этим справиться. В какой-то день ты понимаешь, что не будет все как было раньше, даже если очень захотеть.

Ты продолжаешь жить, пока на тебя не срывается машина и, тем самым, ты не попадаешь в аварию; до тех пор, пока не попадаешь в массовую чрезвычайную ситуацию, например, оказаться в заложниках или очутится в самом не подходящем месте и чудом не сгореть заживо.

— Эйви? — Я поднимаю голову, резко останавливаясь.

Открываю рот, замечая, как в паре шагов от меня стоят: мама, Силент с виноватым взглядом, позади него Лиззи с каким-то журналом в руке и мой отец. Надеюсь, Робби Клаус не появится, иначе девочке не поздоровится.

Первая из этой кучки выходит Лиззи и, подбегая, обнимает меня и плачет в шею. Силент делает несколько шагов и уже стоит позади Лиз. Он извиняется и уводит мою сестру.

Лиззи шепчет что-то Силенту за моей спиной. Мне не хотелось верить в плохое. Мне нужно было верить в то, что Картер откроет глаза, улыбнётся снова и заново начнёт играть.

— Эйви, ты как? С тобой все хорошо? Как Шанталь? — сквозь слёзы плачет мама, приближаясь. Она обнимает меня и отстраняется, ободряюще улыбаясь.

Папа подходит к ней, но я кидаю в него немой взгляд, предупреждающий, что этого делать сейчас не нужно. Он недоуменно смотрит, сводя брови вместе, но отступает.

— С ней все хорошо. Она сейчас спит.

Мама кивает, но я знаю, что этого ей мало. Она садится на другую сторону от всех присутствующих, доставая библию и нашептывая слова молитвы.

Я иду уже к Лиззи, чтобы присесть, как стальной голос отца останавливает на полпути.

— Детка, с тобой можно поговорить?

Я закрываю веки.

— Не стоит... — От его голоса в моей голове все повторялось снова и снова. Все его слова, картинки из прошлого, его отношение к маме. Чувствую, как горло сжимается. Я закрываю глаза, пытаюсь не думать об этом.

— Вы не видите, что сейчас не подходящее время? — встаёт на защиту Силент, даже не моргнув.

— Я не к тебе обращаюсь, щенок! — ревет папа и я, открыв веки, слышу, как он становится ближе.

Силент встаёт и сжимает кулаки, готовый надрать ему зад. Однако, Лиззи вовремя хватается за рукав Силента и тот садится обратно.

— Перестаньте! — говорит она. Я благодарно улыбаюсь ей, она молча кивает, продолжая украдкой смотреть на отца. Она его боялась или стеснялась?

Я вздрагиваю, когда чувствую мамину руку на своём плече. Она гладит по плечу и кивает в сторону отца.

— Не трогай девочку, иначе я приду за тобой и убью. Не позволю кому-то обидеть моих детей, — говорит мама ему.

Я пытаюсь не закричать от натиска негативной энергии, скопившейся вокруг.

— наших детей, Зои, — напоминает отец, щелкая челюстью.

В этот раз злость подкрадывается ко мне с молниеносной скоростью. Я зажимаю губы, но вместо этого сильнее дрожу от бессилия. Сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу до крови.

— Мы больше не твои дети. Ты променял меня, Лиз и Шанти на новую жену, более молоденькую дурочку, — выпаливаю на одном дыхании.

Лиззи разевает рот, прикрывая его ладошкой. Мама отходит от меня, как при ударе электрошоком. Затем молча проходит эти жалкие десять шагов, что разделяли нас от отца, и в одну секунду пустой коридор пронизывает звонкий шлепок.

Пощёчина. Как напоминание о всех причиненных ранах, всех пролитых слезах. И как свидетельство того, что все кончено.

— Убирайся! — говорит мама в лицо ему. Её голос — чистый лед и кажется, что в коридоре стало холоднее в сто раз.

Мы с Лиззи наблюдаем с открытыми ртами, как он, отшатываясь, проходит к выходу и больше не оборачиваясь, уходит из семьи. Мама тихо всхлипывает, но не распадается. Она целует нас в обе щеки, заверяя, что все будет в порядке. Но все ли будет в порядке с ней?

Эйвери

На протяжении всей следующей недели я каждый день прихожу к Картеру. Спустя два дня Шанталь выписали, она не намерена была оставаться здесь ещё дольше. Она любила свою работу больше, чем себя саму. Она сказала, что будет работать снова, потому что не чувствует боли. Её это не беспокоило, а значит ничего не случилось.

Я пытаюсь не заплакать, поэтому просто вытираю слёзы, катящиеся по щеке, открываю книгу и читаю вслух другу. Он не должен умирать. Он не умрёт.

Инстинктивно, как в детстве, я беру его за руку и сплетаю наши пальцы. Но в ответ не какой реакции. Вместо этого я продолжаю держать его за руку и читать книжку.

Эта была детская сказка про двух людей, которые искали путь в солнечную страну под названием "Абрикос". Я откапала её дома, не надеясь, что вообще найду. Мы написали эту сказку вместе. Я решила, что так какая-то доля Картера будет со мной. Смысла в этой книжке не было, но строки в ней помогали забыться. Даже если и на время.

Дверь открывается и к нам заходит моя мама. Её лицо опухшее от слез, глаза красные, но все равно это не омрачает её вид. Она по-прежнему самая красивая женщина, которую я знаю.

— Дорогая, — шепчет она, улыбаясь. Я улыбаюсь в ответ и предлагаю присесть.

— Привет. Что нового?

Она усаживается в кресло в нескольких миллиметрах от меня, вздыхает, кладя руки на живот. Неделью назад она звонила отцу и требовала развода. Сегодня она только что была в суде.

Для такого случая она одела лёгкое платье в чёрный горошек, презирая всякие скучные, офисные костюмы. Вместо зализанного пучка мама завила волосы и заколола набок большой гребень в виде огромной ромашки, оставляя одну часть волос распущенной на левую сторону.

— Развод так выматывает. Господи, святые поварешки! — Она вскидывает руки в потолок, смотря в него, как на святое место.

— Если бы я не узнала, что он изменяет мне, неужели я бы прожила всю жизнь вот так, надеясь, что он вернётся?

Я качаю головой. Если бы мои родители меньше ругались и жили душа в душу, то этого ничего не произошло. Я осекаюсь на спящего Картера. Монитор утверждает, что он в порядке, но мне страшно.

— Дорогая, благодаря тебе, я знаю правду. Ты открыла мне глаза на реальность.

Мама склоняет голову и мягко улыбается. Я ничего не говорю, лишь нервно подворачиваю уголки страниц в детской книжке.

— Ох, Эйвери! — Мама подходит ко мне, обнимает за плечи и нашептывает что-то на французском. — Милая, не думай о плохом. Ты не виновата, что так все произошло.

Она целует меня в лоб и отходит. Какое-то время эта женщина до мурашек заставляет меня напрячься, когда её голубые глаза исследуют меня, впиваясь взглядом. Она усмехается, будто только что заметила что-то раньше ей не подвластное.

— Ты любишь его? — с укоризненным тоном спрашивает мама. Я часто моргаю, не зная ответа. Люблю ли я его? По настоящему?

Люблю до дрожи во всем теле? Люблю его до потери пульса? Или люблю так сильно, что забываю про себя саму? Люблю ли я его?

Я шмыгаю носом, пожимая плечами. Мама притягивает меня к себе, потирая по спине. Я плачу, по-прежнему утирая слёзы и сопли. Я не хочу быть слабой, хоть на деле всегда видется по другому.

— Он очнется, дорогая, вот увидишь. Вы хорошая пара. Он любит тебя. — Она подмигивает мне и уверенно смотрит сверху вниз. Я ухмыляюсь, качая головой.

— Я это вижу. Просто доверься своему сердцу.

Мы ещё минут десять стоим в палате, качаясь из стороны в сторону, затем мама отходит и садится в кресло, махая на дверь.

— Можешь пойти домой и отдохнуть, хорошо? Я посижу с ним.

Я собираю вещи, но сердцем чувствую, что если уйду домой, все изменится.

Качаю головой, в нерешительности. Смотрю на закрытые веки Картера и понимаю, что не могу вот так просто уйти.

— Я переоденусь и вернусь. Мам, я вернусь, обещаю. Я не оставлю его здесь.

Мама улыбается мне, в уголках глаз показываются морщинки. Она достаёт благовония, распределяя в каждый угол. Затем достаёт пяльца и жёлтые нитки, принимаясь за дело. Она соглашается, сдерживая смех.

— Хорошо, я буду здесь.

Она не уговаривает меня об обратном, потому что знает, что я не отступлю. Мне нравится Картер Чейз, но люблю ли я его признаться страшно. Но одно я знаю наверняка, если его не станет, моя жизнь потеряет всякий смысл.

Заходя домой, чувствую запах черничного пирога. Лиззи научилась готовить? Улыбаюсь, следуя на кухню и замираю на месте, при виде хлопчашуго возле плиты Силента. Я подавляю смешок, но он оборачивается и смотрит на меня испуганными глазами.

— Привет, Силент. Ты готовишь? — Сажусь на табуретку, опираясь всем телом на столешницу.

Он усмехается и достаёт свежий пирог из духовки. Пирог был красиво усыпан большой черникой, от него шёл пар, теряясь в воздухе. Я наслаждаюсь потрясным ароматом, закрывая веки. Силент тихо смеётся и отмахивается.

— Я занимаюсь этим, чтобы не думать о разном дерьме. — Он отрезает ножом кусочек пирога и преподносит мне.

— Спасибо. Погоди, ты же играешь в футбол? Как можно... — Я ищу подходящие слова, но приходится замолчать. Немного неудобно говорить ему такое в лицо, боюсь обидеть. Силент хмурится, пробуя на вкус то, что получилось.

— Ты о том, как можно совмещать два дела сразу? — Я киваю и он пожимает плечами. — Если любишь сразу и то и то, зачем ограничиваться?

Он спрашивает у меня ещё добавки, но я отказываюсь, думая о его словах. Я смотрю за окно и не вижу машины Лиззи.

— А где Лиз? — спрашиваю Силента. Парень подносит один палец к губам и кончиком ножа указывает на потолок.

— Она уснула недавно. Не хочется её будить, — отвечает он.

Я киваю, давая знак, что поняла. В один момент перед глазами встаёт толпа обезумевших людей. Как дымилось помещение, а я не могла совладать с собой. Крики,

пронизывающие до костей.

— Эй, Эйвери? — окликает Силент, осторожно касаясь моей руки. Я вздрагиваю на своё имя и поднимаю голову. — С тобой все хорошо? Как Картер?

Я вздыхаю, не желая углубляться. Силент ждёт, пока отвечу. Но я качаю головой.

— Картер ещё не просыпался. Врачи говорят, что максимум три дня и, может быть, он встанет.

— А ты сама уверена в этом? Как думаешь, он очнется? — спрашивает он с надеждой на лучший ответ.

Я шмыгаю носом, заставляя себя держаться. Немного удачи не повредит. Поднимаю на него уверенный взгляд, но его глаза говорят об обратном. Силент не верит в то, что говорят врачи.

— Всем сердцем, пока жива. Вы скоро выйдете на поле, он не пропустит игру. Картер сильнее, чем ты думаешь, — усмехаюсь.

Вдруг Силент подходит ко мне и тянет к себе, крепко обнимая в своих медвежьих объятьях. Я давлюсь кашлем от такого натиска. Кажется, парень слишком часто ходит в спортзал.

— Спасибо, что веришь в него. И что любишь и так заботишься, — шепчет он мне в шею.

Я просто киваю, потому что не могу ничего сказать, кроме обычного потряхивания головой. Я выдохлась и мне нужен холодный душ. Указывая большим пальцем за спину, отхожу назад.

— Да, конечно. Извини, нужно переодеться и возвращаться назад.

Он быстро кивает, потирая руки. Улыбается, но кажется только для того, чтобы не разводить панику. Каждый из нас сейчас боится потерять друга.

Я нервно кусаю губу и бегу в душ. Когда я смотрела на Силента, то в какой-то момент казалось, что передо мной стоял Картер. Практически одни и те же повадки, такая же широкая улыбка, от которой я не могу стоять на ногах, и каждый раз сердце екает при одном упоминании его имени.

Сменив одежду на простое фиолетовое платье с тонким поясом на талии, иду к лестнице, но приходится остановиться от тихих всхлипов в комнате Лиз.

— Лиззи? — Я прохожу в темную комнату, озираясь по сторонам.

Комната Элизабет кардинально отличалась от всех остальных комнат этого дома. На стенах висели рождественские гирлянды, с потолка свисали бумажные самолетики. Окно было настежь открыто и от этого тонкая штора волной бесшумно развивалась на ветру.

Лиззи лежала на неразобранной кровати, сгорбившись в форму эмбриона. Я сажусь возле её ног.

— Лиз, почему ты плачешь? — удивленно спрашиваю её и она, всхлипывая, обнимает меня, почти душа руками. Лиз плачет и тороторит слова, вроде "прости меня".

— Что ты имеешь ввиду? — недоуменно заглядываю в заплаканные глаза сестры. Начинаю вставать, но она качает головой и просит остаться.

— Я расскажу, что произошло на самом деле. Объясню, кто такой этот гребанный Дэм... Только не уходи.

Я медленно киваю, садясь снова возле неё. Беру её руки в свои, потирая холодную кожу. Она делает пару вдохов, успокаиваясь.

— Дело в том, что пожар, в котором вы оказались, рук этого Дэма. Он плохой человек,

никто не может справиться с ним. Я не знала, как тебе об этом сказать. — Она снова начинает плакать. — Прости меня, это по моей причине ты пострадала...

Она не упоминает Картера, за что ей благодарна. Но от её слов меня мутит. Все вокруг начинает кружиться, как на карусели. Лиззи утирает нос. Я качаю головой, не понимая. Что?

— Кто такой Дэм, Лиззи? Чем он опасен? — спрашиваю её, цепляясь за ладони девушки.

Она выворачивается, но не говорит. Будто не хочет или внутри неё кто-то живёт, заставляя все это рассказывать.

— Лиззи, пожалуйста. От этого зависит жизнь! Чем он опасен? — задаю снова вопрос за вопросом, от которых грудь сжимает. Холодок пробегает по коже от мысли, что ещё может сотворить этот чертов Дэм.

Лиззи мотает головой, хватая себя за волосы и отодвигается к подушкам. Она бьётся в истерику, я просто молча наблюдаю. Через секунду в комнату врывается Силент, его волосы мокрые, рукава рубашки закрученные до локтей.

— Чёрт вас побери! Какого хрена тут происходит?

Широкими шагами он проходит к кровати Лиз и всматривается в её бледное лицо, затем снова на меня. Его глаза навевают страх, от которого язык немеет. Я сглатываю, качаю головой и в последний раз пробую заговорить.

— Лиззи, пожалуйста...

Она отворачивается от меня, зажмуривая глаза. Силент вздыхает, что-то говоря ей в ухо.

— Мне жаль, Ви, — заключает она устало.

Я ретируюсь к двери и выбегаю на улицу, чувствуя опустошение. Кто бы ни был этот идиот Дэм, но ему не жить.

Спустя пару кварталов я добегаю до больницы, но застаю в холле такой шум, что невозможно что-либо понять. Бегу к первому попавшемуся врачу, ловя того за локоть. Это оказывается молодая девушка лет двадцати. Она улыбается мне, извиняется, но затем отходит в сторону.

— Что происходит? — успеваю спросить, глотая ртом воздух.

— Пациент проснулся, — говорит она и убегает за остальными.

Я бегу в палату номер семь и застываю, когда вижу, как Картер трясётся в конвульсии. Из-за рта течёт пена, но он его глаза открыты. Все происходит очень быстро, я даже не успеваю понять.

Двое мужчин в чистых халатах уговаривают успокоиться, но он не слушает, поэтому один укол успокоительного делает своё дело и Картер падает обратно на подушку, закрывая веки.

Я захожу в палату, но меня тут же выгоняют в коридор. Оглядываясь по сторонам, замечаю маму, сидевшую в коридоре с раскрытыми ладонями на коленях. Она отстраненно смотрит на них, но поднимает голову, замечая меня. Я сажусь рядом с ней и вздыхаю.

— Мам? Что-то случилось с Картером? — Всхлипываю, сужая глаза. Она шмыгает носом и рассказывает все, что знает сама.

— После того, как ты ушла, спустя час, он открыл веки. У него сразу участилось сердцебиение, потом он начал краснеть и из его рта потекла пена. Я сразу позвала врачей и вот сижу здесь.

Я обнимаю её и вздыхаю.

— Боже, мама...

Она морщится, касается моей щеки, когда чувствует, что-то не то.

— Что случилось? Ты плакала? — спрашивает мама, пристально смотря в мои глаза.

Я качаю головой. Не могу больше сдерживать все в себе. Я плачу, закрывая лицо руками. Я слишком сильно старалась быть хорошей.

— Все нормально. Он поправится. Поправится... — лепечу в унисон.

Мама дотрагивается до моего лба, осматривая тот самый шрам, который мне подарила Робби. Неделю спустя рана затянулась и теперь эта часть лица стала грубее. Я поморщилась.

— Дорогая, ты где-то ударила лбом? — слишком точно задаёт вопрос мама. Я конечно знала, что она умная, но не настолько.

Горло пересыхает. Я отхожу в сторону, натягивая улыбку.

— Нет. Нет, мам. — Я смотрю через стекло в палату Картера и сжимаю губы. — Прости, я хочу побыть одна. — Поднимаюсь и иду к седьмой палате.

Я открываю дверь палаты, закрываю жалюзи, чтобы никто не увидел, и сажусь на старое место, подгибая ноги и опираясь подбородком на кулак.

— Привет, Картер. Если ты слышишь меня, ответь пожалуйста. — Чувствую, как слёзы катятся по щекам. Сердце болит сильнее, при виде него. — Я скучаю по тебе. — Но в ответ тишина.

Эйвери

Каждый раз, когда закрываю глаза, в голове всплывает гул, запах гари и бесконечные чёрные стены. Я вздрагиваю, потирая от усталости лоб. Зеваю, но не могу заснуть. Снова проверяю Картера, но он все ещё спит. Я укладываюсь, как можно удобнее, пытаюсь заснуть.

— Эйви? Ви, проснись, — голос такой отдаленной. Знакомый сердцу. Шмыгая носом, боюсь открыть глаза. Я не могу поверить в это.

Но голос снова пробуждает во мне чувства. Я пробую открыть глаза, когда вижу, что Картер лежит, смотря на меня полуулыбаясь правым уголком губ, но левая часть остаётся по-прежнему суровой. Я поднимаюсь, но ноги еле держат. Картер протягивает руку и сразу я хватаюсь за неё, как за спасательный круг.

— Картер... — шепчу я.

Он улыбается шире, с уголков глаз начинают течь слёзы. Он тянет ближе к себе и я сажусь сбоку на его койку. Поглаживая мои костяшки пальцев, Картер Чейз молча смотрит на меня.

Я не знаю, что сказать. Я до сих пор не могу прийти в себя. Все две недели я просто думала, что конец близок. Надежды больше нет. Я считала себя сломанной.

— Господи, — всхлипываю, смотря в потолок, но Картер касается моего подбородка и притягивает к себе, чтобы я смотрела прямо ему в глаза. Он вытирает большим пальцем мои слёзы, я улыбаюсь.

— Не плачь, малышка. Я не вынесу твоих слёз. — Он тянет меня к себе и дыхание Чейза прерывается.

Я завороженно смотрю ему в глаза, снова на приоткрытые опухшие губы парня, затем обратно. Он гладит меня по скуле, посылая невидимые послы электрического тока.

Самовольно губы приоткрываются, я прикрываю веки, когда наши губы соединяются.

Он стонет, проводит кончиком языка по моей нижней губе. Я вздыхаю, когда чувствую, что воздуха становится мало. По позвоночнику пробегает рой мурашек, когда его язык проникает внутрь, лаская.

— Эйви... — отрывисто выдыхает Картер. Он ещё раз целует меня, на этот раз обхватывая моё лицо двумя руками.

Я кладу голову ему на грудь, но он стонет, как раненое животное. Он обнимает меня правой рукой, левой сплетая наши руки.

— Я хотел сказать, что боялся потерять тебя. Зря мы пришли в тот паб. Если бы мы туда не пришли, то сейчас ничего из этого не было.

Я закрываю веки, молча плача. Больше нет надобности их сдерживать.

Улыбаюсь, целую запястье Картера. Поднимаю голову и Картер морщится, смотря на меня. Его лицо усыпано веснушками, поэтому я касаюсь пальцами морщинки между его бровей и просто пытаюсь разгладить её. Картер целует мои пальцы, я смеюсь, пряча лицо от него.

Он смеётся заливисто и свободно, потом выдыхает, я выпрямляюсь, когда вижу, как его лицо снова искажает боль. Но он качает головой.

— Все в порядке. Ты не виновата, — говорит он, снова касаясь меня. Я смотрю ему в глаза, но не могу понять, что он ко мне чувствует. Мне просто страшно терять его.

Я неуверенно улыбаюсь, желая спросить о его состоянии и что он помнит, но дверь распахивается и в палату заходят Лиз, Шанти, за ними Адам и Силент.

Картер смеётся, не ожидая их всех увидеть. Я вытираю слёзы, пока сёстры усаживаются в кресла. Картер одними губами говорит, чтобы я не уходила. Я киваю, удобнее усаживаясь возле парня.

Силент садится на спинку кресла, ухмыляясь одному ему понятной шутке. Он убирает волосы в пучок и закатывает рукава рубашки до локтей. Лиззи кивает мне, подмигивая, и смотрит на меня и Картера одновременно.

— Теперь вы вместе, ребята? — спрашивает она нас. Силент давится смешком, а Шанти с Адамом переглядываются.

— Эйв? — заикаясь, спрашивает Шанти. Я смеюсь, качая головой, смотрю на Картера, в глазах которого читается сомнение. Он берет меня за руку, сжимая в утешение, и становится легче.

— Мы просто друзья. — Он подмигивает мне, отчего щеки краснеют.

Лиззи качает головой, скрепя руки. Она, кажется, недовольна, но когда Силент ей что-то говорит в ухо, сестра расслабляется, не смотря в нашу сторону.

— Как скоро начнётся игра, Дарси? — с интуизмом спрашивает Картер. Адам щелкает языком, нервничая. Смотрит на экран телефона, что-то быстро печатая.

— Начало игры через неделю, брат. Но я не уверен, что ты сможешь играть.

Я вижу, как его желваки начинают двигаться. Он сплывает и улыбается. Пытаюсь заглянуть ему в глаза, но он продолжает улыбаться и испепелять взглядом Дарси. Он вздыхает, затем подмигивает, будто ничего страшного не произошло.

— Ладно, но я обязательно приду поддержать вас.

Адам подмигивает ему, он бегло смотрит на Шанталь. Я знаю, что он что-то не договаривает, но Картер этого не видит.

Ещё пару часов они разговаривают о футболе, Силент импровизирует, что обводит Картера мячом, тот смеётся. Кажется, им хорошо.

Мы сидим в небольшой кафешке, рядом с больницей. Небо за окном темнеет, ветер постепенно усиливается. Лиззи рассказывает Шанталь про Дэма и его злую шутку с горением паба. Шанталь долгое время молчит, приходя в себя. Она смотрит на меня, будто бы спрашивая о том, знала ли я об этом.

— Ты знала? — Я пожимаю плечами, отпивая горячего кофе.

Здесь отлично делали его. И это единственное, что было здесь на высоком уровне. Все остальное дико бесило, потому что, кроме серых стен и деревянных окон, готовые расколотся на щепки в любую секунду, ничего не привлекало. Лиззи извиняется, но сейчас не плачет. Её щеки краснеют.

— Мне стыдно, Шанти. Простите меня. Дэм... Он парень из плохой семьи и если ему перейти дорогу, то дело труба. Он опасен, но...

— Но ты всё-таки перешла ему дорогу, верно? — прерывает Шанталь, повышая голос. Она часто дышит, размахивая руками. Лиззи глотает ртом воздух. Она смущается, обнимая себя за талию.

Я поглаживаю её за плечи, успокаивая. Она шмыгает носом, прячась от нас волосами. Шанталь качает головой.

— Лиззи, мы беспокоимся о тебе. Почему бы тебе не рассказать правду об этом Дэме. Я лично посажу его за решетку! — предлагает вариант Шанти, ударяя кулаком стул, на

котором сидела.

Лиззи качает головой и мы обе вздыхаем, переглядываясь. Она слишком упряма.

— Я не могу потерять и вас, — говорит она печально.

Утром я снова прихожу к Картеру и что я вижу? Он может ходить! Я осторожно крадусь в палату, где он пробует встать на новые костыли.

Улыбаюсь, когда встаю за его спину. Он вздрагивает, испугавшись. Я подпрыгиваю от счастья на месте, хлопая в ладоши. Шрам на его лице сильно портит его лицо, напоминая настоящего зверя, но я не обращаю внимания. Синяки под глазами уже давно исчезли. Его смятая серая футболка теперь немного больше по размеру, он немного похудел.

— Привет, красавица, — улыбается он, целуя в щеку. Я чувствую умиротворение и обнимаю, повисая на его шее. Он вдыхает запах моих волос и притягивает ближе, почти поднимая на носочки.

— Не могу поверить, ты ходишь! — целую его в шею, радуясь больше за него. Он кивает.

— Да, и ещё, — он поднимает один палец, отходя. — Завтра я могу ехать домой. Ты понимаешь, Ви, я могу вернуться к жизни.

Я киваю, смеясь.

— Да, это было бы здорово.

Мой голос переполнял тысячу эмоций, сердце часто билось, но в голову подкрадывалось страшное подозрение. Однако я потрясла головой, пытаюсь не заострять внимание на этом. Сейчас с ним все хорошо и он очнулся. Он улыбается, касаясь моей щеки.

— Я смогу снова вернуться в игру, — напоминает Картер и я просто улыбаюсь.

Остальное время мы смотрим фильмы, в основном комедии и мелодрамы, лёжа в обнимку. Время от времени он поглаживает моё плечо, но когда добирался до бедра, резко останавливался и убирал руку. Мы много говорили о еде, мечтах и детстве, то, что хотели бы изменить в мире, если бы была волшебная палочка, как у Гарри Поттера. И признаю, мне этого не хватало.

Когда приходит время уходить, я целую его в щеку и хочу уже развернуться к двери, как он осторожно берет меня за руки и ведёт куда-то за окрестности больницы.

— Что ты делаешь? — улыбаясь, спрашиваю неуверенно. Картер качает головой, усмехаясь.

Я смотрю по сторонам, но кроме ярких ночных огней, шума воды и лёгкого теплого дуновения ветерка ничего нет. Картер подводит меня к фонтану, мне остаётся только смотреть.

Тут не было никого из врачей или медсестер. Только мы. Где-то тихо напевали кузнечики, тёплый ветер играл с нашими волосами, деревья шелестели над головами. Картер уселся на гранитный бордюрок, убирая костыли в сторону. Я откашливаюсь, выпрямляясь.

— О, Картер. — Подхожу ближе, склоняясь. Он что-то задумал? Иди хотел снова напугать меня?

— Ты нервничаешь? Я вижу, как пот медленно стекает по твоему виску.

Я ухмыляюсь, он качает отрицательно головой, но стирает тыльной стороной руки несколько поступающих испарин на лбу.

— Это не так. Послушай, — вздыхает он, ловя меня за руки.

Я немного нервничаю, но не подаю вида. Он переводит дыхание и мы в унисон дышим, приходя в состояние покоя. Он немного дрожит и я задаюсь вопросом, не болен ли он?

Карсет недавно сняли, может на него что-то давит, а я не знаю? Подхожу к нему ближе.

В этом парке мы обычно с ним гуляли, когда в палате было совсем скучно. Каждый раз, когда я дотрагивалась до Чейза все во мне утраивалось с небывалой силой. Я могла есть, пить, бегать и при этом ни разу не устать.

Картер поглаживает мои ладони. Позади него шумит красивый позолоченный фонтан. Чейз одет в серую футболку и широкие шорты в полоску. Ему было неприятно здесь находиться в любом случае, даже если он сам не говорил об этом.

— Я скажу сейчас то, что раньше никому не говорил. Для меня это будет в новинку, — предупреждает парень.

Он поднимает на меня свой поразительный взгляд серых глаз, от которого у меня перехватывает дух. Чтобы не упасть, приходится ухватиться за него крепче. Я молча киваю, меня переполняют чувства. Чувства радости, полной неожиданности и бескрайней любви. Он выдыхает и закрывает глаза.

— Ты нравишься мне, маленькая Ти. Я безумно боюсь потерять тебя, но признаться в лицо храбрости не находил. — Он целует каждый мой палец, улыбаясь на полпути. — Прости меня.

Я начинаю плакать, поэтому вместо слов просто обнимаю его и утыкаюсь в шею, закрывая веки. Черта дружбы постепенно исчезает, но позволит ли он мне пройти дальше?

Картер

Утром следующего дня, я быстро собрал вещи, с помощью врачей конечно, и как только собирался выйти из этой гребаной палаты, дверь открылась и вошёл тренер Мистер Хью. Он оглядел скромное помещение и сразу нашёл меня, заставляя сесть на кровать.

— Мистер Хью, какими судьбами? — отзываюсь, приветственно пожимая ему руку. Тренер не разговорчив. Он кратко кивает, потирая подбородок.

— Привет, как ты? — громогласно спрашивает он. Я широко раставляю руки перед собой и пожимаю плечами.

— Готов сразиться за кубок! — Я улыбаюсь, уверенно признавая каждое слово. Но судя по выражению лица тренера, он пришёл вовсе не за этим.

Улыбка быстро сникает. Он садится рядом, сжимая моё колено и тщательно выбирая слова. Я недоуменно смотрю на него, ожидая.

— Мне не хочется этого говорить, но... ты пока что не можешь участвовать в этом сезоне. Ты слишком поврежден, сынок. И я честно беспокоюсь за тебя.

Качаю головой, не в состоянии признать. Как же футбол? Кем я буду тогда? Я вздыхаю, сжимая кулаки. Сердце никак не реагирует. Я тяжело дышу.

— Хотите сказать, что я отстранен из игры и могу быть свободен? — Мне нужно больше объяснений. Тренер печально вздыхает, заставляя взглянуть ему в лицо.

— Я не говорю уходить из футбола навсегда. Поезжай домой, подлечись. Ну, а в следующем году я с радостью приму тебя обратно.

Это заставляет мой пульс участиться. Я улыбаюсь, веря в лучшее. Крепко обнимаю его благодарю.

— Правда? Я, буду стараться, обещаю. Спасибо, не подведу вас, — лепечу ему. Он хлопает меня по плечу и хохочет, как только может.

Выходя из больницы, меня встречают мои друзья и Эйвери. На ней сегодня простые джинсы с завышенной талией, белый топик, одна бретелька которого каждый раз слетала, оголяя её плечо.

— Я уж думал, что состарюсь, — кричит Адам, обнимая меня одной рукой.

С Силентом обмениваемся ударами кулак о кулак, затем он достаёт что-то вроде блокнота и раскрывает его, передавая мне.

— С возвращением, друг, — говорит он, скромничая, и отходит назад. Я смотрю на свой собственный портрет, затем перелистываю и вижу знакомое лицо Эйви и её сестер.

— Большое спасибо. У тебя явный талант, — признаю я, говоря искренне и от чистого сердца.

Силент ничего не говорит, Адам свистит, привлекая внимание всех собравшихся. Он помогает собрать в багажник мою сумку и помочь открыть дверь.

— А теперь едем отсюда, — кричит он победоносно.

Я смеюсь, смотря на своё отражение, отражающееся от оконного стекла. Неожиданно ловлю взгляд Эйвери, улыбаюсь ей, надеясь увидеть её улыбку в ответ, но она быстро прячет свои глаза и отходит в сторону, ближе к Силенту, после чего её отражение исчезает.

Мы с Эйв садимся сзади, Силент с Адамом усаживаются впереди и, как только Адам заводит машину, с колонок выходит музыка в стиле рока. Я поворачиваюсь к ней и

наблюдаю, как она просто и беззаботно смотрит за деревьями.

Я должен рассказать ей всю правду, иначе окажусь полным идиотом. Моё сердце начинает болеть. Я виноват перед ней. Но также я не могу объяснить словами то, что чувствую. Когда мы впервые поцеловались, я ожил. Поцелуй Эйв окрылил меня, помещая в самое сердце нечто сокровенное. Ее душу.

— Ты возвращаешься домой, — первая подает голос она, оставляя меня ни с чем.

Эйвери поворачивается и в её глазах застывает немая боль. Она опускает взгляд к себе на колени.

— Мне рассказала Шанти.

Я хмурюсь. Она не кажется удивлена этому. Замечаю мокрый след на её щеке и как маленькая венка пульсирует у неё на виске.

— Откуда она знает, что я уезжаю?

Она закатывает глаза и тяжело прерывисто говорит:

— Если ты не можешь играть, точно здесь не останешься. — Она слишком хорошо меня знает. — Шанти сложила не сложную мозаику воедино и поняла, что ты вернёшься назад.

— Эйв... — говорю я, пододвигаясь ближе, но нога сильнее ноет, поэтому не двигаюсь, но беру её за руку.

— Я идиот. Да, я возвращаюсь домой. Это правда. Мне нужно поразмыслить над некоторыми вещами.

Она озадаченно изучает мое лицо и хмурит брови. Я хочу сказать больше, но точны ли те чувства, которые я испытываю к ней? Не уверен.

— Конечно, — соглашается она наконец.

Эйв пожимает мою руку и, когда машина останавливается, выходит из машины и заходит в свой дом. Не заметил, как мы ехали в этом направлении. И вообще не думал, что так получится. Грудь резко сдавливает, но я не могу подбежать к ней.

Колёса трогаются дальше, в аэропорт. Да, мне нужен отдых. Но мне сложно оставлять Эйвери здесь одну. Чёрт подери.

По приезду в Броук, меня встречает мама и помогает дойти до такси. Оттуда мы доезжаем до нашего небольшого дома и выходим, ковыляя семимильными шажками до двери.

Дом кажется не менялся со времени моего отъезда.

Деревянные открытые настежь двери, панорамные окна показывали, что находилось внутри самого дома: несколько кресел, стоявшие на настоящей древесине. Один книжный шкаф, который вообще не подходил под интерьер. Но мама влюбилась в него, когда каким-то чудом нашла на распродаже. С тех самых пор он стоит у нас, как оловянный солдатик. Спокойно отстаивая свой срок.

Мама любит книги. От любовных романов до криминального чтива. Иногда она любила сидеть на диване с чашечкой зелёного чая. Это было её личное пространство и время, которое я не мог нарушать.

Силент и Адам удачно проводили меня, мне трудно было расставаться с ними, с новыми друзьями, но я успел пожелать им удачи в игре.

— Сделайте всех. Я мысленно буду с вами. — напоследок сказал я в тот момент. Адам и Силент засмеялись, мы дружно обнялись и прокричали на весь аэропорт девиз команды.

— Будем скучать, Сорви Голова, — признались в один голос два парня в футбольной

форме. Хотя я и не мог играть, у меня оставалась надежда.

Я закрываю глаза, желая видеть лицо Эйви и целую жизнь, полную красок. Снова почувствовать запах травы, прикоснуться к мячу.

— Я хочу вернуть все обратно, — шепчу я, смотря на потреснутый потолок.

— Тогда сделай это, — отвечает мама, мтмолетно целуя меня в лоб, и прошла мимо с чашкой зелёного чая и усаживаясь с книгой на табурет позади.

Всю оставшуюся неделю я усердно работал над собой. Мама заботилась обо мне, пытаясь поднять меня на ноги. Немного качался, бегал, пытаюсь отбросить все мысли.

Как только нога больше не беспокоила, а швы на груди и животе затянулись, я смог убирать дом, помогая в саду и восстанавливая все трещины и косяки.

Как-то раз, когда я красил забор, мама спросила про девушку и я ответил, почти не думая:

— У меня нет девушки.

Тогда она оглядела меня печальным взглядом, покачав головой, но не стала больше спрашивать. Я просто делал своё дело, старался заново жить, отмечая все намёки на прошлое.

С каждым днем я снова проглатывал все воспоминания дальше, чтобы не делать больно по тому, что тупо скучаю по друзьям и девушке с притягательными чёрными глазами из соседнего дома. Кстати, дом, где она родилась и выросла, по-прежнему пустел сколько уже я здесь не находился.

По ночам я смотрел на него из своего окна, в надежде заметить её силуэт или пробегающую тень в свете ночных ламп. Хотя бы часть лица. Но когда я закрывал глаза, то по-прежнему видел её печальный взгляд. Он все время смотрел на меня почти всегда безмолвно, с единственным вопросом: "почему?"

Но дело в том, что я не мог признаться ей, что она мне нравится. В смысле, я сказал ей тогда, но эта больше, чем детская привязанность. Я хотел большего. Хотел большего с Эйвери. Я просто тупо боюсь признаться в своих чувствах.

Как-то раз, я застал маму, заснувшей над кипой бумаг всяких расчётов и оплат за дом. Она зевнула, когда увидела меня по середине кухни.

— Мам, хватит уже мучить себя. Иди поспи, — устало твержу ей.

Я смотрю на бумаги и большие суммы, пугающие до дрожи, подходя ближе. Практически все было обведено в красный кружочек и подведено в три черты с надписями: "срочно!"

— Невероятно, но мы висим на грани, — отрывисто говорю, на самом деле ни черта в этом не понимая. Мама хлопает меня по руке и встаёт.

— Не переживай, завтра утром придет профессионал своего дела и разберётся во всем этом аду.

Я целую ее в макушку, крепко обнимая. Она потирает мне спину, улыбаясь краешком губ.

— Я встречу её, поспи лучше, — отвечаю ей. Она соглашается и уходит в комнату.

— Хорошая идея, Картер, — отзывается она на прощание.

Она была слишком истощена за эти несколько недель, пока меня не было. Я винил себя за это. Черта с два я теперь куда-либо уеду. Я не брошу её!

Эйвери

— Ты уверена, что это стоит того? — спрашивает Шанти, беспокойно летая возле меня. Я начинаю собирать пару вещей в чемодан, надеясь, что когда вернусь обратно, все останется как раньше.

Вчера мне позвонила мама Картера и попросила помочь кое с чем. Она опасалась за свой дом, поскольку не хватало денежных средств, чтобы погасить задолжности. Я любила её, с самого детства она была добра ко мне. И, если честно признаться, я тосковала по дому. Я не могла не помочь.

С тех пор, как мама всем официально огласила, что подает на развод, папа предложил ей ультиматум. Он исчезнет из её жизни, но оставит дом в Броуке как подарок на прощание.

И мама не смогла отказать ему. Я думаю, она по-прежнему его любила. Или любит до сих пор.

С одной стороны мне хотелось верить отцу, но с другой стороны я не была уверена, что он изменится по-настоящему.

Сегодня она отдала мне ключи со словами, что я могу позаботиться о нём до того времени, когда сама сможет переехать туда. Она пока боялась и совсем не хотела сменить место, переезжая в пучину боли.

— Да, уверена. Я хочу ей помочь и поэтому отправляюсь туда, Шанти, — говорю ей, целуя в щеку. — Я позвоню тебе.

Она вздыхает и закатывает глаза. Несколько темных локонов выпадает из её пучка, касаясь щеки.

С тех пор как мы встретили Картера из больницы, Лиззи я практически не видела. Шанти говорит, что она уехала на экскурсию в Калифорнию, но звонков от неё мы не слышали.

Я не стала волноваться, потому что с ней был Силент. По крайней мере, я надеялась на это. Она была вольной птицей, я поняла это. Шанти целует меня в лоб.

— Удачи. Не пропадай, — говорит она. Я киваю и сажусь в машину.

Ещё раз смотрю на неё, прибывая в сомнениях. Что, если с ней что-то случится? Мама не контролировала себя, а бабушка не могла быть вечным телохранителем.

— Эйви, не волнуйся. Я справлюсь, — она махает в сторону пустой дороги и посылает воздушный поцелуй. Мне становится легче.

— Поезжай. И ни о чем не беспокойся. У меня временный перерыв на работе, поэтому в машине я не особо нуждаюсь. Езжай. Я передам Аве, что с тобой все в порядке.

Я кивнула, набрала больше воздуха в лёгкие и отправилась на новый шанс для собственной жизни.

Во время дороги мысли о Картере и что я, возможно, его могу встретить, не покидали меня.

Я так надеялась увидеться с ним, посмотреть в его глаза, лицо. Мне хотелось извиниться перед ним, сердце сжималось с каждым ударом.

Когда он признался мне в своей симпатии, я потеряла дар речи. Все слова пропали на тот момент. Воздух исчез и я просто стояла, задыхаясь.

Мне нравился Картер и нравилось то, что он может быть моим другом. Человеком, с

которым я могу просто поговорить и излить душу. Но каждый раз, когда смотрела ему в глаза, я не осознавала, что происходило с моим телом. Каждая клеточка трепетала, когда мы просто говорили, сердце пускалось в башенный пляс, когда он что-то с интересом рассказывал. Его голос я могла слушать вечно.

Однако было большое НО, витающее огромной тучей над моей головой. Я могла потерять его раз и навсегда. Обрести парня, но потерять лучшего друга. Того, кого люблю. Того, на кого надеюсь и переживаю больше, чем за себя.

Я предполагала, что он уедет, как только выпишется из больницы. Он упоминал об этом. Я знала, где он живёт. Но я не могла верить в эти слова. Верить в реальность. Реальность слишком жестока.

Вжимаюсь в руль сильнее, когда останавливаюсь в пункте назначения. Я вернулась в Брук.

Смотрю на свой дом и не могу поверить, что вернулась обратно. На улице было темно и холодно, но мне нужно было зайти внутрь и нормально поспать перед встречей с миссис Чейз. Может быть, это было лучшим решением. Мне просто нужно держать себя дальше от Картера, чтобы не навредить ему и своему сердцу.

Проснулась я раньше, чем обычно, и попробовала немного убратся, распаковать вещи и принять душ. Я была немного взволнована перед встречей с Миссис Чейз. Ночью меня беспокоил кое-какой звук, скребущий по стеклу.

Я простояла под окнами час, чтобы понять, откуда он шел и кто был его инициатором. Но так и уснула со шваброй в руках.

Бросая беглый взгляд на настенные часы, я понимала, что немного опаздываю. Поэтому быстро обулась в сапоги и надела свитер поверх головы, прыгая на месте.

Идти до дома Чейзов пару шагов через дорогу, затем поворот направо и вот, наконец, я здесь. Нервно сглотнув, стучу в дверь. Спустя две минуты дверь открывает Картер.

Мы оба раскрываем рот, но молчим. Немного была удивлена увидеть его здесь. Но почему я нервничаю, ведь сама знаю, что это его дом?

Чёрт.

Я смотрю на свои сапоги, делая вид, как будто реально заинтересована этим занятием больше, чем смотреть в глаза парню. Прочищаю горло, надеясь, что голос не подведет.

— Твоя мама дома? Я пришла, чтобы...

— Чтобы помочь ей, — заканчивает за меня Картер, бесстрастно кивая головой. Я неуверенно переминаюсь с ноги на ногу, чувствуя какую-то неловкость. Он отходит в сторону, чтобы пропустить меня в дом.

— Проходи. Я сейчас её позову, — говорит Картер и как только я прохожу мимо, он захлопывает дверь и сразу исчезает в соседней двери.

Я смотрю на стол, где разбросано пару бумаг, стоит кружка не допитого кофе и в раковине лежала грязная посуда.

Не успеваю понять, что здесь произошло и установить точную дату, когда здесь последний раз убирались, меня окликают женский голос.

— О, дорогая, как хорошо, что ты приехала, — радостно сазывает миссис Чейз. Она немного исхудала, а густые каштановые волосы были заплетены в корзинку.

Она обнимает меня крепче к своей груди и я стараюсь улыбнуться ей. — Спасибо, что помогаешь.

— Я пока ничего ещё не сделала, — напоминаю ей, поскольку только зашла. Я смотрю на стол и указываю на бумаги. — Это вся ваша проблема?

Миссис Чейз садится на стул, хлопает рядом с собой и я сажусь. Она берет один лист, как мне показалось, с задолженностями и указывает на сумму.

— Вот, дорогая. Мне казалось, что я заплатила за этот месяц. Но эти счета текут рекой снова и снова, требуя о выселении. — Она закрывает лицо руками и качает головой, полностью обессиленная.

Я медленно читаю постановления, строки мелким шрифтом, начиная расписывать для себя кое-какие подсчёты. Я любила цифры и гордилась этим. Когда я закончила читать, не знала, как сказать ей, что денег было недостаточно.

Какой-то час я объясняла всю сложившуюся ситуацию, но она не могла поверить в это, я пыталась говорить другими словами, тщательнее объясняя по буквам.

Ссылаясь на её возраст, старалась быть терпеливее, но терпение лопнуло, когда Картер подал голос. От него я вздрогнула, но не взглянула.

— Почему ты не позвонила мне? — сказал он отчаянно. Миссис Чейз улыбнулась и встала, подходя к сыну. Он мотал головой, потирая пальцами лоб.

— Ты уехал на игру. Ты был полон решительности, Картер. Я не могла сказать, что банковский счет практически на нуле. Я была знакома с одним своим хорошим другом, мистером Твигли, он адвокат. Он предложил мне заложить дом, но я не знаю, куда пойти, поэтому я отказалась и сказала, что не собираюсь этого делать.

— Я мог бы помочь... — молит он, смотря на неё таким искренним взглядом, которым даже на меня никогда не смотрел. Я вздохнула. Была одна идея, но она была безумной.

— Я могу заработать их.

Слова вылетели из уст так быстро, что даже я сама не поняла. Они оба повернули ко мне головы и нахмурились. Картер молча качал головой, фыркая. Миссис Чейз недоуменно.

Я встала и подошла к ней несмотря на то, что от лёгкого прикосновения к коже Картера мои волосы встали дыбом.

— Я могу предложить отдать свои деньги, если позволите. В школьные годы я подрабатывала официанткой в местном кофе "Candle." Там хорошие чаевые и я уверена, их хватит, чтобы оплатить все ваши счета, — говорю ей спокойно.

В глазах женщины блестят слёзы, готовые вырваться в любую секунду.

Она складывает руки вместе в жесте, готовая молиться, и её лицо светится.

— О, боже, как бы это было здорово! Но я не смогу вот так просто взять их у тебя, дорогая. Мне не чем отдавать взамен, — её голос ломается и она отводит взгляд на Картера, который молча изучает моё лицо.

Краем глаза замечаю немой вопрос в его глазах, но быстро возвращаюсь к его маме, так как не могу совладать с собой. Я сжимаю кулаки и глубоко дышу.

— Ничего не нужно. Это будет моей вам благодарностью за то, что помогали мне, когда я была маленькой.

Она улыбается и кратко кивает. Садится снова за шаткий стул, собирает все бумаги по стопкам, но все разлетается, когда руки миссис Чейз дрожат.

Мы с Картером поспешили помочь ей все поднять и, когда я собирала у неё бумаги, улыбаясь, Картер попытался отвести её в сторону.

— Мам, не переживай. Отдай это Эйвери, она все сделает. Идем, уложим тебя в постель. — Картер, не глядя в мою сторону, ушёл вместе со своей мамой в соседнюю

комнату, закрывая дверь.

Пока я приходила в чувства, собирая каждую квинтацию в отдельную стопку, до меня доходил реальный смысл того, что я сказала. Просто идиотка.

Мне придётся столкнуться с прошлым. Но ради спасения этого дома, в котором проходило детство Картера, я должна была сделать это. Потому что отчасти это и мой дом тоже.

— Она уснула, — отозвался глубокий голос.

Мои плечи вздрогнули и я повернулась, кивнув быстро головой. Картер медленно прошёл ко мне, на секунду задерживаясь возле меня. Он опустил свои серые притягательные глаза и вздохнул, снова закрывая. Мы так близко, почти висим на краю тонкой проволоки, которая может в любой момент порваться.

— Хорошо, — выдыхаю я, смотря вниз.

Его пальцы обхватывают мой подбородок и поднимают вверх, чтобы я смотрела прямо на него. Его пальцы нежные и еле касаются моей кожи, но мне уже не хватает воздуха. В его глазах слишком много печали, от которой моё сердце разрывается на осколки.

Мне хочется притянуть его к себе и никогда не отпускать.

Наверное, самое ужасное в дружбе между девушкой и парнем — со страхом ждать момента, когда каждый поймет, что это уже не дружба. Что напряжение между ними это не просто привязка, а зависимость. Что желание видеть друг друга каждый день не просто желание, а волнительное предвкушение. Но все равно никто не признаётся в этом.

— Спасибо, что приехала, — сказал он хриплым голосом. Я сглотнула, не в силах ясно мыслить. В конце концов я не ради него приехала.

— Я приехала помочь твоей маме, — говорю ему, переходя на шепот. Мне придётся сделать этот шаг первой.

Я закрыла глаза, вздохнула и отстранилась на безопасное расстояние. Мне нужно было идти. Нужно уйти, пока не стало поздно.

С kloкочущим сердцем хватаю все счета, которые были на столе, притянув к груди, пячусь к выходу.

— Мне нужно идти. Скажи своей маме, что я приду завтра вечером к ней, ладно? — нервно говорю я, стараясь не расплакаться.

Воспоминание сидевшего Картера возле фонтана и признававшего мне в своих чувствах тут же вспыхнуло в голове. Он же мог признаться, что любит меня? Но он этого не сделал. Он просто сказал, что я ему симпатична и боится потерять меня.

Хотя на самом деле его слова слышались слишком заученными, стертými до дыр. Как если бы брат говорил своей сестре о том, что он любит её или у неё красивое лицо. Что главное, это разбивало меня.

Ещё я заметила, что Картер больше не носил костыли, чему я была безумно рада. Он шёл на поправку.

Картер делает шаг ко мне, протягивая руку. Его кадык движется, когда его голос прорывается сквозь шум в моих ушах.

— Я передам. — Он сжимает руку в кулак и убирает её. — Хорошо.

Я киваю и отворачиваюсь. Когда открываю дверь, его голос останавливает меня.

— Эйвери?

Я сглатываю, чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный ком.

— Да?

Минуту он молчит. Я думаю, чтобы сделать сейчас? Что сделает он? Такое чувство, что в животе поселился страх, который никак не мог назвать своего имени.

— Я буду тут до конца недели.

Я усмехаюсь, хотя внутри зарождается свет.

— Хорошо. Выздоровливай, Картер.

И я выбежала из его дома, как пуля, торопясь к себе домой, чтобы запереться внутри и попробовать сделать что-то с удушающей меня болью в груди.

Эйвери

На следующий день я проснулась как ни в чем не бывало. В груди саднило, но я старалась не обращать внимание. Я собрала волосы в один хвост, переделась в домашний чёрный топик и свободные шорты, готовая что-нибудь сделать, лишь бы заполнить голову чем-то другим, кроме Картера.

Спустя час в гостиной играла живая музыка группы Portugal The Man с песней "Feel It Still". Я кружилась по комнате, пританцовывая.

Теперь мне не нужно было засыпать в гараже, как было раньше. Но я до сих пор это делала.

Немного потанцевав и полностью убравшись в доме, мне стало легче. Приводя дыхание в порядок, я вспомнила, что нужно было заскочить в

"Candle", но перед этим мне нужно было позвонить Шанталь.

— Алло? — послышался сонный голос в трубке. Я усмехнулась.

— Привет. Как дела?

Шанталь зевает.

— Все тихо. Мама сейчас на пробежке, делая зарядку с Лиззи. Я пытаюсь поспать, не думая, чем в соседней комнате занимается бабушка.

Я смеюсь.

— Лиззи? Разве она не в Калифорнии?

— Ах, да, забыла рассказать, что Лиззи вернулась через три дня после твоего отъезда. Она сказала, что хочет побыть с семьёй и мама была этому только рада. Кажется, это её успокаивает и помогает сдерживаться.

Я слышала тихий смехок сестры, когда она встала. Я кивнула головой, расчесывая волосы после душа. Я была против всяких фенов, которые лишь сушили волосы и делали их ломкими.

— Хорошо, — согласилась я, думая, что ей так будет легче.

— А как там твои дела? Как жить самостоятельной жизнью? Не страшно засыпать по ночам? — Шанталь снизила голос до устрашающего, но я не так сильно испугалась.

— Неплохо, тут довольно уютно, но иногда хочется просто запереться в гараже. — Я вздыхаю. — И я не знаю, почему так.

Шанталь долгое время молчит, потом прочищает горло.

— Может, ты всё-таки боишься остаться одной? — Её вопрос застал врасплох.

Может, он был риторическим, а может потому, что Шанти просто хотела позлить меня. Я не имела не единого понятия. Вместо этого я засмеялась.

— Не знаю. Возможно, — выпалила я и сразу пожалела, потому что Шанталь могла все бросить и приехать сюда, но я знала, что её гордость была сильнее.

— Если что, всегда можешь вернуться обратно.

— Я слишком много раз возвращаюсь. Со мной все будет в порядке. Это дом, где я родилась, не забывай. Ничего не случится. — Я улыбнулась и мы попрощались.

Когда я только нажала на кнопку "отбой" на телефоне, снова послышался еле слышный, но страшный до жути, скрип под окнами. Я медленно подошла к одну из окон и стала всматриваться, пока не заметила яркие зелёные кошачьи глаза.

Я открыла окно, опираясь на подоконник, облегчённо вздохнула, когда поняла, что это всего лишь кот. Его шерсть была угольной, глаза большие и яркие, и сам был с размером с детскую ладошку. Кажется, он потерялся.

— Здравствуй. Откуда ты, красавчик? — проворковала я, и он мяукнул в ответ. От этого внутри все задрожало теплом.

Я взяла его осторожно на руки и попыталась налить немного молока, которое оставалось в холодильнике.

Также я нашла несколько кусочков колбасы и оставила ему целую миску еды и молока, чтобы на случай чего он смог пропитаться сам.

Переодевшись, я погладила его по довольно мягкой шерсти, замечая, как он идёт в развалочку по квартире, будто осматривает обстановку, в которой собирается жить. Он напоминал меня в детстве. Я была такой же неуклюжей.

И тут пришла мысль, не оставить ли его у себя? Я загорелась этой идеей, к тому же не будет так страшно засыпать по ночам.

Я отпила немного утреннего кофе с молоком. Когда снова посмотрела на маленького котёнка, то обнаружила его уже крепко спящим на изголовье дивана. Я постаралась не шуметь и тихо переложить его в свою комнату в гараже, в более безопасное место.

— Я скоро вернусь, Ним, — шепчу ему, улыбаясь. Да, Ним — подходящее имя для такого котёнка, как он, решила я.

Как по щелчку, я вдыхаю и натягиваю улыбку, доезжая до кафе. Candle — это скромное на вид место, где водится слишком много чаевых. И под слишком, значит, что дозволено очень многое.

Я захожу в настезь открытые стеклянные двери и, вдыхая в последний раз морской воздух, следую к ресепшену. Меня встречает блондинка с красной помадой, улыбаясь во все зубы.

— Привет, что-то случилось?

Я откашливаюсь, поднимая подбородок и расправляя плечи.

— Здравствуйте, я ищу работу. Я могу мыть и убирать, если нужно и...

— Эйвери Джонсон? — Слышу знакомый голос и поворачиваюсь.

Передо мной стояла ослепительная девушка с голубыми глазами. Она проходит до меня и два раза целует в обе щеки. Это такое клеше, но здесь в порядке вещей. Поэтому я просто подстраиваюсь.

— Привет... — Я сощуриваю глаза, изучая её лицо внимательнее, и вспоминаю старую подругу из школы. — Сэл, если не ошибаюсь.

— Приветик. Да, именно. — Сэл склоняет голову. — Так тебе нужна работа?

Я киваю в надежде, что я пришла не напрасно. Она улыбается, кивает девушке позади меня и уводит дальше.

— Я могу тебе предложить работу официанткой, но с одним условием, — она вдруг замолкает и я напрягаюсь.

— С каким?

— Условие только одно и очень простое. Помнишь, в школьные времена несколько девочек запирали двери здесь, на втором этаже, — она указывает пальцем на верх и я смотрю на второй этаж, где находилась, как помню, VIP-зона. Именно там находились большие чаевые, которые так нужны.

— Да.

— Так вот. Если ты готова к этому, я могу дать тебе то, что ты хочешь. Раз ты теперь совершеннолетняя, то играть должна по правилам. Гарантирую хорошие чаевые, — подмигнула она.

Я кивнула, хотя было не по себе. Но я должна была заработать деньги и помочь бедной женщине.

— Отлично, можешь приступать с завтрашнего дня. Твоя смена начинается с 10. Только не забывай про имена. Ты не должна называть настоящего, чтобы не обрести проблем.

Всю следующую неделю я прихожу в "Candle" ровно в десять, обслуживаю каждые столики на первом этаже, затем после обеда поднимаюсь на второй этаж и делаю вид, что я в этом деле настоящий профессионал.

Как-то раз, поднимаясь на второй этаж, я замечаю слишком знакомые волосы какого-то парня. Он поднимается с дивана и замирает на месте при виде меня. Улыбка исчезает и я не знаю, куда себя деть. Но в это время, пока я гадаю, куда бы спрятаться, он уже подходит ко мне.

— Эй, привет, — говорит он, склоняя голову.

Я киваю головой, но не могу смотреть ему в глаза. Он прячет руки в свою кожаную куртку и смеётся.

— Я не привык, когда со мной не здороваются. Ты умеешь говорить? Как тебя зовут?

Я сглатываю. Краем глаза замечаю предупреждающий взгляд Лэс. Она машет руками, чтобы я действовала, иначе потеряю работу. Поэтому я закрываю глаза и отмечаю все свои сомнения в сторону. Я поднимаю голову и невинно улыбаюсь парню.

— Вирджиния, — отвечаю ему.

Он сощуривает тёмные, почти дьявольские глаза, будто не верит. Он не мог меня вспомнить, так как на мне слишком много косметики и розовый парик, как маска для посетителей.

Плюс в этом кафе в том, что работников тщательно охраняли, скрывая их настоящие личности. Мне нравилось это место, несмотря на кое-какие мелочи.

Хоть здесь и было слишком дорого, пафосно и приходили сюда лишь избалованные дети богатеньких семей, тут всегда можно было подзаработать, но при одном условии — ты должен делать все, что пожелают посетители. Выполняя каждое их желание, но и придерживаясь кодекса самого заведения: ни касаться пальцами.

— Ты очень красивая, Вирджиния, знаешь об этом? — Он стал приближаться ко мне, почти вплотную пригвождая к стене.

Я сжимаю руки и снова опускаю взгляд. От него разлило текилой и пришлось сморщить нос. Вокруг слышался гул многочисленной болтовни: женщины за стенкой смеялись, мужчины опускали шуточки, которые совершенно не были смешными.

Из последних сил я старалась сдерживаться. Оставалось каких-то два дня, чтобы этот ад закончился. Но этот день не хотел никак заканчиваться.

Парень коснулся моей скулы, проводя пальцами до подбородка. Я отвернулась.

— Не трогайте меня, — грозно предупредила, начиная нервничать.

Его дыхание коснулось моего уха. Он двинулся вниз к моей талии и в животе образовался нервный узел.

— Я могу трогать тебя везде, где пожелаю. Это за мои деньги ты выживаешь в этом идиотской мире, — шипит он и касается своими губами моих, но я больше не могу это

терпеть, я даю ему пощечину и сбегая вниз.

— Сука! — орёт парень, прижимая руку к своей щетине. В это время ко мне подбегает Лэс с большими глазами.

— О боже мой, детка, ты вся дрожишь! — замечает она, потирая меня по плечам. Я глотаю ком в горле, сдерживая слёзы. Боюсь посмотреть наверх, уверенно зная, что его глаза все ещё следят за мной.

— Прости, я не могла его выслушивать, — говорю ей дрожащим голосом. Она качает головой и уводит к себе в кабинет. Лэс усаживает меня в кожаное красное кресло и подаёт стакан воды.

— Не волнуйся за этот инцидент, — говорит она, улыбаясь.

— Дэм Фракин сам виноват. Он думает, что раз его отец подарил ему это кафе, то парню позволено все. Я позабочусь об этом, но мне придётся тебя уволить, детка. — Она вздыхает и достаёт белый конверт из своего стола.

— Это честно заработанные деньги. Уверяю, тебе хватит на все твои нужды, Эйвери Джонсон.

Я удивлённо хлопаю глазами, откашливаясь. Дэм? Тот самый Дэм, о котором говорила Лиз? Я встаю, держась за край стола.

— Подождите, Дэм... Дэм это был тот самый парень? — спрашиваю, указывая пальцем за спину. Она кивает, будто я настоящая идиотка.

— Ты не знала?

Я мотаю головой. Бедная Лиз... Если он так много позволял со мной, то что он делал с Лиз? От такой мысли меня тошнило. В прямом смысле. Чувствовала, как весь ком пробирался

наружу и в конце концов меня стошнило на стол Лэс.

Она ахнула, подпрыгивая на месте и выбегая из своего рабочего места. Я прикрываю рот, извиняясь.

— Так все, Джонсон. Ты уволена! — Я вижу, как она берет конверт и дрожащей рукой передаёт мне, вручая не глядя. Открывает дверь и без слов указывает на выход.

— Прости меня, мне так неловко, — шепчу ей.

Лэс отворачивается, вздирая нос. Мне приходится уйти, пока все не стало ещё хуже.

Я уезжаю обратно домой и как только дверь закрывается, бегу в уборную, склоняясь над унитазом и позволяя желудку снова освободиться.

— Мяс? — Я резко оборачиваюсь, замечая в проёме двери Нима. Он осторожно передвигается по комнате и я улыбаюсь.

— Все хорошо, Ним, все хорошо, — успокаивающее говорю ему. Он подходит ко мне и я быстро смываю, затем ополаскиваю лицо холодной водой. Ним трется о ногу и я таю.

— Идём, покормим тебя, — смеюсь от его жалкого вида. И как только слова слетают с моих губ, Ним бросается из ванной комнаты, поблескивая хвостом.

— Вот, ваши деньги, — говорю я, передавая конверт миссис Чейз. Она хлопает глазами в неверии. Я натягиваю улыбку, когда она обнимает меня.

— Спасибо огромное тебе! Ты наш ангел-хранитель, — радостно заявляет она, откашливаясь, смотря на своего сына. Картер вздыхает, закатывая глаза.

— Спаситель, мам. Ты опять все перепутала, — говорит он, не глядя на меня. Миссис Чейз отмахивается и смеётся. Она указывает на чайник и ещё раз благодарит меня.

— Неважно. Лучше поухаживай за дамой и завари чай, будь так любезен.

Он ухмыляется, но делает так, как говорит миссис Чейз. Я скрываю улыбку, прикрывая ладошкой рот. Однако от Картера это не проходит мимо. Он ловит мой радушный взгляд и, подмигивая, качает головой.

Сразу, как по команде, моё сердце часто бьётся, мурашки бегут по спине и ноги подкашиваются. К счастью, Миссис Чейз касается своей тёплой рукой моего локтя и это спасает меня от обморока.

— Я бесконечно буду тебе благодарна, Эйвери Тейлор. Я счастлива, что рядом с моим сыном такой ангел, как ты.

Я качаю головой, не желая, чтобы она так волновалась. Мне не особо нравилось внимание. Я терялась и не знала, что сказать в ответ, когда на меня смотрели в ожидании.

— Не нужно. Вы были добры ко мне сколько я себя помню. Поэтому я и сделала это.

Я смотрю в окно и снова вдыхаю полной грудью. Меня всю трясло, но не хотелось расплакаться прямо на глазах миссис Чейз. Она кивает, сжимая мою руку.

— Ещё раз спасибо, дорогая.

— Чай готов, — оповещает Картер, подходя с дымящей кружкой в руках.

Миссис Чейз одаривает нас улыбкой, целует Картера в щеку и сжимает пальцы на подвеске своей сумочки. Она поправляет свою юбку, натягивая до колен, застегивает белоснежную рубашку на все пуговицы и надевает серое пальто.

— Я бы осталась, но мне нужно встретиться с мистером Твигли, — она бросает взгляд на свой телефон в руках, — через десять минут. — Миссис Чейз поднимает на меня свои блестящие карие глаза, улыбаясь.

— Оставайся здесь. Мне очень совестно, что я не могу отплатить тебе чем-то большим. Но так я буду спокойна, что с тобой ничего не случилось.

Я не могу отказать ей. Она была копией своего сына. Она была для меня как мама. Её забота всегда забавляла меня, моё сердце таяло.

Украдкой пробегаюсь по обеспокоенному лицу Картера. Он склоняет голову, но когда наши взгляды пересекаются, он уводит глаза на кружку в руках.

Стоит ли мне остаться с ним наедине, когда от одного упоминания его имени, от одного взгляда серых глаз, я теряю самообладание? Стоит ли мне жертвовать дружбой с ним ради безответной любви?

— Оставайся, Эйв. Я обещаю не кусаться, — просит все также, без каких либо эмоций, Картер. Вздрагивая от его голоса, остаётся только кивнуть.

Его мама между нами счастливо смеётся, кладя руку на сердце.

— Ну, вот и славно, — говорит миссис Чейз.

Эйвери

Как только дверь за миссис Чейз закрылась, я почувствовала, как в воздухе снова появилось напряжение. Мои лёгкие сжались, когда я снова посмотрела на Картера.

С тех пор, когда я видела его в больнице, прошли, казалось, годы. Его плечи стали шире, руки накаченнее. Волосы стали кароче. От волнистых локонов ничего не осталось. Теперь его волосы были пострижены под ёжика. И мне захотелось узнать, на самом ли деле они чувствуются на ощупь такими колючими, как выглядели.

— Может посмотрим фильм? — спрашивает вдруг Картер, подходя к дивану и расслаблено усаживаясь удобнее, кладя руку на спинку дивана.

Я сглатываю. Простой фильм ничего не сделает, верно? Или может я всё-таки уйду домой, пока не станет хуже?

Смотрю на Картера. Его лицо ничего не выражает, а глаза он по-прежнему скрывает. Я делаю невольный шаг в его сторону и сажусь на краешек дивана.

Он усмехается, подзывая кивком головы к себе. Когда я остаюсь на месте, упирая взгляд на свои раскрытые ладони, он вздыхает.

— Эйв, я все ещё твой друг и это обычный фильм. Я не хочу, чтобы ты боялась меня, — говорит он и его голос надламывается. Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь.

— Хорошо, давай просто глянем фильм, — отвечаю ему. На его лице появляется улыбка и моё сердце отбивает несколько ударов. Я придвигаюсь ближе, но не касаюсь Картера. Мы оба держим дистанцию, из-за всех сил сдерживаясь.

Он нажимает на "play", синий свет на экране освещает наши лица. На некоторых моментах мы оба смеёмся, Картер комментирует каждую сцену, но мне это даже нравится.

Ближе к концу я не знаю, что во мне происходит, но что-то идёт не так, потому что я слышу, как всхлипываю. Смотрю на пробегающие субтитры и не могу остановиться. Картер поворачивает голову и хочет что-то сказать, но резко разевает рот, поддвигаясь ближе. Я закрываю лицо руками, утыкаясь в колени.

Тёплая рука Картера оборачивается вокруг моего плеча и тянет на себя.

— Что такое? Почему ты плачешь? — спрашивает он, но я не могу ответить.

Вместо этого он слышит только мои всхлипы и бессвязное бормотание. Я качаю головой и Картер убирает руки от моего лица, смотря в глаза.

Я не могу рассказать про Дэма. Про чертвого парня, который домогался меня. Который, возможно, разбил сердце моей сестре или, ещё хуже, раздавил её душу? Я не могу сказать ему, что люблю его, потому что боюсь потерять его, как друга. Это слишком больно.

Он обнимает меня, потирая спину, и я немного прихожу в себя. Вытирая с щёк слёзы, Картер по-прежнему обеспокоенно изучает меня. Неожиданно ко мне приходит мысль и это пробуждает, как ото сна. Я подпрыгиваю на месте.

— О, боже, Ним! — вскрикиваю я, приводя волосы в порядок. Картер недоуменно смотрит и хмурится. Его кулаки сжимаются.

— Ним? Какой ещё Ним, Эйв? — Он подходит ко мне и обхватывает моё лицо руками. Я улыбаюсь и киваю.

— Это мой кот. Возможно, он сейчас умирает с голоду, но так или иначе, мне нужно домой, — тороторю я. Картер усмехается, но глаза все ещё серьезные, почти холодные.

— Ты никогда не говорила, что у тебя есть кот, — еле слышно твердит он, отступая.

Я махаю рукой, потому что это было не так уж важно. Картер берет куртку с крючка и открывает дверь.

— Просто было не до этого. И он появился у меня недавно... Это вообще долгая история, — говорю ему, начиная смеяться.

Долгое время я не слышала своего смеха, но мне понравилась эта лёгкая дрожь в животе. Картер переминается на месте, широко улыбаясь.

— Я с удовольствием послушаю ее по дороге.

От его ответа меня пригвождает к полу. Хорошая ли эта идея, пускать его в дом? Но он мой друг и будет глупо, если я этого не сделаю.

— Хорошо, тогда идём.

Подходя к моему дому, я открываю дверь и на пороге сразу появляется Ним. Он медленно подходит к ногам Картера, пригнувшись. Я снимаю верхнюю одежду и следую на кухню, чтобы накормить малыша.

Когда я возвращаюсь обратно, Ним уже нежится в объятьях Картера Чейза. Он тихо мурлычит и Картер мило улыбается.

— Вы уже подружились? — удивлённо спрашиваю, подходя ближе, и ставя миску с молоком на пол.

Картер садится на карточки и опускает котенка. Ним сразу находит миску и, по-прежнему мурлыча, пробует молоко.

— Да, никто не может сдержаться от моего очарования, — он замолкает, когда оба встречаемся взглядом. — Кроме тебя.

Я неохотно улыбаюсь, соглашаясь.

— Ага.

Мы ещё минуту смотрим на Нима, пока он не засыпает на руках Картера. Чейз гладит его, ухмыляясь. Кажется правильным, что он здесь и рядом. Моё сердце умеренно бьётся в груди и я больше не слышу всяких клацаний и ударов под окнами. Он переводит свой тёплый взгляд с Нима на меня.

— Как давно он тут? — спрашивает он. Я пожимаю плечами.

— Несколько дней. Я надеялась, что ещё одно существо как-то скрасит мою жизнь здесь и мне не будет так страшно возвращаться сюда.

Я не могла сдерживать то, что выходило наружу. Он был таким человеком, который мог влиять на моё состояние, лишь взглянув. Картер улыбается мне мальчишеской улыбкой, но на лице чистое раскаяние.

— Извини меня, — шепчет он, бегая глазами.

Я мотаю головой, не в силах говорить об этом. Был долгий день и мне хотелось просто заснуть. Я забираю Нима из его рук и иду на второй этаж, сдерживая шквал эмоций.

— Не за что, не думай об этом, ладно? — Я поворачиваюсь к нему и киваю. — Но ты можешь остаться, если хочешь.

Его глаза не отпускают меня, он просто кивает и следует за мной. Он так уверен, что будет спать вместе со мной? Я качаю головой, когда Картер касается меня почти вплотную.

Я закрываю глаза. Мне приходится не легко, чтобы не закричать и не рассказать об этом Дэме, но сдерживаюсь. Я смотрю на него сверху вниз. Он часто дышит.

— Будет лучше, если ты переночуешь в гараже, а я посплю наверху, — в полголоса лепечу. Картер тихо смеётся, но сдержанно кивает.

— Как скажешь, Ви. — Он подходит ко мне ещё ближе и кажется, что мои лёгкие просто лопнут. Он дотрагивается костяшками пальцев моей щеки, нежно поглаживая. Целует в лоб и спускается вниз.

Середина ночи проходит очень медленно. Я будто бы попала на состязание по сдерживанию самого себя. Мне оставалось каких-то 24 часа, чтобы все закончилось.

За это время я несколько раз переворачивалась, смотрела в потолок и никак не могла сомкнуть глаз. Сон просто не желал приходить.

Ветер под окнами становился сильнее, голые ветки беспощадно били в окно, а тени от деревьев игрались с моим разумом. Мне хотелось свернуться в клубок и спрятаться под одеяло.

Я закрыла веки, буквально заставляя себя заснуть, но вместо сна появлялись руки, которые все время трогали меня, губы, вольно гуляя по моей шее. Я все сильнее чувствовала себя беспомощной.

Меня терзали мысли, которые не давали душевного покоя. Что этот Дэм совершил с Лиззи? Почему он сразу не сказал своего имени? И как мне теперь смотреть в лицо парня, которого и так боюсь потерять?

По щекам снова текут слезы. Я шмыгаю носом, но, лёжа здесь, в одиночестве, мне кажется, что все давит и все детские страхи обретают смысл.

Будто сейчас из шкафа выйдет столетнее приведение или из окна покажется тень злой ведьмы на метле, которая забирает детей и съедает, или из под кровати вылезет чья-то рука с длинными когтями.

Неожиданно, в шкафу что-то скрипнуло и я вздрогнула, выбегая из комнаты.

Не глядя, я спускалась по лестнице, пока не оказалась в проеме открытой двери в гараж.

Сердце остановилось, когда я втянула воздуха, боясь выдохнуть. Стоило ли мне войти? Когда дверь наверху резко захлопнулась, я вскрикнула, без колебаний забегая в гараж и сталкиваясь с лицом Картера.

— Эйви? Что случилось? — потирая левый глаз, сонно спросил он.

Я остолбенела при виде его накаченного пресса. На нем были джинсы, но не было футболки, которая бы сейчас пригодилась. Я прикусываю нижнюю губу.

— Мне кажется, что наверху кто-то есть, — начинаю я. Картер оживает. Он приподнимается на одном локте, хмуря брови.

— Опять? Ты уже не маленькая, поэтому должна знать, что монстров не существует. — Он касается указательным пальцем по своему виску, уголок его губ приподнимается в наступающей издевке.

— Все это у тебя в голове.

Я раздражённо вздыхаю, внутри начинает все закипать. Он постоянно смеялся над этим, когда я была ребенком. Я стискиваю зубы.

— Хорошо, тогда не кричи, как девчонка, когда один из монстров придёт за тобой. — Я разворачиваюсь, но как только пальцы касаются дверной ручки, Картер подает голос:

— Ладно, ложись.

Я улыбаюсь и проскальзываю к нему, отворачиваясь. Это всегда срабатывало.

Когда я пытаюсь закрыть глаза, снова перед собой вижу его руки, губы и злое лицо бусинки, сгорающие похотью. Я открываю веки снова, чувствуя теплую ладонь Картера.

— Эй, почему ты дрожишь? — тихо спрашивает парень, касаясь голой грудью моей спины. Пока он не сказал об этом, я даже не замечала, что мои руки и тело потряхивает. —

Расскажи мне.

Я поворачиваюсь к нему лицом, вытирая слёзы. Я просто не догадывалась, что в человеке столько слез. Я умалкиваю про то, каким именно способом заработала деньги для его мамы, но лавина, которую я сдерживала достаточно долгое время, могла вот-вот обрушиться.

— Я... я не знаю, почему это происходит. Я виновата, что мои родители больше не вместе. Я чувствую страх, потому что не могу контролировать свое состояние... Я просто не знаю...

Картер измученно смотрит мне в глаза, готовый сам в любую минуту разрыдаться. Но вместо слез он одаривает меня лучезарной улыбкой, от которой с каждым разом теряю сознание. На его левую сторону лица падает лунный свет, от этого виднеется каждый изъян. Будто яркий луч прожигал шрам, показывая каждую извилину. Он начинает немного дрожать, когда говорит, отрицательно мотая головой.

— Ты не виновата, что твои родители разошлись, слышишь? Это был их выбор выбор. Их личный выбор. — Он касается лбом моего и закрывает глаза, чему-то улыбаясь.

— Они любят тебя, Эйв. Все тебя любят... и... — Он зажимает губы и отстраняется. Его дыхание учащается, а кулаки сжимаются.

— Что? — отрывисто шепчу, задыхаясь и касаясь его сжатых кулаков. Он вздрагивает, когда мою кожу покалывает.

Он поднимает на меня свои глаза, бегая неуверенным взглядом от моих заплаканных глаз к губам и обратно. Тишина настигает так быстро, но я не успеваю насладиться ею, когда Картер нежно касается моего лица и накрывает мои губы своими.

Я задерживаю дыхание, крепче удерживаясь в реальности, потому что от его поцелуя у меня кружится голова.

— Я тебя люблю, — признаётся он, ещё один раз целуя мои губы.

Я расплываюсь в улыбке, слёзы снова начинают покрывать моё лицо. На этот раз Картер смеётся, вытирая мои слезы.

— Я обещаю сделать все, чтобы ты была счастлива. Я удерживался все эти дни, но больше не могу. Ты нужна мне.

— Ты тоже мне нужен, Картер. Я люблю тебя, — говорю ему в лицо, захлебываясь слезами.

Он притягивает меня ближе и осыпает каждую часть моего лица, и в эту секунду весь мир останавливается. Я счастлива. Рядом с ним. С парнем, который меня любит и которого люблю я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net